Г.ЗЫКОВА

ЖУРНАЛ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА «ВЕСТНИК ЕВРОПЫ» (1805-1830 гг.): РАЗНОЧИНЦЫ В ЭПОХУ ДВОРЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Диалог МГУ

Москва
1998

iSkysoft
PDF Editor

ББК 76.02
З-96

Научный редактор:
А.И.Журавлева
Рецензенты:
к.ф.н. Д.П.Ивинский, д.ф.н. А.И.Янушкевич

Зыкова Г.В.
З-96 **Журнал Московского университета «Вестник Европы» (1805-1830 гг.): Разночинцы в эпоху дворянской культуры**
-М.: Диалог-МГУ, 1998.- 129 с.

ISBN 5-89209-293-3

Г.В.Зыкова. Журнал Московского университета «Вестник Европы» (1805-1830 гг.): Разночинцы в эпоху дворянской культуры. М., 1998.

В книге подробно анализируется «Вестник Европы», бывший в 1800-х – нач. 1810-х гг. самым крупным и влиятельным периодическим изданием в России, в котором впервые были установлены многие впоследствии канонические формы журналистики. Позиция журнала отражала мировоззрение разночинцев-просветителей, чем и объясняется постоянная полемика журнала с наиболее значительными и влиятельными деятелями современной ему русской литературы, имевшей отчетливо выраженный дворянский характер. В журнале обнаруживаются истоки эстетической традиции, отчасти воспринятой впоследствии любомудрами, а позднее – леворадикальной критикой. Работа содержит также ряд фактических уточнений наших представлений о материале (атрибуции, демонстрация некоторых новых документальных источников).

ББК 76.02

Напечатано с готового оригинал-макета автора

ISBN 5-89209-293-3

© Зыкова Г.В., 1998

iSkysoft PDF Editor

ВВЕДЕНИЕ

Тема этой книги – позиция разночинца в русской словесности той эпохи, когда литература, по впечатлениям гостившей здесь Ж. де Сталь, была занятием нескольких «бояр» (не случайно это высказывание с одобрением цитировалось Пушкиным). Понятно, что в такой литературе разночинец воспринимался как чужой.

Ситуация в первой трети X1X в. в этом отношении существенно отличалась от ситуации XV111 в. Русская словесность XV111 в. словесность подчеркнуто «ученая», филологическая: в ней трактат о стихосложении предшествует самим стихам. Этот многократно обсуждавшийся в филологии факт объясняется и общеевропейской - классицистической - концепцией культуры, и особенностями культуры русской, которая осознавала себя как становящуюся впервые или, по крайней мере, заново и вынужденную поэтому ориентироваться на чужой опыт.

Как известно, занятия наукой традиционно не считались в России занятиями, достойными дворянина: на это жаловался, например, Карамзин в своей статье 1802 года «Отчего в России мало авторских талантов?». Ю.М.Лотман приводил выразительное свидетельство: «В 1793 году автор реакционной брошюрки «Мысли беспристрастного гражданина о буйных французских переменах» особенно опасался воздействия демократических идей на «народ, состоящий из попов, стряпчих, профессоров, бродяг…»[1]. Статус поэзии в России, впрочем, по утверждению Ю.М.Лотмана, был традиционно выше статуса наук и «ремесел» (изящных искусств), но лишь в той мере, в какой поэзия была боговдохновенным пророчеством, а не «наукой»[2]; но в XV111 в.

---

[1] Лотман Ю.М. А.Ф.Мерзляков как поэт. Мерзляков А.Ф. Стихотворения. Л., 1958, с.10.

[2] «В западноевропейской культуре XV111 в. поэт находится в одном ряду с другими деятелями искусств. В русской культуре мы сталкиваемся с принципиально иным положением: живописец, архитектор, музыкант, актер – люди «низких» занятий. Это профессии для крепостного (наряду с поваром и парикмахером), вольноотпущенника или иностранца. Не случайно слово «художник» в языке XV111 в. применяется к ремесленнику, человеку, работающему руками… Творчество поэта не считалось в России XV111 в. ремеслом и резкой гранью было отделено от остальных искусств. Поэзия – язык богов, благородное занятие» (Русская литература послепетровской эпохи и христианская традиция. – Цит. по изд.. Лотман Ю.М. Избранные статьи. Таллинн, 1993, с.128). Это явление Лотман объяснял русской традицией отношения к письменности как к чему-то связанному с сакральной сферой.

iSkysoft PDF Editor

поэзия воспринималась по преимуществу все же именно как «словесная наука».

Достойным развлечением для светского человека русская литература становится со времен Карамзина, создавшего не только литературный язык, ориентированный на язык хорошего общества, но и беллетристические жанры, лишенные «вульгарности» массовой литературы ХУ111 в. Литература ХУ111 в. в начале Х1Х в. могла восприниматься одновременно как культура «педантов» и как культура «низкая», массовая. Одно оказалось принципиально связано с другим по признаку «дурного тона». В этом смысле эмблематической фигурой ХУ111 в. был Барков, ученый переводчик.

Карамзин собирался просветить дворянство, а не сделать литературу элитарной: «Со временем будет, конечно, более хороших авторов в России – тогда, когда увидим между светскими людьми более ученых или между учеными – более светских людей»[3] Однако ученики Карамзина – люди пушкинского поколения – делают литературу привилегией сословия. Такой она была примерно с конца 1810-х гг.; полемика 1830-х об «аристократизме» в литературе лишь сделала предметом громкого обсуждения давно существующее явление. Ситуация начала изменяться, видимо, с конца 1820-х гг.: «несветский» салон В.Ф.Одоевского, куда хозяин с конца 1820-х гг приглашал всех людей, казавшихся ему интересными, воспринимался поначалу как явление исключительное, но это было не только исключением, но и симптомом приближающихся существенных изменений. Кружки философствующей молодежи «сороковых годов» - уже явление абсолютно надсословное, а закладывалась эта традиция, видимо, любомудрами в середине 1820-х гг.; разночинец Белинский – уже фигура, центральная для культуры в целом, культуры, не делящейся на дворянскую и разночинную. Именно в тридцатые-сороковые, видимо, изменяется и социальный состав студенчества: именно университетское (а не домашнее) образование становится необходимым для определенной части дворянства.

«Аристократизм» пушкинского поколения болезненно ощущался современниками и потомками. О классовом характере пушкинской поэзии (а не только публицистики или редакторской деятельности)

Далее, однако, исследователь делает оговорку, отчасти перечеркивающую смысл сказанного им выше: «Если в ХУ111 в. понятия «поэт» и «дворянин» еще отнюдь не тождественны, то к первой трети Х1Х в. поэзия почти полностью делается монополией дворянства».

[3] Карамзин Н.М. Отчего в России мало авторских талантов? – Цит. по: Карамзин Н.М. Избр. соч.: В 2 тт. М., Л., 1964, т. 2, с.186.

iSkysoft PDF Editor

уже в 1840-х писал Белинский[4]. Позже, в шестидесятых, Ап.Григорьев противопоставит Грибоедова с его ироническим отношением к «свету» – Пушкину и Лермонтову[5] (и это – несмотря на известную формулу «Пушкин – наше всё»); подобное есть и в «Мильоне терзаний». Вообще в шестидесятые годы у многих – и отнюдь не только у революционных демократов – будет ощущение пушкинской эпохи как очень далекого, закрытого, психологически непонятного и при этом по-человечески малосимпатичного исторического прошлого, будет ощущение чуждости «пушкинской» культуры как «глубоко помещичьей» (слова Достоевского о Л.Толстом как о последнем деятеле завершившейся эпохи). Выступление Писарева придало вопросу скандальную и одиозную окраску. В результате вполне реальное явление в позднейшем литературоведении обходилось молчанием. Исследования темы начинают появляться лишь в последнее время: так, И.В.Мотеюнайте обсуждает причины того неприятия и даже равнодушия, с которым относился к Пушкину Лесков[6].

Литературная позиция разночинца в условиях дворянской монополии на культуру не была описана в филологии с достаточной полнотой – и это при том, что в последние годы историки очень много пишут о вкладе разночинцев в русскую науку и образование[7] Знаменательно, как ясно обнаруживается здесь различие подходов историка в собственном смысле слова – и историка литературы. Либеральная историография середины прошлого века или современные российские историки, по понятным причинам отказывающиеся от марксистского представления об обществе как о поле классовой борьбы, - стремятся представить общество рубежа

---

[4] Позволим себе привести очень характерное высказывание Полевого из его письма к Ф.А.Кони в1842 году: «Эти люди Карамзины, Жуковские, Пушкины твердят о меркантильности, когда наследники их да и они сами торговать готовы костями своими, если бы за них давали деньги. Простите досаду, право, она идет от сердца, видя, как люди, одаренные от Бога талантами, соединяют с ними жадность, подлость и еще осмеливаются поднимать нос, подсмеиваясь над нами, бедными тружениками! Мне они гадки как люди» (опубл.. Котикова П.Б. Пушкин и Ф.А.Кони. Из истории превращения Пушкина в «культурный знак». - Пушкин и русская культура. М., 1998, с.74.

[5] См.. Григорьев А.А. «Горе от ума».

[6] См.: Мотеюнайте И.В. Об одной пушкинской цитате у Лескова. - Пушкин и русская культура. М. 1998; Проблема поисков «цельного» человека в русской литературе 1870-х – 1880-х гг. Новгород, 1998. Канд. дисс.

[7] См. труды по истории Московского университета, например, недавнюю к[illegible] «Университеты для России» (М., 1997).

iSkysoft PDF Editor

XV111 – X1X вв. как мирное сосуществование сословий. Понятно, что описания одного объекта, предпринятые в разных целях и с разных точек зрения, могут выглядеть совершенно по-разному, будучи при этом взаимодополняющими. Так, если изучать историю постепенного просвещения нации – историю системы образования или историю науки, то она действительно может быть представлена как история сотрудничества сословий. В то же время история литературы выглядит совершенно по-другому.

О литературе заведомо известно, что она не есть мирное культурное строительство, «ее принцип – борьба и смена» (Тынянов). Работая с противоречиями, противоположностями, она может использовать, в частности, - как это было в первой трети X1X в. – противоречия социальные; вернее, литературные разногласия с легкостью оформляются как социальные противоречия.

Историки в собственном смысле слова и историки литературы по-разному оценивают одних и тех же деятелей – и притом одни и те же их поступки. Так, например, герой нашего исследования, М.Т.Каченовский, редактор «Вестника Европы», традиционно описывался историками литературы как «реакционер» (не только в эстетике, но и в политике), «националист» и пр., между тем для историков в собственном смысле слова, от Пыпина и Соловьева до наших современников[8], Каченовский создатель «скептической школы» в историографии – трезвый западник, что совершенно отчетливо отразилось и в его журнале. Для многих историков, в отличие от историков литературы, Каченовский и Карамзин представляются не непримиримыми антагонистами, а коллегами, имеющими одну цель, чьи труды дополняют и корректируют друг друга[9]

В филологии литературная борьба первой трети X1X в. оценивается, как правило, с позиций господствовавшего в культурной жизни эпохи дворянства, и некоторое оправдание этому, разумеется, есть: дворяне создали ценности вневременные и общечеловеческие, и «писаревский» социологический подход напрасно выносил этот

---

[8] Пыпин А.Н. Характеристика литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов. Исторические очерки. СПб., 1906; Иконников В.С.Скептическая школа в русской историографии и ее противники. Киев, 1871; Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М., 1941 и др.

[9] Соловьев С.М. М.Т.Каченовский. – Биографический словарь профессоров Московского университета. М.,1855; Кудрявцев И.А. «Вестник Европы» М.Т.Каченовского об «Истории государства Российского» Н.М.Карамзина. – Труды МГИАИ, М., 1965, т.22.

известный факт за скобки. Однако литературная борьба имела характер очень жесткой конкуренции, взаимные оценки противостоящих сторон были необъективны и неточны, и историки литературы, «приняв сторону" сильнейших и победивших, некритически переняли и их конкретные суждения о своих литературных противниках.

В исследованиях советского времени анализ социальных аспектов истории литературы затруднялся тем, что используемая (и, видимо, при этом упрощавшаяся) марксистская терминология обнаруживала неадекватность определенному материалу, который оказывалось невозможно описать и объяснить при ее помощи. Так, сознание русских разночинцев начала X1X в. называлось «буржуазным»[10], что совершенно не подходило к этим людям – лишенным всякого определенного социального статуса, как правило, всякой собственноети, часто ведущими богемный образ жизни, пьющими (таким был, например, Мерзляков).

В настоящей работе разделяется то понимание литературно-социальной жизни первой трети X1X в., которое было предложено В.Десницким[11], позднее - Ю.М.Лотманом, писавшими о «недворянском лагере», который ориентировался «на продолжение традиции просветительских идей XV111 столетия»[12], «не занимал господствующего положения в литературно-общественной жизни эпохи. Отчасти поэтому у него не было ни отчетливо сформулированных принципов, ни признанных литературных руководителей. При всем различии в позиции и значении такого рода деятелей есть нечто, объединяющее их: никто из них не может быть включен ни в одну из современных им дворянских литературно-общественных группировок. В этом отношении, например, попытка осмыслить творчество Мерзлякова в рамках карамзинизма так же вызывает возражения, как и полемическое причисление его поспедователями Карамзина к лагерю шишковистов»[13]. «Слава «классика» и враждебное отношение к карамзинизму заставили

---

[10] Митюк Л.В. Общественно-политическое направление журнала «Вестник Европы» (1802-1830 гг.). - Писатель и литературный процесс.Душанбе, 1974, вып. 1.

[11] Десницкий В. Вольное общество любителей словесности, наук и художеств. Литературная учеба, 1934, № 9, с.24.

[12] Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Споры о языке в начале X1X в. как факт русской культуры. – Ученые записки Тартуского государственного университета, 1975, вып.358.

[13] Лотман Ю.М., А.Ф.Мерзляков..., с.7.

писателей арзамасского лагеря полемически причислять Мерзлякова к группировке «Беседы». На самом деле это неточно. Позиция Шишкова не встречала у Мерзлякова сочувствия. В «Рассуждении о российской словесности в нынешнем её состоянии» он решительно противопоставил практику "Бесе́ды" творческим установкам Ломоносова и осудил нарочитый архаизм первой<..> Более того, отгородив шишковистов от Ломоносова, Мерзляков сблизил их с карамзинистами, включив тех и других в группу дворянских дилетантов, авторов «безделок»»[14]

Цитируемые исследования опираются на определенным образом отобранный материал. Во-первых, хотя употребляются слова "группа" или "лагерь", речь, в сущности, идет об ограниченном круге лиц – о Вольном обществе любителей словесности, наук и художеств, о Боброве, о Мерзлякове. Во-вторых, знаменательно, что исследователи предпочитают обращаться к неопубликованным или и не предназначавшимся для печати материалам[15] Между тем именно и только у «недворянского лагеря», этой «третьей силы» в литературных спорах 1800-х-1810-х гг., имелся свой журнал – «Вестник Европы»[16]. («Чтения в Беседе любителей российского слова» были, в сущности, сборниками, собранием материалов: самый план их не предполагал необходимой для журнала оперативной реакции на текущие события. Арзамасцы вроде бы мечтали о журнале и обсуждали планы, которые так и не были осуществлены).

Как известно, «Вестник Европы», основанный Карамзиным в

---

[14] Лотман Ю.М. Андрей Сергеевич Кайсаров и литературно-общественная борьба его времени. Тарту, 1958, с.50.

[15] Лотман, Успенский, «Споры...».

[16] Необходимо оговориться, что «недворянский лагерь» не был, разумеется, однородным, и «Вестник» отражал позиции, так сказать, «умеренной» его части. Между тем в литературной жизни эпохи были достаточно заметны деятели, гораздо более последовательно и радикально, нежели Каченовский и Мерзляков, противостоящие дворянской культуре, которая представлялась им эстетской и безнравственной. С точки зрения этих «радикалов», политика «Вестника» оказывалась слишком компромиссной, непринципиальной. Так, когда в «Вестнике» была помещена статья М.Погодина о «Кавказском пленнике» (1823, № 1), где автор, многое в поэме не принявший, тем не менее говорил о ней как о явлении первостепенной важности, то почтительный тон по отношению к молодому поэту вызывал недоумение архаиков, считавших «Вестник» «своим»; В.Анастасевич писал В.М.Перевощикову: «Увы! и в Вест. Евр. нашелся энтузиаст <..> или я невежа, или сия пиитическая игрушка не стоите того шуму, какой она делает» (10 февраля 1823 г. – РГАЛИ, ф.46, оп.4, № 1).

1802 г., в 1805 г. перешел в руки Каченовского, тогда преподавателя, а впоследствии профессора Московского Университета, и почти без перерывов[17] редактировался им до 1830 г. как университетское издание, в котором сотрудничали (помимо других) преподаватели и студенты университета и Благородного пансиона. Таким образом, к 1830 г. «Вестник» побил все русские временные рекорды издания журналов. Но дело не только в продолжительности издания – в 1800-1810-х гг. у «Вестника» не было серьезных конкурентов в Москве, а до усиления позиций «Сына Отечества» – и в России. Существующая в истории литературы репутация «Вестника» как журнала «педантического» и «скучного» – репутация, сложившаяся в результате « журнальной драки», – заставила забыть тот бесспорный факт, что «Вестник» имел большие для своего времени тиражи[18], а следовательно, вызывал интерес публики. В 1800-х-1810-х гг. журнал не только популярен, но и воспринимается современниками как значительное литературное явление; так, в дневниковой записи А.И.Тургенева от 24 июня 1815 г. по поводу третьего номера «Вестника» читаем: «все основательное и полезное для России выходит из Москвы»[19]. В наброске плана истории русской литературы, составленном Батюшковым летом 1817 г., пункт 27 такой: «Обозрение словесности с тех пор, как Карамзин оставил «Вестник». Труды

---

[17] Подробнее см. приложение.

[18] Согласно финансовым отчетам издательства при Московском университете, в 1813 – 1825 гг. по подписке расходилось в среднем 1000 – 1100 экземпляров «Вестника Европы» и в свободную продажу поступало 100-200 экземпляров (в 1823-25 гг. есть незначительное – на 70 экземпляров – падение подписки, а данных о свободной продаже за эти годы нет) (ЦГИАМ, ф.418, оп.136, № 5, оп.139, № 24, оп. 140, № 1, оп. 141, № 1, оп.142, № 1, оп.146, № 20, оп.147, № 62). Оценить эти данные можно, сравнив их с тиражами популярного «Московского Телеграфа». Редактор «Московского Телеграфа» Н.А.Полевой писал П.П.Свиньину 22 января 1826 г.: «Представьте, что по сие время у меня 700 подписчиков и, кажется, до 1000 наберется. По крайней мере, книгопродавцы уверяют, что примеров этому не видали. Вы знаете, что я не употребляю никаких посторонних средств – просто объявил подписку, и кому угодно – бери. Как-то у вас в Петербурге, а здесь с упадком торговли вообще упала и книжная торговля, а журналы особенно. Каченовский бесится, что у него нет и половины даже против прошлого года; других журналов и по 300 экз. не печатается каждого. Так уж «Телеграфу» счастье выпало» (Полевой Н.А Избранные произведения и письма. Л., 1986, с.494-495). Как видим, Полевой напрасно полагал, что книгопродавцы «примеров не видали» тому, чтобы подписка доходила до 700 экземпляров.

[19] Архив братьев Тургеневых, т.2, вып.3, с.298.

Каченовского». Таким образом, история «Вестника» почти отождествляется Батюшковым с «обозрением словесности» эпохи.

В то же время журнал Каченовского с самого начала вызывает у многих раздражение – задолго до известных литературных скандалов. Нам ничего не известно о каких-либо конкретных столкновениях (до определенного времени), и это заставляет предположить, что раздражал сам социальный облик редактора и его университетского журнала. Принято считать, что репутация Каченовского была испорчена его неосторожными нападками на влиятельного И.И.Дмитриева в 1806 г. Однако уже во второй половине 1805 г. Д.В.Дашков пишет о Каченовском Н.Ф.Грамматину с непонятной злобой, досадой и заинтересованностью: « Если ты еще не читал 16-го № «Вестника», если любопытствуешь видеть сей памятник гордости и педантства, где Каченовский смеет равняться с Вольтером, смеет воображать, что он в одинаковых обстоятельствах с ним <...> бесчестит московскую публику, будто кто-нибудь унизил себя до того, чтоб писать на него безымянные пасквили, и наконец оканчивает глупую тираду свою отрывком из Вольтера на подлых зоилов. Я, право, не понимаю, на кого метит этот дурак. <...> Если узнаешь какую-нибудь историю относительно к нему, то сообщи мне<...> Но, с другой стороны, если Каченовский не умеет сочинять совсем, или пишет только глупости, то он по крайней мере хорошо выбирает»[20] Ситуация оказывается особенно любопытной, если учесть, что в упомянутой «тираде» Каченовского имелась в виду его полемика с Галинковским, в которой Каченовский защищал от нападок «Северного вестника» столь близкого Дашкову Дмитриева[21].

Статус «Вестника» и характер его литературного поведения начинают меняться с конца 1810-х - вместе с появлением новых влиятельных изданий. В результате ожесточенной и переходящей границы приличия полемики об «Истории государства Российского» Каченовский постепенно попадает в отрицательную зависимость от поведения своих литературных (тем самым и личных) врагов, т.е. утрачивает самостоятельность позиции, в чем раньше видел смысл своей журнальной деятельности.

Позиция «Вестника Европы» и сам факт его существования странным образом практически не учитывались при обсуждении

---

[20] Библиографические записки, 1859, № 9, с.259-60.

[21] Вацуро В.Э. И.И.Дмитриев в литературных полемиках начала X1X. - XV111 век. Л., 1989, сб. 16.

«недворянского лагеря»[22] - несмотря на то, что среди его основных сотрудников были, например, Мерзляков и Надеждин[23]. Более того, в тех случаях, когда приходится упоминать о журнале, в некоторых современных исследованиях по непонятным причинам используются старые ярлыки типа «классики», «прислужники Шишкова», неадекватность которых в данном случае была показана уже в 1830-х гг. Десницким[24]

Между тем нет необходимости обращаться для характеристики «Вестника Европы» к определениям, пригодным для других сословных и литературных групп («Беседа») или для других эпох или национальных культур (классицизм). Позиция «Вестника», как нам

---

[22] В некоторых работах последних десятилетий о «Вестнике Европы» говорится без прежней предубежденности. К сожалению, они трактуют частные вопросы или представляют собой краткие тезисы. См.. Поплавская И.А. Эволюция литературной критики в журнале «Вестник Европы». - Проблемы литературных жанров. Материалы V11 научной межвузовской конференции 4-7 мая 1992. Томск, 1992; Песков А.М. М.Т.Каченовский. – Русские писатели: 1800 – 1917. Биографический словарь. М., 1992, т.2.

[23] Публикации в «Вестнике» его постоянных авторов, пользующихся хорошей репутацией в потомстве, традиционно рассматриваются вне контекста журнала. См., например, описание новаторских литературных взглядов Мерзлякова в кн. Н.И.Мордовченко «Русская критика первой четверти X1X в.» (М., Л., 1959). В работах о Надеждине (Козмин Н.К. Н.И.Надеждин – сотрудник «Вестника Европы». СПб., 1908; Морозов В.Д. Н.И.Надеждин в «Вестнике Европы», 1973), несмотря на их названия, нет и намерения соотнести позицию сотрудника с позицией журнала: у Козмина традиционный набор бранных слов по адресу « литературных староверов» сменяется панегириком Надеждину, а у Морозова о журнале вообще ничего не говорится.

Подобное встречаем в исследовании В.А.Мартынова «Шевырев и русская литературная критика 1820-х-1830-х гг.» (канд. дисс., Л., 1988): утверждается, что Шевырев в конце 1820-х первым осознал необходимость критики, которая была бы направлена «не на шедевры текущей словесности, но на образцы массовой, ориентированной на рынок беллетристики» и «разъяснила бы природу штампа» (с.173); между тем разбираемая здесь как пример критики подобного рода шутка Шевырева «Водевнль и Элегия», напечатанная в 1825 г. в «Вестнике Европы» (на что исследователь не указывает), вставала в ряд многочисленных критических выступлений журнала, направленных именно на «образцы массовой беллетристики», пародирующих штамп и тем самым «разъясняющих его природу».

[24] Так, у А.Л.Комарова читаем: «В 1806-1807 гг. <...> устанавливается блок «Вестника Европы» с шишковистами. В дальнейшем связи еще более усиливаются, перерастая в единство направления» (Очерки по истории русской журналистики и критики. Л., 1950, т.1, с.171).

представляется, может быть описана как цельная и непротиворечивая, если понимать ее как позицию «ученого», последовательно занимаемую как в литературе, так и в разных идеологических дискуссиях (например, о мистицизме, о национальном и пр.).

Складывается парадоксальная ситуация: в то время как литературная позиция ведущих сотрудников «Вестника» (Мерзлякова, Надеждина, например) давно и хорошо описана, историческая судьба их журнала полна всяческих недоразумений.

Приходится предположить, что дело здесь – по крайней мере, отчасти – в специфике журнала как особой формы[25]

---

[25] Любопытно, что в те годы, когда «Вестник» редактировался не Каченовским, его характер менялся не настолько существенно, чтобы это могло как-то изменить сложившуюся репутацию журнала. «Вестник» Жуковского традиционно противопоставляли «Вестнику» Каченовского (см., например, типичное высказывание П.М.Строева: «Блистательною его <журнала> порою были 1810 и 1811 годы; думаем даже, число подпищиков на него в последние годы гораздо поуменьшилось» - «Современный наблюдатель российской словесности», 1815, № 1, с.40), однако любопытно, что «Вестник» эпохи Жуковского – Каченовского стали хвалить, сравнивая с «сухим» «Вестником» одного Каченовского, только тогда, когда Жуковский оставил журнал: в 1810-1811 гг. журнал точно так же упрекали в «сухости» и «педантизме», как и в предшествующие и последующие времена. Именно в 1811 г., например, была опубликована комедия М.Н.Макарова «Обращенный славенофил»; она направлена против Каченовского, но как образец педантизма в ней поминаются и тексты, принадлежащие Жуковскому. Так, в явлении X Правдин говорит Педантову: «Если Вы не перестанете наполнять своего журнала одною только язвою ругательства, одними только китайскими и японскими мечтами...» (цит. по републикации К.Ю.Рогова: Ново-Басманная, 19. М.., 1990, с.179). Вполне возможно, что имеется в виду выполненный Жуковским перевод с французского статьи С.С.Уварова «Мысли о заведении в России Академии Азиятской» (ВЕ, 1811, № 1, 2).

Общая роль – роль составителя журнала – навязывала похожее поведение даже таким разным литераторам, как Каченовский и Жуковский. Публикующиеся в «Вестнике» авторы (например, Милонов) иногда упрекали Каченовского за бесцеремонное вмешательство в чужой текст; однако эти упреки должны были бы быть адресованы не столько педанту Каченовскому, сколько поэту Жуковскому (см. постоянные просьбы в письмах Каченовского Жуковскому: «Поправьте стихи Волкова», «прочтите и пришлите назад с поправками» – РО ПД, 28075/ СС16115). В "Вестнике" Жуковский обращается к такому совершенно нехарактерному для него как автора (но зато неизбежному для тогдашней журналистики) жанру, как нравоописательный очерк в духе английского «Наблюдателя» («Письмо к Издателям Вестника Европы (Статья полезная для женатых)» – ВЕ, 1809, № 15; атрибутируется нами по письму Каченовского к Жуковскому). Со своей стороны, Каченовский

Принято считать, что «преобладание журнала над книгой стало определяться с середины 1830-х гг. после появления имевшей громадный успех «Библиотеки для чтения». К середине 1840-х гг. ключевое положение журнала в литературе стало очевидным»[26]. Однако можно привести свидетельства того, что «журнализация» русской литературы началась раньше. В 1815 г. в «Вестнике» писали: «У нас все жалуются на журналы, и все – читают их. *Журналов тысячи, а книги ни одной!* – Это любимое возражение на журналы справедливо до такой степени, что если б у нас не было журналов, то нечего было бы читать. Сколько, например, вышло в нынешнем году книг истинно полезных – кроме учебных? Едва ли десять. По скольку экземпляров каждой раскуплено? Много если по пятидесяти. Сколько выходит журналов? – До двадцати. Сколько на них подпищиков? – Не менее двух сот на каждый, на многие более тысячи»[27].

Несмотря на все большую «журнализацию» литературы, в журналистике как таковой часто видели нечто вульгарное по определению. Об этом говорят, например, знаменитые стихи Горчакова: «В стране моей родной /Журналов тысячи, а книги ни одной» (1807 г.); в прологе Шаховского «Новости на Парнасе» «Водевиль, Журнал и Мелодрама приходят на Парнас для состязания с Музами»[28]. Здесь показательно и то, что журнал стоит в одном ряду с жанрами, явно относящимися к массовой культуре, и то, что журналу приходится «состязаться с Музами», добиваться признания самого права на место в культуре. Вероятно, арзамасцы так и не решились издавать журнал именно потому, что журналистика не соответствовала их типу литературного поведения.

Сразу скажем, пока не доказывая, что отличительными композиционными чертами «Вестника Европы», свойственными ему именно как журналу, представляются –установка на «пестроту» и объективность; установка на популярность, т.е. развлекательность (в журнал обязательно входит беллетристика, повести); злободневность периодики предполагает, в частности, интерес к политике; критика – а

в эпоху соредакторства не только занимался разделами «Смесь», «Политика», «Наука и искусстоа», как это обычно считается; письма Каченовского к Жуковскому показывают, что Каченовский достаточно активно участвовал и в формировании раздела «Изящная словесность», общался с авторами (особенно летом и осенью 1809-1810 гг., когда его соредактор жил в деревне), просил у Жуковского стихов и проч.

[26] Рейтблат А. От Боны к Бальмонту. М., 199, с.32.

[27] «Нечто о журналах», подл. «Стр-вич» –№ 18, с.130.

[28] Арапов П. Летопись русского театра СПб., 1861, с.387.

значит, и полемика – как раздел журнала. Отдельные темы и рубрики, закрепленные практикой «Вестника Европы» впервые в русской журналистике, впоследствии были так органично усвоены, что о приоритете «Вестника» и не вспоминали: между тем во времена «Вестника» многое из этого раздражало современников, например, присутствие в журнале беллетристики и политики[29] Так, Жуковский, взяв журнал в свои руки, отказался от политических материалов, посчитав саму тему и скучной, и вульгарной[30]

Одно из наиболее частых определений Каченовского – «зоил»: Каченовский сделал литературную критику необходимой составляющей журнала. В то время, когда Каченовский выпускал «Вестник» из своих рук (1808, 1813-14, 1822[31]), количество критических материалов в журнале сокращалось. Программные статьи, открывавшие «Вестник» под редакцией Жуковского[32] и Вл. Измайлова[33], содержали демонстративный отказ от критики: как известно, публичная, печатная критика карамзинистами не практикуется, обращенная же на них самих – воспринимается как личное оскорбление[34] Этим объясняется знаменитый скандал,

---

[29] Для Евгения Болховитинова оказалась неприемлемой установка «Вестника» как журнала на обзор текущей литературы (наибольшую часть которой естественным образом составляла литература иностранная); критикуя «Вестник», Болховитинов практически отрицал законность существования журнала как жанра и требовал заменить его сборником чисто научных статей: «Надобно пресытиться иностранною и отечественною школярною словесностию, чтоб наконец полюбить архивскую пыль, из которой труднее почерпать в журнальные статьи, нежели из чужестранных и своих площадных книг. Доказательством сему и нынешний «Вестник Европы», о котором весьма справедливое сделал замечание смотритель журналов г. Строев. Читателям нет нужды в том, что Каченовский извиняется своею болезнию и недосугами» (письмо В.Г.Анастасевичу от 19 мая 1815. Русский Архив, 1889, кн.2, № 5, с.48).

[30] Характерная и почти анекдотическая аберрация исторической памяти: представляя себе Каченовского как «реакционера» и «старовера», Н.П.Колюпанов упрекал Каченовского именно за то, что в «Вестнике» якобы не было политического раздела (Колюпанов Н.П. Биография А.И.Кошелева. М., 1889, т.1, кн.1); ошибка была воспроизведена В.Г.Березиной (в ее кн: Русская журналистика второй четверти XIX в. Л., 1965, с.16).

[31] См. письмо Каченовского В.М.Перевощикову от 28 декабря 1822 г. - ЦГАЛИ, ф.46, оп.4, № 6, л.16.

[32] Письмо из уезда к Издателю. - 1808, № 1.

[33] К читателям Вестника от Издателя. - 1814, № 1.

[34] Эта особенность литературной позиции карамзинистов неоднократно описывалась в науке; см., например: Гинзбург Л.Я. Вяземский-литератор. –

который вызвала критика Каченовского на Дмитриева; позднее Полевой и Белинский вспоминали об этом эпизоде как об очень важном для становления русской словесности, а о поведении Каченовского – как о принципиальном и мужественном[35] «Престарелый поэт <...> оскорбляется и самою тенью критики. Он жестоко восставал против права, которое присваивают себе журналисты критиковать, и казался не понимающим, что такое право принадлежит каждому читателю, не только журналисту, а поверку их суда, в случае несправедливости, делает публика. Сколько нам известно, только *один раз* в жизни Дмитриев слышал голос критики дельной и беспристрастной. Она была помещена в «Вестнике Европы» 1806 года (ч. XXV1, стр. 278-300, ч. XXУП, стр. 42-54). Чрезвычайно скромно и вежливо критик осмелился заметить, при всех похвалах, что переводы из басен Лафонтена, особливо переводы из Горация, не везде верны и грешат против русского синтаксиса... Через 20-ть лет потом поэт не мог простить критику его искренности и не мог говорить об его кригике хладнокровно...»[36]

Некоторые особенности журнала как жанра дезориентировали и историков литературы. Исследования русского журнала X1X в. как особой литературной формы практически отсутствуют, хотя описана масса конкретного материала[37], а сам вопрос о журнале как жанре был поставлен еще формалистами[38]. Необходимость изучения влияния

Русская проза. Л., 1926; Тодд У.М. Дружеское письмо как литературный жанр в пушкинскую эпоху. СПб., 1994.

[35] Подробнее см. главу «Правила, образцы, авторитет». Н.П.Колюпанов, а вслед за ним В.Г.Березина утверждали, что и к критике Каченовский был «равнодушен» – так же, как и к политике.

[36] Сочинения И.И.Дмитриева. - Полевой Н.А. Очерки русской литературы. СПб., 1839, с.480.

[37] В последние десятилетия активно велось изучение и издание отдельных журналов и альманахов и публикация их как книг («Северная лира», «Европеец», «Свисток» в серии «Литературные памятники», факсимильное издание пушкинского «Современника», монография В.Э.Вацуро о «Северных цветах» и др.).

[38] В.Б.Шкловский писал об этом так: «Статья, стоящая рядом с куском романа и хроникой, для человека, привыкшего к восприятию большой литературной формы, дает новое впечатление.

Любопытно, что Гейне в одну из своих прозаических книг, кажется, «Путевые заметки», попросил Иммермана вписать две страницы - все равно какие. Возможно, что здесь ему понадобилась комбинация стилей, похожая на ту, которая создается в персидских «пестрых сказках» чередованием персидских и арабских строк. Включая в свою прозу чужую прозу, Гейне работал, конечно,

контекста журнала на входящий в него текст осознается и в западном литературоведении[39].

Существование этой лакуны, возможно, объясняется тем, что в современной словесности – и не только русской – журнала как жанра, как содержательной формы, видимо, не существует. Обостренный научный интерес к журналу как к жанру – тогда, когда этот жанр существовал - связывался с решением насущных собственно литературных задач. Журнал заинтересовал формалистов в эпоху кризиса романа; в журнале они увидели возможное средство возрождения большой формы (см. у Шкловского: «Мы переживаем кризис большой литературной формы. Нам, может быть, нужен новый журнал, который, поставив рядом разные куски эстетического и внеэстетического материала, хотя бы случайно показал нам - как и из чего строить вещи нового жанра»). В 1840-х подобным образом рассуждал В.Ф.Одоевский, не случайно одновременно создававший и энциклопедический журнал («Отечественные записки»), и (в «Русских

как художник, но прием его - прием журнала. История русского журнала темнее и путанее.

Русскую журналистику изучали без учета формы журнала, у нас только удивлялись, видя в толстых старых журналах цветные картинки мод, удивлялись, замечая, что Пушкин писал в журналах мелкие желтые заметки. Заметки выщипывались из журнала в собрание сочинений, и там они сразу приобретали почтенный вид.

Русские журналисты, как Сенковский, с 35 000 экземплярами тиража, все еще остаются непонятыми, так как они читаются вне своего журнала.

Вместо исследования журнальной формы мы утверждаем только, как нечто прочное, те отзывы, которые давали журналисты друг другу в процессе своей работы.

Поэтому совершенно не удивительно, что мы презираем Сенковского, - удивительно только, что мы не считаем Орлова классиком: ведь его хвалил Пушкин.

«Библиотека для Чтения» еще неописанный русский классик» («Журнал как литературная форма»).

[39] См., например, в статье У.М.Тодда ««Братья Карамазовы» и поэтика сериализации»: «Важно показать, как «Братья Карамазовы» выражали (пусть подчас в пародийном ключе) или художественно обыгрывали язык юриспруденции, агиографии, богословия, медицины, психологической науки или общественной жизни в том виде, в каком они были представлены статьями в журнале. Адвокатские выступления, медицинская экспертиза, психологические наблюдения автора над своими персонажами, статья и «поэма» Ивана, показания в суде и статьи Ракитина, биографии его и Алеши - во всех этих точках роман пересекается с прочими публикациями в «Русском Вестнике»» (Русская Литература, 1992, № 4, с.36).

ночах») русскую версию универсального романтического жанра - романа, который мог объединить новеллу с философским трактатом.

Как полноценная форма литературный журнал просуществовал в России примерно до 1920-х гг. Но кризис журнала в XX в. объясняется не только давлением тоталитарного государства, потому что такой кризис был не только у нас[40]. Сейчас в России предпринимаются попытки воскресить журнал как содержательную форму; это, в частности, и объясняет интерес к журналу как к объекту исследования.

---

[40] См. у Тодда: «Для нас сегодня, привыкших к резкому разграничению художественной литературы и научной или публицистической журнальной прозы и, как правило, представляющих себе романы изданными в виде отдельных книг или в составе собраний сочинений, перечитывание какого-нибудь хорошо знакомого текста в его первоначальном окружении равносильно погружению в пеструю разноязычную среду» (цит.соч.).

«ПРАВИЛА», «ОБРАЗЦЫ», «АВТОРИТЕТ»

В XVIII в. творческая практика не соотносилась напрямую с миром правил: «Русская культура XVIII в. характеризуется подчеркнутым дуализмом мира текстов и мира правил <...> написать идеальные правила для поэтического творчества значило неизмеримо большее, чем написать поэтический текст <...> прокламированные правила не употреблялись для порождения текстов искусства (хотя к ним и обращались при суждениях об уже созданных текстах), а реальные тексты строились не как реализация правила, а по аналогии с другими текстами, закрепленными традицией»[41]

Если в XVIII в. «мир правил» и «мир текстов» существовали параллельно и бесконфликтно, то в начале XIX в. они оказались враждующими. Эпатирующая поза «щеголя», принятая молодым Карамзиным и его последователями, вызвала обвинения в «невежестве», спровоцировала литературных противников выступить в роли «педантов». Стали спорить, что первично: правила или искусство. В 1813 г. Мерзляков писал в «Вестнике»: «Искусство вообще есть следствие правил, следствие науки сделать что-нибудь хорошее»[42] Каченовский сопровождает пародию С.Т.Аксакова Подражаева «Элегия в новом вкусе» характерным ехидным примечанием: «Кому не известна привязчивость педантов? но кто же и смотрит на их требования? Истинной Поэт, человек со вкусом, гений, не имеет нужды в правилах; он скажет: *так пишут!* и педанты посрамлены!»[43]. Предпочитая «систему» «образцовым произведениям», московские профессора в глазах, например, Батюшкова сближались тем самым с Шишковым: как известно, иротиростояние программ Шишкова и Карамзина - это, в частности, иротивоетояние культа «рассудка» и культа языковой (или литературной) данности, «употребления», узуса, «моды» (впрочем, хотя Шишков и Каченовский равно признавали первичность «правил», представления об этих правилах у них были весьма разные). Батюшков писал Гнедичу: «Но подожди; и у нас будет беседа: Кутузов, Мерзляков, Каченовский, Антонский со всем причетом московских

---

[41] Лотман Ю., Успенский Б. К семиотической типологии русской культуры XVIII в. - Художественная культура XVIII века: Материалы научной конференции. 1973. М., 1974, с.266, 273.

[42] Об изящной словесности, ее пользе, цели и правилах. - ВЕ, 1813, №№ 5-6, с.209-245; цит. по: Русские эстетические трактаты первой трети XIX века. М., 1974, т.1, с.73.

[43] ВЕ, 1821, № 9, с.15.

профессоров <...> ничего не пишут и писать не в состоянии, но веё бранят, и, не имея понятия о истории Карамзина, бранят её без пощады»[44]. Противостояние «правил» и «образцов» могло оборачиваться разными сторонами. С одной стороны, признание первичности правил - это нежелание слепо подчиняться авторитетам, это утверждение права своего разума и вкуса на то, чтобы беспристрастно оценивать любой текст, независимо от его статуса. С другой стороны, предпочтение правил образцам, текстам могло вести к непониманию или незнанию реальности литературной жизни.

Творческая практика и правила противопоставляются в споре о классицизме. Одним из основных аргументов романтиков было то, что в русской литературе нет реальной классицистической традиции, художественных текстов, классицизм существует только в критических статьях. См., например, письмо Пушкина Вяземскому по поводу «Предисловия к «Бахчисарайскому фонтану»» и его же «Письмо к Издателю «Московского Вестника»» (1828): «младенческая наша словесность, ни в каком роде не представляющая никаких образцов...»; ср. также у Вяземского в «Письме из Парижа» (1826): «Война классицизма и романтизма идет здесь деятельно и горячо. Первый, однако же, более вдается в полемику; второй отражает нападения творениями»[45]. Позже «Литературная Газета» пишет о «борьбе русских классиков и романтиков», представленных соответственно «Вестником Европы» и «Московским Телеграфом», как о деле схоластическом: «Назло благомыслящим читателям, борьба русских классиков и романтиков не утихает. Вряд ли Троянская война столько длилась и была сопровождаема подобным жаром. Нельзя даже предвидеть окончания сим прениям. В наших Ахиллесах заметно более остервенения, чем знания дела. Это важные политики немецких клубов, за пивом обсуживающие действия французов, взявших Алжир без их позволения. Это люди какого-то особенного мира, в котором течет доброе, бархатное пиво, а не время, поминутно обогащающее нас и новыми опытами и новыми идеями. Наши классики лет с тридцать учат литературе по одним и тем же тетрадкам; наши романтики, справедливо осуждающие их неподвижность, несправедливо гордятся незнанием оных тетрадок, без коих две-три хотя и новые, но не пережеванные мысли ни к чему им не служат, разве к большему омрачению слабого ума, дарованного им не всегда щедрою природою <..> Кто же спорит о классицизме и романтизме? Люди,

---

[44] 29 мая 1811 г., цит. по изд.: Батюшков К.Н. Соч.. В 2 тт. М., 1989, т.2, с.174.
[45] Вяземский П.А. Эстетика и литературная критика. М., 1984, с.60.

которые никогда не были и не будут ни классиками, ни романтиками <...> Видя в настоящем положении и счастливый ход литературы нашей, и жалкие драки наших журналистов...»[46]. (Последняя фраза содержит явный намек на статью Каченовского 1828 г. о предполагаемом плане его журнала на 1829 г., где были возмутившие многих слова о «жалком состоянию» современной русской литературы.) У историков эстетической мысли можно встретить парадоксальное утверждение, что расцвет классицизма в России приходится на первую четверть X1X в.[47] Теоретические постулаты, которые обычно определяют как классицистические, разрабатывались в России тогда, когда, с одной стороны, появилась возможность это сделать, так как эстетика вошла в программу высшего образования, у ученых обществ появились свои издания и т.п.; с другой стороны, это подробное разрабатывание классицистической эстетики во времени совпало с такими явлениями в художественной практике, которые явно не соответствовали описаниям искусства в современной им теории. Так что, определяя русский классицизм как в значительной степени теоретический конструкт, Пушкин и его окружение имели на то основание.

Авторам «Вестника Европы» постоянно предъявлялось обвинение в творческом бесплодии. Каченовский, критикующий Карамзина, по словам Вяземского, - «каплун в словесности», нападающий на творца[48]. Совершенно так же бранили Каченовского и «староверы», почитатели Сумарокова: «Потомство судит отличных писателей не по критике ежемесячных изданий, но по собственным произведениям их пера»[49]

Каченовскому и его единомышленникам вменялось в вину неуважение к получившим признание авторам и текстам. Так, И.И.Дмитриев писал Александру Тургеневу: «В последней книжке грозит <Каченовский> старомодным авторам, пользовавшимся

---

[46] Рецензия на комедию К. Масальского «Классик и романтик, или Не в том сила» – ЛГ 1830, № 50.

[47] Каменский З.М. Русская эстетика первой трети X1X в. Классицизм. - Русские эстетические трактаты первой трети X1X в. М., 1974, т.1.

[48] Цитируется Александром Ивановичем Тургеневым в письме И.И. Дмитриеву от 12 апреля 1821 г. - Письма разных лиц к Ивану Ивановичу Дмитриеву. М., 1867, с.199.

[49] «Защищение Сорены...», подп. «Пожилой любитель отечественной словесности» Русский Вестник, 1810, № 4, с.123.

добрым мнением публики!»[50] Согласно традиционной системе оценок, только педант, «нимало не смущаясь, противоречит общему мнению»[51]. Именно эту кличку и получает Каченовский. См., например, в сатире Якова Толстого «Примирение»:

Пускай Латынин наш надутый
На всех презренный мещет взор,
Возносит слог свой пресловутый,
Вступает с целым светом в спор...
Ни в грош не ставлю Эврипида;
Что Озеров? и что Жан-Жак?
Глупцы! а с ними автор Сида;
Вольтер же, попросту, дурак!

в комедии М.Н.Макарова «Обращенный Славенофил» 1811 г. (явление 1V):

Мильтоном, Геснером, Расином, Коцебу
Педантов вздумал поругаться!
Но как не взбесишься! как не винить судьбу,
Над ним же стали все смеяться!

В журнале Каченовского на самом деле непривычно свободно обсуждались некоторые из перечисленных авторитетных авторов: так, в 1817 г. в «Вестнике» был помещен цикл статей Мерзлякова об Озерове, почтительный по тону, но критический по существу (как известно, именно Мерзляков позволил себе также критиковать Хераскова). В том же 1817 году Мерзляков подробно (и опять же без привычного пиетета) разбирал трагедии Сумарокова[52] Любопытно, что в цитированных стишках лично Каченовскому вменяются в вину выступления, принадлежавие карамзинисту Дашкову, некоторое время сотрудничавшему в «Вестнике», - резкие отзывы о Руссо[53], Вольтере и Коцебу[54]. Есть здесь, конечно, и очевидные передержки: Каченовский критиковал не Мильтона, а неудачный русский перевод «Потерянного рая», выполненный Ф.Загорским[55]; Корнель также упомянут для большего эффекта: никаких отрицательных отзывов о нем в журнале нет.

---

[50] Письмо от 8 декабря 1818 г., цит. по: Дмитриев И.И. Сочинения. М., 1986, с.394.
[51] Буало Д. «Критические размышления...» - Спор о древних и новых. М., 1985, с.290.
[52] №№ 12, 13, 14.
[53] 1810, № 16, с.326.
[54] 1811, №№ 15, 19; 1812, №№ 2, 3, 8, 13.
[55] ВЕ,1810, № 21 и 22

У Каченовского находим любопытное свидетельство того, что стремление руководствоваться в критических статьях не столько образцами, сколько теоретическими принципами, тогда часто осознавалось как нечто находящееся вне признанной литературной практики, само же слово «эстетика» могло употребляться как бранное: «Ты <... > уведомил меня о литературном гонении на Мерзлякова за то, что разбирая сочинения Сумарокова, Хераскова, Озерова, он дерзнул найти в них между прочим слабые места и недостатки. Вот награда мужеству! Его же за этот мнимый грех назвали эс*тетиком*, и разборы его эс*тетическими*!»[56]

В литературной полемике противостояние «образцов» и «правил» оценивалось как борьба «подражателей» и «завистников». Наиболее последовательно занимался дискредитацией «зоилов» как завистников Вяземский; по его словам, «можно определить две главные партии <...> К первому разряду принадлежат литераторы с талантом, к другому литераторы бесталанные»[57]. Самое известное выступление Вяземского по этому поводу - «Послание к М.Т.Каченовскому» (1818), написанное по образцу "Зависти" Вольтера.

Каченовский пытался занимать в литературе позицию независимого наблюдателя, отстаивающего свободу критики, выступающего против «фанатизма в литературе»[58], против попыток «присвоить себе верховную диктатуру в словесности»[59] (рассуждения о необходимости свободного и критического отношения к авторитетам особенно часто появляются в «Вестнике» после уже упоминавшейся рецензии Каченовского на Дмитриева). В программу журнала входят европейские литературные новости, и Каченовский характерным образом актуализирует их; см., например, сообщение о рецензиях во французских журналах на новую поэму Делиля «Воображение»: «рецензии тем занимательнее, чем известнее имя сочинителя»[60] Или: «В некотором листке ужасно негодуют на рецензента, которой в Эдинбургском критическом журнале отважился несколько свободно говорить о сочинениях известного писателя *Гете*.<...> но зачем

---

[56] От Киевского жителя к его другу. – ВЕ, 1818, № 18, с.126.

[57] Вяземский П.А. Эстетика и литературная критика М., 1984, с.110.

[58] ВЕ, 1811, № 13, с.681.

[59] Так сказано Каченовским о Шишкове в письме к Грамматину от 4 мая 1811 г. – Библиографические записки, 1859, № 8, с.227.

[60] ВЕ, 1806, № 19, с.213.

требовать, чтоб о сочинениях Гете говорили не иначе как с благоговением, и притом ещё в Англии?»[61]

О культе Карамзина Каченовский отзывается иронически уже в 1810 г. - правда, пока ещё только в частном письме Жуковскому. Во второй половине 1810-х гг. явное торжество карамзинистов заставляет Каченовского публично и резко возражать против их претензий на монополизм в словесности; см. в статьях, посвященных «Истории государства Российского», пассажи о «генерале», «грубом пристрастии», о «закоренелых поклонниках»[62]

Основания для этого были. Вяземский, например, открыто исповедовал принцип «кто не с нами, тот против нас». Так, в письме к Воейкову Вяземский следующим образом выражает свое недовольство стихом из сочинения Воейкова «О пользе путешествия по отечеству» (кстати, опубликованного именно в «Вестнике»): «Я не люблю: *И путешествие в Ферней на поклоненье!* Какое же уважение будем иметь к уму, если не пощадим представителей его посреди нас? Одно из двух: если не ездить к Вольтеру в Ферней, то надобно ездить в Поповку к Палицыну»[63]

В годы формирования романтизма ценностное содержание понятий «старого» и «нового» претерпело решительные изменения. До этого в начале XIX в. - всё «новое» представлялось достаточно сомнительным, а всё «старое» - скорее всего достойным[64] При этом «старое» могло пониматься вполне утопически: восхваление «старого» в противовес «новому» вовсе не означало приятия реальной традиции[65] «Педант» - тот, кто пытается ввести вредную новизну; так, Батюшков говорил в 1811 году об эстетике «московских профессоров»: «система новая, глупая» (определения звучат как синонимы); И.И.Дмитриев в 1818 г. порицает Каченовского за то, что последний «грюзит старомодным авторам».

Со своей стороны, «педанты» вовсе не считали свою систему новой. Следуя в этом отношении классицистическим принципам, Мерзляков и Каченовский полагали, что «правила» вечны и неизменны: «Все возможные в человеческой природе стихотворения давно уже

---

[61] ВЕ, 1816, №№ 17-18, с.154 -55.

[62] 1818, № 4, с.309; № 18, с.124.

[63] 27 июля 1818 г. - Русская Старина, 1892, № 12, с.53.

[64] Тынянов Ю.Н. Архаисты и Пушкин. - Тынянов Ю.Н. Пушкин и его современники. М., 1968, с.23; Гинзбург Л.Я. Вяземский-литератор. - Русская проза. Л., 1926.

[65] Лотман Ю.М., Успенский Б.А. "Споры о языке..."; Лотман Ю.М. Архаисты-просветители. - Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 тт. Таллинн, 1993, т. 3.

разобраны по сортам. Каждый род стихов имеет свои правила»[66] Эти правила имеют, однако, самый общий характер и потому способны порождать бесконечно разнообразные произведения.

Новизна становится лозунгом в конце 1810-х и особенно в начале 1820-х гг. По словам Л.Я.Гинзбург, «Вяземский защищает романтизм не как свою «школу», а как очередное проявление искомой «*новизны*» <...>. Под заголовком романтизма может приютиться каждая художественная *новизна*, новые приемы, новые воззрения, протест против обычаев, узаконений, авторитетов <заметим, что к авторитетам Вяземский как раз относился очень почтительно, по крайней мере, внешне>, всего того, что входило в уложение так называемого классицизма»[67]

При этом, как ни странно, оказывается, что мнения литературных противников совпадают. В 1820-е гг. в «Вестнике» активно сотрудничает и до некоторой степени определяет лицо журнала И.И.Давыдов – один из первых пропагандистов новой немецкой философии и ее эстетики, рассказывавший читателям о «чудесном борении новых мыслей и начал по всем отраслям знания со старыми мнениями и предрассудками»[68].

Теоретика Каченовского в 1820-х ругают «старовером». Впоследствии, как известно, общим местом в критике, а позднее - в литературоведении стало обвинение так называемых

---

[66] Каченовский, «Возвращение в отечество любезного моего брата" подл. «Т». – ВЕ, 1810, № 19, с.222-23; см. также «Разбор оперы «Мельник»» Мерзлякова – ВЕ, 1817, № 6.

Все тексты "Вестника Европы" подписанные криптонимом "Т", атрибутируются нами Каченовскому ("Трофимычу"). Авторство Каченовского документально подтверждается его письмом Жуковскому от 8 ноября 1810 г. (РО ИРЛИ, 28075/СС16115, л.85), где Каченовский говорит о своей рецензии на перевод "Потерянного рая" Мильтона, опубликованной именно под криптонимом "Т" (№№ 21-22 за 1810 г.). Одновременно с подписью "Т." в журнале появляется подпись "М.", вероятно, тоже принадлежащая Каченовскому ("Михаил"; впервые 1809, № 22; возможно, однако, что Каченовский – автор статьи "О новой русской истории" (1804, № 24), насмешливого отзыва о пособии аббата Переня). Весьма вероятно, что Каченовский подписывался всеми своими инициалами – не только "К." (что известно) и "Т.", но также и "М.": в это же время, в 1810 г., таким же образом - одним из трех своих инициалов – помечал свои публикации в "Вестнике" тогдашний соредактор Каченовского, Жуковский.

[67] Гинзбург Л.Я. Упом. соч., с.105.

[68] Мемнон [И.И.Давыдов]. Разбор сочинения Сольгера: Эрвин, или Четыре разговора об изящном и искусствах. – ВЕ, 1822, №№ 13-14, с.4, 5.

«ложноклассиков» (т.е. прежде всего авторов круга «Вестника») в преклонении перед авторитетами и в бесплодном копировании образцов. Уже В.Ф.Одоевский, забыв о борьбе Мерзлякова с «подражателями», априорно приписывает ему как представителю отжившего поколения приверженность устаревшей догме «подражания образцам»: «Где у нас для художника нить Ариаднина в лабиринте искусства, он стремится сотворить что-либо новое, оригинальное, а ему во всех наших весьма не философических эстетиках твердят, что образование художника должно состоять в изучении образцов»[69]. Позднее А.Скабичевский, описывая русскую критику 1810-х гг. грубо и утрированно сформулировал общее мнение: «Слепые приверженцы авторитетов, они не допускали ни малейшего критического отношения к прежним писателям нашим от Ломоносова до Карамзина включительно»[70]. Литературе вчерашнего дня приписывается те, что считается дурным сегодня, например, подражательность, если сегодня ценится оригинальность.

---

[69] Мнемозина, ч. IV, с.161-162.

[70] Скабичевский А. Сорок лет русской критики (1820 – 1860). – Скабичевский А. Соч.: В 2 тт. СПб., 1890, т.1, с.315.

ПРОБЛЕМА ГРАНИЦ И ЦЕННОСТНОЙ СТРУКТУРЫ СЛОВЕСНОСТИ

Кличкой «педанта» Каченовский обязан и своим представлениям о соотносительной ценности разных жанров словесности.

Как известно, в дошеллингианской эстетике поэтическое творчество представлялось таким видом познания, которое близко к научному, а идеалом поэта считался «ученый» поэт. Поэзия - это особый вид науки, «словесная наука». Академический словарь 1794 г. объединял её с теми науками, которые «касаются до свойства и чистоты языка».

На рубеже XVIII-XIX вв. синкретическое состояние словесности постепенно начинает восприниматься не как данность, но как проблема. Это осознание границ литературы как проблемы предшествует изменению статуса и природы литературы в романтическую эпоху.

Возникшее ощущение подвижности границ литературы сказывается, например, в следующем замечании библиографа В.Г.Анастасевича (1815 г.): «Как вообще самопроизвольно название литературы или словесности, так равно представляется оно невыразительным и непостоянным отчасти потому, что не довольно верно измерены пределы так называемого красноречия, отчасти потому, что не всегда известно, что именно должна заключать в себе словесность в таком значении?»[71]

Хотя, как принято считать, понятие литературы обладало предельной широтой и было практически синонимично понятию письменности вплоть до XVI11 в. включительно[72], в эпоху формирования национального литературного языка широта понятия литературы воспринимается как результат экспансии изящной словесности, экспансии эстетического начала; об этом свидетельствует, например, следующее определение Вольтера: «литература - это не особое искусство, а освещение, в котором предстают изящные искусства, освещение нередко обманчивое <...> Расплывчатый термин «литература» без различия прилагается к произведениям поэта, оратора, историка, хотя авторы этих произведений могут высказывать весьма различные познания и обладать какими угодно качествами, которые мы связываем с понятием

---

[71] Анастасевич В. О словесности (литературе). - Труды Казанского общества любителей отечественной словесности, 1815, кн. 1, с.305.

[72] Обзор вопроса см.: Гудков Л., Дубин Б., Литература как социальный институт. М., 1994, с.16-21.

словесности <...> Изящной литературой называется такая, предметом которой является то, что обладает красотой: поэзия, красноречие, искусно написанные исторические сочинения <...> Хорошую диссертацию, столь же изящную, сколь и справедливую, трактующую трудный предмет и усыпающую цветами тернистый путь к постижению истины, ещё можно отнести к литературе, не лишенной *красоты*, хотя и не сравнимой с произведениями творческого гения»[73].

Такая точка зрения характерна для словесника, именно для него наука и искусство находятся в одной области - области языка, творятся при помощи одного орудия. Человек, причастный к изобразительным искусствам, мог воспринимать проблему соотношения науки и искусства иначе. Не случайно автором русской библиографической системы, главная мысль которой заключалась в отделении наук от искусств, был художник - А.Н.Оленин.

Раз словесность - не особое искусство, а «освещение», следовательно, она «объемлет все науки, ни к одной из них особенно не привязываясь»[74].В теоретическом трактате одного из постоянных авторов "Вестника", В.М.Перевощикова, в перечне повествовательных и описательных сочинений, мы в одном ряду можем найти «естественную историю, физиологию, анатомию, психологию, логику, грамматику, изображения художественных произведений, страстей, характеров и пр. и пр.»[75] Основное разделение словесности, принятое тогда и в теории, и в журнальной практике, - разделение прежде всего на поэзию и прозу (или красноречие). Согласно традиционным представлениям, «главную мету» поэзии составляет «удовольствие», а «главную мету» «красноречия» - «польза»; критерием пользы объединяются научные (например, исторические), дидактические и собственно литературные произведения[76] Характерен перечень прозаических произведений, приводимый Мерзляковым: «Письма, разговоры, догматические писания, история истинная и вымышленная, наконец, собственно так называемые речи»[77] И.Л.Войцехович, ученик Каченовского, перечисляя «красноречивейших прозаиков», называет

---

[73] Вольтер. Литература - Вольтер. Эстетика. М., 1974, с.292-93.

[74] [Каченовский], Отрывок из Введения, читанного в Императорском Московском Университете, при начале преподавания теории риторики. - ВЕ, 1806, № 22, с.111.

[75] Опыты Василия Перевощикова. Дерпт, 1822, с.42.

[76] См., например: Мерзляков А.Ф., Речь о начале, ходе и успехах словесности. - ТОЛРС, 1819, ч. XIII.

[77] Там же.

прежде всего философов, риторов и эстетиков[78] Язык прозы в европейской культуре XVIII начале XIX в. до некоторой степени отождествлялся с языком философии, «метафизическим языком». Характерно, что традиционное и некогда нейтральное разделение издания на «Прозу» и «Стихотворения» в романтическую эпоху осмысляется как значимое: в таком разделении видят старый, «формальный» подход к словесности. Так, разделение альманаха «Северные Цветы» в 1830 г. выглядело как демонстративно архаическое и вызвало насмешки «Московского Вестника».

В переходную эпоху представление о единстве словесности (поэзия + наука) превращается в спор о таком единстве и в требование этого единства. Любые попытки эмансипации - будь то научные статьи, писанные не для широкой публики, или же, напротив, поэзия, утверждающая право на самоценность, или сюжетная проза, имеющая целью не поучать, а заинтриговать читателя, - встречаются в штыки.

Когда искусство и наука включены в единую область словесности, то оказывается возможным сравнивать их, строить ценностную иерархию, предпочитать одно другому. В «Вестнике» встречаем понятие «высокой словесности»[79], в которую не входят поэзия и беллетристика. Это понятие прожило достаточно долго: Французская Академия Наук оперировала им еще при Мопассане (что последний с возмущением отмечал). «Вымышленную» и «истинную» историю могут различать как «пустую» и «дельную» (этому слову суждена, как известно, долгая жизнь в русской критике).

Раздраженный обилием сентиментальных путешествий, В.Г.Анастасевич в 1805 г. сетовал: «Не нужны нам стали ни Бишинги, ни де ла Порты, ни Палласы. Все заговорили одним языком, что географий довольно (хотя их весьма мало) и что географические описания ненадобны, должно описывать природу...»[80] Любопытно, что в 1806 г. Анастасевичу возражал, защищая книгу В.Измайлова «Путешествие в полуденную Россию», не кто иной, как Каченовский, ещё не

---

[78] Войцехович И.Л. Опыт начертания общей теории изящных искусств. М., 1823; Русские эстетические трактаты первой трети XIX века. М., 1974, т.1, с.298; есть ссылка на учебник эстетики Эберхарда.

[79] См. в сообщении об австрийском цензурном уставе: «предписывается цензорам строго наблюдать различие между теми книгами и рукописями, в которых содержатся науки и высокая словесность, и между тетрадками и небольшими сочинениями, заключающими в себе единственно плоды воображения» (ВЕ, 1811, № 3, с.232).

[80][Анастасевич В.Г.] Письмо к другу из провинции. - Журнал российской словесности. 1805, ч. 2, с.195.

доведенный литературными распрями до утрированного «педантизма»: «Некоторые люди <...> все путешествия не ботанические, не статистические, не гидро-топо-географические осуждают на вечное изгнание из областей русской литературы, в приятных сочинениях, писанных для публики, видят на каждой странице какую-то сентиментальность, вредную и опасную»[81] Десять лет спустя он сам напишет В.М.Перевощикову: «С благодарностию принимаю совет Ваш касательно помещения в Вестнике известий о новых иностранных книгах, новых изобретениях и проч. Я знал, что это было бы очень нужно, но мне препятствовали разные причины, и между прочим опасение, чтобы на беду мою Вестник не принял бы на себя ученого характера и тем не перепугал бы нашу читающую публику. Сказочки, побасенки, небылицы то ли дело!»[82] К «сказочкам» относится, например, «Бедная Лиза»[83] В 1823 г. Каченовский печатает следующую заметку: «В октябрьской тетради французского «Журнала ученых» с признательным любопытством рассметрена и описана статья о сибирских изваяниях и надписях, сочиненная г-м Спасским, почтенным издателем Сибирского Вестника <...>. Иностранцы всегда охотно будут пользоваться трудами нашими и будут к ним признательны, надобно только, чтоб мы сами знали цену полезным упражнениям. Они отменно дорожат нашими открытиями, ученым описанием предметов, счастливыми соображениями при изысканиях исторических или археологических, но мало думают они о наших балладах, баснях, новых сказках и песнях, в которых видят вымыслы своих же одноземцев»[84]. Теоретики-«педанты» требовали от литератора обширной и разносторонней учености. Такие требования были вполне привычными в предшествующую эпоху, но в начале XIX в. они вызывают раздражение. У Мерзлякова читаем: «Гомер был философ, политик, теолог, естествоиспытатель великий. <...> Скажут: слишком ученый бывает рабом своей учености. <...> Он не может нравиться, - кричит селадон-стихотворец. - Он пустится в мрачные области метафизики»[85]

Теоретикам «Вестника» казался возможным синтез науки и ис-

---

[81] ВЕ, 1806, № 1, с.15.

[82] 18 марта 1817. РГАЛИ, ф. 46, оп. 4, № 6, л. 5. Такое противопоставление "басен" и "истории" было, видимо, достаточно регулярным в языке эпохи; не отсюда ли и крыловское: "Но мы истории не пишем, А вот о том как в баснях говорят"

[83] ВЕ, 1616, № 13, с.49.

[84] № 2, с.159-160.

[85] О талантах стихотворца. ВЕ, 1812, №№ 19-20, с.236-238.

кусства в некоторой деятельности высшего порядка. См., например, в переводной статье «О классиках и классическом образовании»: «Ученый старается пробудить в нас мысли, стихотворец чувства, а писатель классический соединяет то и другое»[86]

Неудивительно, что «Вестник» приобрел репутацию журнала «сухого». Впервые, кажется, об этом внятно сказал в 1815 г. П.М.Строев: ««Вестник Европы», начатый г.Карамзиным как журнал новостей европейских, сделался ныне журналом - *ученым* <...>. Да и в самом деле немногие ищут в журналах ученых рассуждений, большая часть читает их для удовольствия. Хороший журнал может служить всегда избраннейшею библиотекою для чтения»[87].

Однако если в 1800-1810 гг. позиция «Вестника Европы» казалась нелепой крайностью, то в 1820-х – в эпоху кризиса поэзии, постепенно вытесняемой прозой, требование «дельности» в литературе раздается со всех сторон. См., например, в «Сыне Отечества» за 1826 г.: «Стихотворцы потеряли часть значительности своей в публике, и поэзия лишилась своего владычества. Она должна, подобно наукам, приспособиться к полезным искусствам, к потребностям жизни, должна трогать сердце, возвышать душу, беседовать с нами о настоящих наших выгодах или судьбе будущей жизни нашей. Без существенной пользы нет успеха, без сего условия прелестнейшие мадригалы не находят более места в «Календаре Муз», пиитический дар с трудом проникает в публику, если он не является на драматическом поприще...»[88] Характерным образом здесь опять всплывает слово «наука»; сближение литературы и науки, казавшееся в 1810-е годы совершенно архаическим, актуализируется в 1830-х и особенно в 1840-х гг.

Будучи историком, Каченовский с особенным пристрастием относился к художественным произведениям, написанным на историчес-

---

[86] 1830, № 5, с.31, перевод подписан «В.Ч.» [Чуриков?].

[87] Взгляд на периодические сочинения. - Современный наблюдатель российской словесности, № 1, с.40, см. также: Нечто о журналах. - Там же, № 2, с.88. Видимо, именно Строеву Каченовский отвечал в плане журнала на 1817 г.. "Произведения слишком глубокой учености пускай остаются в книгах. Редактор воспользуется ими для своего журнала в таком только случае, когда можно будет предложить некоторые для многих любопытные истины легким, незатруднительным и приятным образом» (ВЕ, 1816, №№ 19-20, с320). Впрочем, это - общее место в журнальных планах и, как любое общее место, может быть и не особенно значимым, ср., например, в плане карамзинского «Московского журнала» 1790 г.. «Не входят только теологические, мистические, слишком ученые, педантические, сухие пиесы».

[88] № 14, с.179-80.

кий или якобы исторический сюжет. Условно-исторические романы типа романов Жанлис или наполненные анахронизмами трагедии Сумарокова или Озерова Каченовский осуждал почти безоговорочно. В 1807 г. он с одобрением цитировал опубликованную во французской периодике рецензию на новый роман Жанлис: «Что значит историческая сказка? Она есть сочинение, в котором смесь истины и вымысла помрачает все познания»[89]. В 1810 г., отвечая Мерзлякову, критиковавшему в «Вестнике» «Сорену» Сумарокова, некий «Пожилой любитель отечественной словесности» утверждал, что Каченовский не понимает своеобразной ценности художественного вымысла, и напоминал Каченовскому об эстетическом принципе, подробно растолкованном уже Лессингом: «Между точностию историческою и вероятием, или правдоподобием драматическим, есть великое различие»[90]. В 1824 г. в «разговоре» «Читатели книг» по поводу романов Вальтера Скотта замечено: «непростительно говорить о вымышленных повестях как об источниках мудрости», и время «надлежало бы посвятить существенности, а не вымыслам»[91]. Впрочем, «Вестник» всегда стремился знакомить читателя с разными взглядами на проблему; в 1821 г. в рубрике «Краткие выписки» роман В.Скотта «Аббат» назван «более историческим, нежели иные истории»[92]

Итак, границы словесности очень широки, и различие между научными и художественными жанрами - весьма нечеткое. Требуя от писателя «учености», Каченовский при этом уверен, однако, и в необходимости традиционной строгой дифференциации жанров, всячески сопротивляясь новейшим тенденциям к смешению форм. Например, в рецензии на «Юрия Милославского» Загоскина Каченовский указывал, что в романе неуместны «археологические доводы <...> ученой непогрешимости»[93]. Предмет особенных нападок – «пиитические вымыслы» в научном труде.

Для Каченовского существуют два типа историографии: «красноречивая» (Тит Ливий) и объективистская (Фукидид). Симпатии Каченовского явно на стороне последней[94].

---

[89] ВЕ, 1807, № II, с.204.
[90] Русский Вестник, 1810, № 4, с.121.
[91] № 20, с.290, подл. «Ш.Щ.».
[92] 1821, № 10.
[93] ВЕ, 1830, № 3, с.241.
[94] Нечто о греческих историках. – ВЕ, 1810, № 8; об этой статье см: Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М., 1941.

Успех истории Карамзина укреплял позиции истории-искусства за счет истории-науки, чего Каченовский одобрить не мог[95] Каченовский укоризненно напоминал Карамзину его собственные слова: «в наше время историкам уже не позволено быть романистами»[96]. Риторичность слога Карамзина казалась Каченовскому «холодным пустословием». Вероятно, именно против «апофегм» Карамзина, моралистических комментариев направлена публикация в «Вестнике» «Некоторых мыслей» Н.Иванчина-Писарева, где читаем: «Евангелисты суть пример всем историкам. Нигде нет: *злодеи* повлекли его <...> *жестокий* Каиафа, *слабый* Пилат и тому подобного. Нельзя лучше хвалить или порицать людей, как просто выставя дела их»[97] Основная претензия Каченовского к стилю Карамзина-историка - претензия к «несоразмерности описания, ненужным и едва ли справедливым подробностям»[98]. Поэтому неудивительно, что образцовым стилем исторического сочинения для Каченовского в итоге оказался стиль его литературного врага «нейтральный» (Тынянов) стиль Пушкина, отказавшегося от карамзинских традиций синкретической прозы. Пушкинская проза - и художественная, и научная - строится по принципу «равномасштабности»: «Проза существенных и равномасштабных мотивов не вместит деталь, идущую от субъективности и своеволия повествователя»[99] Вероятно, именно это и оценил Каченовский, сказавший, по свидетельству современника: «Один только писатель у нас мог писать историю простым, но живым и сильным, достойным ее языком - это Александр Сергеевич Пушкин, давший превосходный образец исторического изложения в своей «История пугачевского

---

[95] К концу 1820-х гг., когда искусство и наука начали осознаваться как отдельные виды творчества и за наукой как таковой было признано право на самостоятельное существование, Погодин и Шевырев могли писать об истории-науке и истории-искусстве совершенно спокойно и безоценочно. См., например, у Погодина: «История есть двоякая: искусство и наука. Историки-художники: Ливий, Макиавелли, Юм, Карамзин и др. Историки-систематики: Шлецер, Гердер, Аст, Геерен и проч.» (Московский Вестник, 1827, № 2, с.151, см. также, например, у Шевырева в «Обозрении русской словесности за 1827 год» - там же, 1828, № 1, с.59).

[96] ВЕ, 1818, № 13, с.42.

[97] ВЕ, 1818, № 19, с.227-28.

[98] ВЕ, 1829, № 18, с.112.

[99] Чудаков А.П. К поэтике пушкинской прозы. - Чудаков А.П. Слово – вещь мир. М., 1992, с.23.

бунта»[100] Аналогичное мнение было высказано Погодиным: «Пушкин <...> Пугачевским бунтом нанес решительный удар ораторской истории, в коей Карамзин был у нас первым и последним мастером»[101].

Однако и к историческим трудам Каченовский – как и его эпоха предъявлял определенные эстетические требования. Ю.М.Лотман, характеризуя «Историю государства Российского» как произведение литературное, цитирует слова Карамзина об историке: «Что же остается ему, прикованному, так сказать, к сухим хартиям древности? Порядок, ясность, сила, живопись. Он творит из данного вещества»[102]. Демонстрируя новаторство Карамзина, исследователь отмечает противопоставленность в сознании эпохи исторического труда и исторического романа, однако изящная словесность ведь не ограничивалась романом, как это стало позже. Карамзин только осуществил идеал исторического труда, провозглашенный до него. «Сила» и «живопись» как свойства исторического труда признавались и оппонентом Карамзина – Каченовским; см., например, его слова о

---

[100] Цит. по: Соловьев С.М. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других. - Соловьев С.М. Избранные труды. Записки. М.,1983, с.257.

«Насколько нейтральный стиль пушкинской прозы помогал ему использовать документальные материалы, видно хотя бы из того, что главою «Дубровского» является подлинный судебный документ и что введение его в ткань романа не вызвало никакого стилистического разнобоя <...> Его художественная работа не только питается резервуаром науки, но и по возникающим методологическим вопросам близка к ней» (Тынянов Ю.Н. Пушкин. - Тынянов Ю.Н. Пушкин и его современники. М., 1968, с.164).

Позиция Пушкина, видимо, представлялась Тынянову уникальной или, во всяком случае, своеобразной. Этого же мнения придерживаются и некоторые другие исследователи. См., например, у Б.В.Томашевского: «Проблема современного романа выходила у Пушкина за пределы чисто литературных интересов. Литературные замыслы в этой области переплетались с вопросами публицистического порядка <...> Едва ли историки и публицисты Франции играли меньшую роль, чем поэты и романисты, в формировании сознания Пушкина <...> Необходимо помнить, что восприятие жизни у Пушкина было интегральным и в своем творчестве он не замыкался от впечатлений всего многообразия культурной жизни» (Томашевский Б.В. Пушкин и французская литература -Томашевский Б.В. Пушкин и Франция. Л.,1960, с.173). Представляется, однако, что Пушкин здесь следовал культурным традициям своего времени.

[101] Рецензия, предназначавшаяся для «Московского Наблюдателя», «Несколько слов об истории пугачевского бунта, А.С.Пушкина» - Русский Архив, 1865, с.1248.

[102] Лотман Ю.М. Пути развития русской прозы 1800-1810-х гг. - Ученые записки Тартуского государственного университета.1961, вып.104, с.41.

Фукидиде: "остерегаясь от пиитических вымыслов предшественников своих, он умел быть живописцем, умел пленять слогом живым и выразительным»[103]. В переводе работы Бернарди «Тит Ливий и Тацит», помещенном в «Вестнике»: «Писатель говорит или воображению, или сердцу, или и тому и другому вместе, и в сем последнем состоит совершенство, до которого весьма немногие достигли. С давних времен поэзия присвоила себе власть делать сильные впечатления в человеческом сердце, она господствует на театрах, где, посредством удачного обмана, представляет глазам зрителя деяния и самые лица действующие. История не может пользоваться сим пособием, и недостаток сей дополняется только чрезвычайным усилием природной способности, когда повествование оживлено драматическою внешностию»[104].

Если «педанты» упрекали писателя за отсутствие обширной учености, то писатели, в свою очередь, могли не признавать ценности собственно научных работ; см., например, отзыв Пушкина о Каченовском - основателе скептической школы в России, заслуги которого заключаются преимущественно в разработке метода: «г. Каченовский, не написав ни одной книги, достойной некоторого внимания, не напечатав в течение 20 лет ни одной замечательной статьи...»[105] Для Пушкина ценность имеет лишь такой исторический труд, который может быть книгой для чтения.

---

[103] О свойстве греческих историков. – ВЕ, 1810, № 6, с.296 (подп. «М.»).
[104] ВЕ, 1807, № 20, с.254.
[105] «Отрывок из литературных летописей", 1829 г.

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЛИТЕРАТУРНОГО СПОРА

Непочтительное отношение к авторитетам могло оцениваться как незнание правил поведения в обществе, как свидетельство «низкого» происхождения и дурного воспитания. Образ педанта как человека несветского – образ старый и не русский. См., например, у Мольера: «Запомните, господин Лизидас, что у придворных зрение не хуже, чем у других, что можно быть здравомыслящим человеком в венецианских кружевах и перьях, равно как и в коротком парике и гладких брыжах... общение с высшим обществом, где царит простой здравый смысл, гораздо в большей степени способствует тонкости человеческого восприятия, нежели вся заржавленная ученость педантов»[106].

Социальный статус, обсуждаемый в литературных спорах, связан не столько с происхождением или воспитанием, сколько с поведением в литературе. Среди «литературных аристократов» были люди «низкого» происхождения, например, Жуковский или Плетнев, которым оно, однако, не поминалось. И.И.Дмитриев плохо говорил по-французски, что не мешало ему считаться вполне comme il faut. Заметим, что лексика социальной борьбы использовалась и в полемике «дворянских» литературных групп: «языковая полемика «архаистов» (славянофилов) и «новаторов» (карамзинистов) имеет отчетливо выраженный социальный характер. Так, карамзинисты могут вести борьбу с церковнославянской языковой стихией под знаменем борьбы с «подьяческим» или «семинарским» языком, эксплицитно переводя языковую полемику в социолингвистический план» [107]

«Московские профессора» круга «Вестника», как правило, и не стремились соответствовать «дворянским» нормам поведения в культуре и относились к ним весьма скептически. Время от времени в журнале помещаются материалы, в которых гордыня привилегированного сословия осуждается с просветительских позиций: см., например, «Сатиру к С<перанскому> об истинном благородстве» Воейкова[108] или перевод «Речи Капулея римского трибуна» из Тита Ливия с выпадами против патрициев[109].

---

[106] Мольер Ж.-Б. Критика «Школы жен». Цит. по: Литературные манифесты западнсевропейских классицистов. М.,1980, с.400.

[107] Успенский Б.А. Из истории русского литературного языка XV111 – начала XIX века: Языковая программа Карамзина и ее исторические корни. М., 1985, с.4.

[108] 1806, № 19.

[109] 1812, № 11.

«Дворяне» же в литературной полемике не стеснялись намекать на социальный статус своих противников. См., например, характерные высказывания Вяземского: «охотно дам червонец тому, который скажет, что нашли средство освободить крестьян в России и зажать рог мужику Каченовскому»; «Михаил Трофимович <...> Одно имя это - насмешка»[110]. По свидетельству Анастасевича, петербургские «Лагарпы называют москвичей дьячками»[111].

Использование социальных характеристик, как известно, было особенно частым в конце 1820-х - 30-х гг., во время войны между «аристократическими» и «демократическими» изданиями. По утверждению Пушкина, первым позволил себе столь неэтичные средства в литературной борьбе сам Каченовский, печатно попрекнувший Полевого его купеческим званием. Но, как мы видели, и карамзинисты - по крайней мере, не в печати – гораздо раньше были склонны к таким методам полемики

Вероятно, в Пушкина метили публикации в «Вестнике» о сословных предрассудках Байрона например, в «Письме Бейля к г-же Беллок о лорде Байроне»: «Итальянцы удивлялись особенно тому, что сей великий поэт гораздо более уважал в себе потомка норманских баронов, которые сопутствовали Вильгельму при завоевании Англии, нежели автора Паризины и Лары»[112] Возможно, Пушкин отвечал именно Каченовскому, когда заявлял: «Я русский дворянин, и я знал своих предков раньше, чем узнал Байрона» («Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений», 1830).

Пушкинские выпады подобного рода многочисленны и оскорбительны, например, в эпиграммах на Надеждина:

Засим принес семинарист
Тетрадь лакейских диссертаций...[113]

---

[110] Письмо Воейкову от 2/14 ноября 1818 г.. ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 124, л. 1; письмо Александру Тургеневу от 31 декабря 1820 г. – Арзамас: В 2 тт. М.; СПб., 1994, т. 2, с.383.

[111] Письмо к В.М.Перевощикову от 17 авг. 1822 г. (это время острой конкуренции «Сына Отечества» и «Вестника») – РГАЛИ, ф.46, оп.4, № 1, л.29об.

[112] 1829, №1, с.69.

[113] «Мальчишка Фебу гимн поднес», 1829.

В журнал совсем не европейский,
Над коим чахнет старый журналист,
С своею прозою лакейской
Взошел болван семинарист.

В наброске «Несколько молодых литераторов ...» (1829): «Общество имело первое свое заседание на Малой Бронной в доме г. Х, бывшего корректора типографии <...> Секретарем был избран единогласно же Никодим Невеждин, молодой человек из честного сословия слуг <...> стихи молодых семинаристов <...> Все с удовольствием слушали милые проказы маленького купчика». В отрывке из «Детской книжки» (начало 1830), посвященном Надеждину: «Ванюша, сын приходского дьячка, был ужасный шалун <...> Когда проходил мимо их порядочный человек, Ванюша показывал ему язык» и проч. В «Отрывке из литературных летописей» («Северные Цветы на 1830 год»): «непристойные крики пьяного семинариста». В записи о Надеждине (сделана после 1835 г., рассказывает о встрече в 1830 г.): «Я встретился с Надеждиным у Погодина. Он показался мне весьма простонародным, вульгарным, скучным, заносчивым и безо всякого приличия. Например, он поднял платок, мною уроненный». Среди типовых полемических ходов «аристократов» отметим один, где шутка граничит с доносом. Вяземский в письме к И.И.Дмитриеву от 27 июяя 1829 г. сравнивает Каченовского с отцом Дюшеном[114] Дельвиг уже всерьез пицпет: «Эпиграммы демократических писателей ХУ111 столетия (которых, впрочем, ни в каком отношении сравнивать с нашими невозможно) приуготовили крики: «Аристократов к фонарю...»»[115]. Цензура сочла такие уподобления недопустимыми.

«Неблагородство» Каченовского, позволявшего себе непочтительно относиться к авторитетам, для его современников подтверждалось и тем, что он был не только профессор, преподававший за плату, но и профессиональный журналист, и журнал приносил ему некоторый доход (доход, заметим кстати, не очень значительный: даже хоронить Каченовского пришлось на средства казны). У молодого Пушкина находим распространенное сравнение журналиста с публичной женщиной: «Читая рецензии Воейкова, Каченовского и проч., мне казалось, что подслушиваю у калитки литературные толки

---

[114] Письма разных лиц к Ивану Ивановичу Дмитриеву. М., 1867, с.141.
[115] ЛГ, 9 авг. 1830, № 40, с.72.

приятельниц Варюшки и Буянова»[116] Карамзинисты попеременно обвиняли «педантов» то в политической неблагонамеренности, то в сервилизме. Так, Вяземский, вероятно, уязвленный намеками на свою литературную несамостоятельность, отвечал обвинениями в зависимости социальной. Кажется, так можно понимать его письмо А.А.Бестужеву: «Я слишком Вас знаю, чтобы не твердо быть уверенным в мнении Вашем о Каченовском, если спроситесь литературной совести, зачем же Вам подчинять себя побочным условиям, околичностям? Оставим это поденщикам книжным, цеховым ремесленникам, но кому же быть независимым, если не нам, которые пишем из побуждений благородного честолюбия, бескорыстной потребности души? <...> Я коротко и глубоко знаю эту сволочь. Достоинство писателя у нас упадает с каждым днем и, если малому числу избранных не поддерживать его, то литература сделается каким-то казенною службою, полицейским штатом, или и того хуже, каким-то отделением Министерства просвещения. Независимость вот власть, которой мы должны служить верою и правдой. Без нее нет писателю спасения! И ум, и сердце его, и чернила - всё без неё заплеснет»[117]

Излюбленными доказательствами журналистской беспринципности и меркантильности Каченовского для современников было наличие политического раздела и беллетристики в «Вестнике».

В том, что постоянной составляющей журнала Каченовского был политический раздел (при П.П.Сумарокове, в 1804 г., политические известия появлялись в «Вестнике» нерегулярно), многие видели низменное стремление привлечь подписчиков, - хотя Каченовский лишь следовал здесь традиции Карамзина. По мнению Каченовского, политический раздел был одним из главных средств «сделать журнал интересным»; летом 1809 г. он с огорчением писал своему соредактору Жуковскому о цензурных гонениях (за которыми вскоре последовал запрет на публикацию в периодике политических известий): «Тяжело писать политику! Как прикажете рассуждать, и что замечать? Трудно противу рожна прати! А удивляться и хвалить против собственной уверенности я не в силах. Что ж выходит? То, что известия в вестнике почти ничем не отличаются от газетных. При нынешних обстоятельствах остается думать о способах сделать журнал интересным как-нибудь иначе, то есть не посредством политики, или по крайней мере не посредством одной политики»[118] Ср. мнение Жуковского, выска-

---

[116] Письмо Вяземскому от 6 февраля 1823 г.

[117] Письмо от 20 января 1824 г. – Русская Старина, 1888, № II, с.324.

[118] 6 июля 1809 – РО ПД, 28075/ СС16115, л. 12-12об.

занное в 1809 г. в письме к А.И.Тургеневу: «Я уже отпел панихиду политике и нимало не опечален ее кончиною. Правда, она отымет у моего журнала несколько подписчиков, - но так тому и быть. Это ничуть не умалило моего рвения, напротив, чувствую желание сделать журнал мой из дурного или много-много посредственного хорошим»[119] С Жуковским в этом был согласен такой во всех прочих отношениях далекий от него литератор, как В.Г.Анастасевич, издатель непопулярного и недолговечного «Улья»[120]. Подобные мнения имеют богатую традицию и высказывались еще в «Зрителе» Аддисона и Стиля[121]. В комедии М.Н.Макарова «Обращенный Славенофил», где Каченовский был выведен в виде алчного журналиста Педантова, первый же монолог Педантова был посвящен политике и, по наблюдению К.Ю.Рогова, пародировал раздел «Известий и замечаний» «Вестника». Исследователь приводит описанный Макаровым его разговор с В.Л.Пушкиным, явно перекликающийся с комедией: «Вы читаете наши журналы? - спросил меня однажды сосед мой П... - Почти все. - Который Вам более нравится? - Тот, который говорит языком сердца, страшится иметь все слишком политическое и все слишком педантическое...»[122]

Заявлявший о своем презрении к беллетристике, - «сказкам»[123], Каченовский сам переводил эти «сказки» (Коцебу, Жанлис, Сарразена), печатал их в своем журнале и отдельными сборниками [124] Об этих переводах, плохо совместимых с позой исследователя, занятой Каченовским, ему постоянно напоминал, например, Пушкин: «...г. Каченовский перевел «Терезу и Фальдони», что за беда?»[125]; «г-н Трандафырь, знаменитый переводчик бессмертного романа <...> Что сделали мы до сих пор, почтенные слушатели?<...> перевели романы, доставлявшие нам 700 рублей от Ширяева»[126] Каченовского можно

---

[119] 15 сент. 1809 - Письма В.А.Жуковского к А.И.Тургеневу. М., 1895, с.46-47.
[120] См.. Улей, 1812, № XV, с.213.
[121] См., например: Spectator, №№ 124, 262.
[122] Аглая, 1810, кн. 10, с.27-26; Рогов К.Ю. Портреты и карикатуры. - Ново-Басманная, 19. М.,1990, с.159.
[123] См., например, о "соблазнительности" романов Жанлис (1806, № 10, с.114 – 21), или отзыв о романе Коттен «Елизавета, или Сосланные в Сибирь": "Книга сия, как всякой видит, есть роман, и притом такой, без которого обойтись весьма нетрудно, следственно, можно надеяться, что он скоро явится в переводе на русском языке!" (1806, №21, с.45).
[124] Библиотека повестей и анекдотов, М., 1816-17, 2-е изд. - М., 1819-20.
[125] «Отрывок из литературных летописей», 1830.
[126] «Несколько московских литераторов...», 1829.

было обвинить не только в меркантилизме, но и в безвкусице: согласно традиции, идущей от «Ученых женщин» Мольера, непременная черта педанта - пристрастие к нелепым романам.

Здесь с Каченовским опять обошлись не вполне справедливо: к 1829 г. беллетристика, некогда переведенная Каченовским, вероятно, и в самом деле читалась только в лакейской - но в 1800-х - 1810-х Жанлис и Сарразена переводил не только Каченовский, но и Жуковский, и это соответствовало вкусам времени. В 1820-е же и Каченовский переводил уже не Жанлис и не Леонара, а Байрона и В.Скотта. В отличие от «Вестника» - возможно, с оглядкой на него - беллетристики не было ни в «Сыне Отечества», ни в планируемом арзамасцами журнале. Разумеется, позднейшая периодика без беллетристики обойтись не могла никак – в том числе и «Современник» Пушкина.

КАРАМЗИНИСТЫ, «АРХАИСТЫ» И «ВЕСТНИК ЕВРОПЫ» КАК «ТРЕТЬЯ СИЛА» В ЛИТЕРАТУРНОЙ БОРЬБЕ ЭПОХИ

«Зоил» Каченовский, по мнению многих, стоял вне литературы. Это мнение отчасти порождено его позицией стороннего наблюдателя, которую он занял в основном литературном споре 1800-х - нач. 1810-х гг. - споре о «старом и новом слоге». Происходящее наблюдатель сопоставлял с литературными «правилами»; творчество и карамзинистов, и архаистов этим правилам равно не соответствовало.

Поведение «Вестника» в этом споре совершенно по-разному оценивалось самим Каченовским, карамзинистами и архаистами. В этом сказалась известная особенность литературы начала X1X в. – по удачному выражению А.М. Пескова, ее «несимметричность»[127].

Кюхельбекер, описывая в 1824 г. «войну классиков и романтиков, равно образовавшихся в школе Карамзина», среди «классиков» называет Каченовского и авторов «Вестника» - Мерзлякова, М.А.Дмитриева и А.И.Писарева[128].

Тот же полемический прием - сваливать всех своих противников в одну кучу - применяли и карамзинисты, последовательно приравнивавшие Каченовского к беседчикам. См., например, в письмах Батюшкова 1811-16 гг.. «Хотя б в Беседе писали поумнее, хотя б для моего спокойствия Каченовский врал менее, Хвостов - забавнее, и Шишков более стихами на образец «Крепости»»[129]; «Мы тебя угостим и бифстексом, и Беседой, которая ни в чем не уступит московской богадельне стихотворцев, учрежденной во славу бога Морфея и богини Галиматьи»[130]. Сравнение Московского общества

---

[127] Песков А.М. Буало в русской литературе XV111 – первой трети X1X века. М.,1989, с.59.

[128] «Минувшего 1824 года военные, ученые и политические достопримечательные события в области российской словесности». Любопытно, что много лет спустя бывшие авторы «Вестника» сами заявляли, что Каченовский «по слогу» относится к «школе» Карамзина (письмо М.А.Дмигриева к Погодину от 9 января 1853 г. - РО РГБ, Пог/111, карт.4, № 31, л. 140). Здесь уже иная расстановка сил: в споре с новым литературным поколением складывается идеализированный – и притом единый – образ прошлого.

[129] Гнедичу, окт. 1811.

[130] Жуковскому, 12 апр. 1812, «богадельня» - Московское общество любителей российской словесности.

любителей российской словесности с «Беседой» было расхожим, ср. у В.Л.Пушкина в письме к Вяземскому от 10 апреля 1819 г.. «я писал к тебе о пресловутой Беседе. Я почти намерен вовсе от нее отказаться, гадко быть с этими уродами. Об Антонском скажу, однако, что он не одобряет ни Каченовского, ни Мерзлякова»[131]. Вяземский писал Дашкову о своем споре с М.А.Дмитриевым, выступавшим на страницах «Вестника»: «Чем беседнее, тем скорее будет арзамасно»[132]. Подпевалой Шишкова вывел Каченовского и М.Н.Макаров в «Обращенном Славенофиле»[133]

Между тем в споре шишковистов и карамзинистов «Вестник» пытался участвовать как вполне самостоятельная третья сила.

По мнению Владимира Каченовского, его отец боролся «с двумя крайностями: с одной стороны, ратовал против слепого подражания карамзинскому слогу, с другой, против излишней приверженности славянизму»[134] В «Вестнике» читаем, например: «Есть у нас старообрядцы в языке и в народных обычаях, есть отступники от старины и в том и в другом, есть, наконец, когда можно их так назвать в этом отношении, деисты, которые, исповедуя веру к древнему языку и к праотеческим обычаям, в обоих случаях православные, а не еретики и не атеисты»[135]; «знаешь, как мало боюсь ваших столичных словесников антик...инистов: они для меня столь же забавны, как и господа ультрак...инисты, сие братство рыцарей, обрекших себя на слепое, безответное служение своему единствешюму просветитолю»[136]; «напыщенный слог *многих* и странные, новомодные слова *немногих*»[137]

Каченовский отыскивает и переводит статьи о литературном противостоянии космополитов и романтиков-напионалистов в Европе. Такова, например, публикация «Несколько слов о строжайшем наблюдении чистоты в языке» (подп. Бок. Брдбрг), сопровожденная предисловием редактора: «В Германии продолжаются жаркие споры между двумя многочисленными партиями, из которых одна в исступлении патриотизма желает восстановления

---

[131] «Арзамас», т.2, с.437.

[132] Гиллельсон М.И. Вяземский. Жизнь и творчество. Л., 1969, с.43.

[133] Но написанной, вероятно, около 1807 г. – см. Рогов.

[134] Каченовский Вл. М.Т.Каченовский. СПб., 1892, с.13.

[135] В.И.[змайлов], Автор и книгопродавец. – ВЕ, 1813, №№ 5, 6, с.10.

[136] [Каченовский], От Киевского жителя к его другу. – ВЕ, 1819, № 2, с.122.

[137] Житель Бутырской слободы [А.Глаголев], Ответ на письмо к издателю «Сына Отечества». – ВЕ, 1820, № 16, с.287. Здесь явный намек на Жуковского.

древних обычаев, желает, чтобы все сыны и дочери Германии носили платье старинного покроя, и чтобы немецкий язык *очищен* был от всякой примеси. <...> Другая партия непоколебимо уверена, что все перенимать должно у *одних* только французов. Сколько можно было заметить, обе стороны слишком далеко уклоняются от средней, благоразумием назначенной дороги»[138].

К столь важному для эпохи спору о «старом и новом слоге» авторы «Вестника» относились с некоторым пренебрежением, в частности, потому, что им была чужда склонность превращать спор о литературе и об историческом пути России в спор о языке; язык представлялся им скорее нейтральной формой. В одной из статей «Вестника» читаем: «На известной точке образованности языки походят один на другого, как и люди. В общем чертеже природы нет исключений, все чувствуют и мыслят одинаково»[139].

Итак, и карамзинисты, и беседчики предаются крайностям, между тем как «средний путь есть всегда благоразумнейший»[140] Понятие «меры» - одно из важнейших в эстетике классицизма, соблюдение меры - одно из важнейших правил науки поэзии, несоблюдение меры - следствие «невежества», и сторонник «золотой середины» Каченовский выступает против карамзинистов и беседчиков как ученый против невежд. С особенной откровенностью это заявлено в рецензии на малограмотный опус «Похвальное слово Императору Петру Великому» безвестного графомана Зубчанинова, к которому Каченовский намеренно приравнивает своих литературных противников: «Есть два рода людей, ненавидящих и презирающих школьные наставления <...> Одни не принимают никаких правил, не имеют доверия ни к каким наставлениям, отвергают всякие системы в словесных науках, равно не терпят Аристотеля и Ролленя, Цицерона и Блера, Горация и Боало, Дионисия и Аделунга как затейщиков иноплеменных и чужеязычных, другие, под руководством какого-нибудь бродяги начавшие курс учения своего с французских вокабул и окончившие Вольтеровою Заирой, думают, что вне французских стихотворцев и сказочников нет ни ума, ни красноречия, точно как

---

[138] 1816, № 12, с.266, 262.

[139] Стопановский Ф.С. Разговор о том, что преимущественно заниматься должно языком отечественным. ВЕ, 1812, № 3, с.182.

[140] Перевощиков В. Опыт о средствах пленять воображение, 1815 – Цит. по: Русские эстетические трактаты первой трети XIX века. М., 1974, т.1, с.271.

вне церкви несть спасения[141].<...> С первого взгляда кажется, что они антиподы во взаимном отношении между собою, напротив того, они близкие соседи. Равно не любя классического учения и древних законодателей вкуса, они имеют несходные мнения подобно раскольникам различных толков, но цель их одна и та же невежество»[142] Прозвище раскольника, данное арзамасцами Шишкову, Каченовский обратил на самих карамзинистов.

Художественная практика «архаистов», по мнению Каченовского, - плод незнания (или сознательного нарушения) литературных правил. Так, в баснях Е.Станевича Каченовский находил «разительные неприличности»; характерно возмущенное восклицание критика: «Спрашиваем у всех, которым известны хорошие правила и примеры, соблюдено ли <...> хоть одно условие из предписываемых пиитикою?»[143]

Основное обвинение, предъявленное Каченовским Ширинскому-Шихматову в рецензии на его стихотворение «Возвращение в отечество любезного моего брата», - обвинение в вопиющем нарушении жанровых норм: «Высоким слогом изображаются высокие мысли, знаменитые деяния, величественные, для всех или по крайней мере для многих важные предметы, Ломоносов и здравый разум определяют место ему в героических поэмах, в одах, в речах торжественных. Для изъявления радостного чувствия о прибытии любимого брата есть другой язык, язык сердечного удовольствия и простой, неукрашенной искренности»[144].

Поскольку допущенное Ширинским-Шихматовым нарушение правил было явно демонстративным, принципиальным, одной разгромной рецензии было недостаточно, и вскоре Каченовский напечатал свою теоретическую статью, посвященную той же теме, - «О

---

[141] Любопытно, что за три года до образования «Арзамаса» Каченовский уподобляет группу литературных единомышленников церкви. На подобных сравнениях будет основан язык «Арзамаса», вероятно, шутка была расхожей.
[142] 1812, № 16, с.119-20.
[143] Рецензия на собрание сочинений в стихах и в прозе Евстафия Станевича – ВЕ, 1806, № 2, с.129; эта рецензия породила полемику, в которой участвовали Станевич, А.Палицын и - на стороне Каченовского Воейков; позже Каченовский вспомнив о стихах Станевича, назвал их «варварскими» ВЕ, 1809, №1, с.37; о критике Каченовского на Станевича см.. Альтшуллер М. Предтечи славянофильства в русской литературе (Общество «Беседа любителей русского слова»). Ann Arbor, 1984.
[144] ВЕ, 1810, № 19, с.222.

надутости в слоге»[145] Ссылки на авторитеты эстетической мысли, например, на Лонгина, соседствовали здесь с резкими приговорами: «Надутость <...> показывает несовершенство рассудка»[146].

Если некоторые современники и позднейшие историки литературы могли называть Шишкова и Ширинского-Шихматова классиками, то Каченовский проницательно определил родственность русского архаизма новейшим немецким романтическим веяниям. Об этом можно заключить из его иронического замечания «о вывороченных наизнанку славено-российско-немецкого мастерства начертаниях эстетики»[147].

Любопытно, что позднее, в 1820-х гг., «Вестник» и близкий к нему в этом «Благонамеренный» будут порицать романтиков от Жуковского до Кюхельбекера - за типично одические, архаистекие «пороки»: «надутость», «темноту», высокопарность и т.п. В 1800-х - 1810-х гг. западноевропейских романтиков подчас описывали теми же словами, что и стиль отечественных архаистов: см., например, о «надутоети» слога Шатобриана в «Вестнике» 1811 г.[148] Чрезвычайно любопытен первый из известных нам отзывов о Байроне в русской печати: в 1815 г. в «Российском музеуме» В.Измайлов опубликовал перевод английской рецензии на байроновского «Корсара»: «слог возвышенный <...> но изредка испорченный концетами, набором обветшалых слов и употреблением оборотов, заимствованных из старинного языка»[149] Байрон, таким образом, впервые предстает перед русским читателем как поэт, подобный Шихматову.

Как известно, к концу 1820-х гг. в господствовавшем поэтическом языке эпохи стали видеть бездумную гладкость и не более того: «поэзию надо было сделать более «содержательной», программной, стих как таковой - менее заметным, надо было усилить эмоциональную и идейную мотивировку стихотворной речи, чтобы заново оправдать самое ее существование»[150]. Обычно чрезмерно "гладкий", облегченный поэтический язык связывали с именем

---

[145] ВЕ, 1810, № 21, М.[Каченовский].

[146] С.41.

[147] От любителя изящных искусств к его другу. - ВЕ, 1817, № 4, с.263; ниже упоминается, в частности, о Шеллинге.

[148] № 8, с.316.

[149] № 3, с.37-38. В "Сыне Отечества" такая характеристика Байрона была оценена как "французская" (СО, 1815, № 7, с.42-48).

[150] Эйхенбаум Б.М. Лермонтов, Опыт историко-литературной оценки. - Цит. по кн.: Эйхенбаум Б.М. О литературе. М., 1987, с.144-45.

Пушкина. Однако уже раньше «педанты» оценивали поэзию карамзинистов примерно так, как в конце 1820-х любомудры – поэзию Пушкина; формирование того, что позднее сочли автоматизированным пушкинским каноном, ощущалось и осуждалось и до Пушкина, в 1810-х гг.

Одним из преимущественных достоинств поэзии карамзинисты, как известно, считали «точность». Надо заметить, что слово «точность» в языке эпохи могло иметь разные значения. Например, «точность» могла означать стилистическую однородность текста, отсутствие контрастов и диссонансов. Такой точности требовали от поэзии и Каченовский, и последователи дмитриевского течения в карамзинизме. Но была и другая «точность», к которой карамзинисты и авторы «Вестника» относились по-разному, - точность как логическая ясность, отсутствие излишней семантической усложненности, точность и подробность в реалиях («соблюдение натуральной логики», как говорил Батюшков[151]).

Такая точность - точность прозы, почти научная. Давно замечено, что поэзия карамзинистов - по крайней мере, если судить по их критике и самоописаниям - ориентирована на прозу[152].

В этом сказывалось влияние французской традиции. К концу XIX в. французский язык имел устойчивую репутацию языка «прозаического» (это объяснялось самими французами его неспособностью - в отличие от греческого и латыни к инверсиям). См., например, у Вольтера рассуждение о том, что французский классический стих должен «следовать, как и наша проза, строгому порядку наших мыслей. Поэтому мы испытываем насущную потребность в повторе звуков, дабы нашу поэзию нельзя было спутать с прозой <...> величайшая заслуга стиха в том, что он не уступает в точности прозе, преодоление сей высшей трудности и пленяет знатоков»[153]

Такая ситуация сложилась в результате странного исхода знаменитого спора «древних» и «новых».

Как известно, взгляды «новых» на литературу были сверхрационалистическими. Утверждалось, что искусство

---

[151] «Мысли о литературе».

[152] Свод высказываний на тему приводит в своей статье «О композиции «Евгения Онегина»» Тынянов (см., например: Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.,1977, с.53-54).

[153] Вольтер, предисловие к «Эдипу» издания 1730 года. – Цит. по изд.: Вольтер Ж.М.А. Эстетика. М., 1974, с.68, см. также «Лицей» Лагарпа, ч. 1, кн. II, гл. III.

прогрессирует точно так же, как науки и ремесла (поэтому древнее искусство, например, античное, не представляет сейчас ценности - это искусство общества, менее развитого, чем наше). Научные и художественные тексты подчинены общим законам построения и подлежат общим критериям оценки; главное достоинство любого текста, в том числе и поэтического, - точность, поэзия должна говорить «просто и ясно, несмотря на возникающие при этом бесчисленные трудности, так просто и ясно, как если бы это говорилось в прозе»[154].

Главный оппонент «новых» - Буало - по свидетельству Ж.-Б.Руссо, «не раз говорил, что философия Декарта перерезала горло поэзии, и то, что она заимствовала от математики, сушит умы и приучает к точности, если можно так выразиться, материальной, которая не имеет никакого отношения к точности метафизической, свойственной поэтам и ораторам»[155]

Взгляды Буало разделяли и поддерживали своей творческой практикой писатели такого таланта и популярности, как Расин. И внешне «древние» победили, авторитет Буало в XVIII в. был непререкаем. Но Вольтер и Лагарп, в сущности, следуют не за славным Буало, а за осмеянным Перро: «точность» все-таки была признана отличительной особенностью французского стиля.

Когда в России XVIII - начале XIX в. спорили об идеальном поэтическом языке, то о французских «древних» и «новых» практически никогда не упоминали (не случайно в монографии А.М.Пескова о Буало в России нет упоминаний о Буало как о вожде «древних» и противнике прозаической «точности» картезианцев). Однако самая суть спора была отчасти воспроизведена: как недавно заметила исследовательница, «вопросы языка и стиля в России разрешаются примерно по той же самой схеме, что и во Францию»[156]. В XVIII в. рационалистические взгляды «новых» на поэтический язык разделял Сумароков, осуждавший, как известно, «темноту»

---

[154] Перро, Ш. Параллель между древними и новыми в отношении поэзии. – Цит. по изд.: Спор о древних и новых. М., 1985, с.179.

[155] Цит. по: Бахмутский В.Я. На рубеже двух веков. - Спор о древних и новых. М. , 1985, с.24.

[156] Сапонова Н.О. Спор "древних" и "новых" в России XVI11 – нач. XIX вв. 1994, с.70-71 (дипломная работа, защищенная на кафедре истории русской литературы филологического факультета МГУ).

«громких» од Ломоносова[157]. В начале XIX в. к «новым» были близки карамзинисты, а попытка обосновать своеобразие поэзии, ее право на иррациональность языка была предпринята авторами «Вестника», следовавшими здесь традициям Буало.

Метафизический и поэтический языки противопоставляются. Так, Каченовский в лекциях указывает не только на их разную суть и функции, но приурочивает их образование к различным историческим эпохам: «Место поэтов заступили философы, которые, рассматривая прилежно различие между вещами, ввели в употребление слог простой, ныне называемый прозаическим»[158]. (Подобную историческую схему предлагал, например, Кондильяк в «Опыте о происхождении человеческих знаний»: «Слог при своем зарождении был поэтическим, потому что он начал с изображения идей посредством самых ярких чувственных образов <...> но когда языки стали более богатыми <...> слог становился ближе к нашей прозе»[159] Этот тезис соответствует общей позиции Кондильяка, противопоставлявшего, например, анализ и воображение.)

Обсуждение проблемы постоянно привлекает внимание «Вестника»: так, в №№ 18 и 19 за 1806 г. печатается фрагмент из романа Бартелеми «Путешествие Анахарсиса» «О греческих риторах и риторике», где о красноречии и поэзии герою рассказывает геометр Эвклид: «Красноречие совсем исчезнет, если философия покорит вас своей власти. <...> Философия у меня значит - разум совершенно просвещенный. Теперь спрашиваю: все обманчивые призраки, вкравшиеся в язык, равно как и те, которые сделались предметами желаний наших, не должны ли исчезнуть пред лицем Философии, как исчезают ночные тени при появлении дневного светила? <...> не могу не признаться, что гиперболы вводят в заблуждение наши мысли и чувствия, и что они покажутся ужасными для ума, к ним не привыкшего. Впрочем надобно ожидать, что наш разум когда-нибудь выдет из младенчества»[160]. Эвклид у Бартелеми требует отказаться от языка поэзии ради языка философии. И рядом на страницах того же «Вестника» печатаются статьи, в которых осуждаются попытки

---

[157] Живов В.М. Церковнославянская традиция в русской литературе XVIII в. и рецепция спора «древних» и «новых». - История культуры и поэтика. М.,1994.

[158] О начале и успехах слова (Читано в Имп. Московском Университете).- ВЕ, 1807, № 1, с.56.

[159] Ч. 2, гл. 8, § 67; цит. по изд.: Кондильяк Э.Б. Соч.: В 3 тт. М., 1980, т.1, с.223.

[160] № 19, с.175, 176, 178.

писать стихи, руководствуясь критериями метафизического языка - «ясностью» и «точностью». Это разные проявления одного мнения: метафизический и поэтический языки различны по своей сути, и подчас враждебны друг другу.

В 1812 г. Ф.С.Стопановский[161] писал о карамзинистах: «Сии бедняки отдают преимущество северным языкам перед восточными, метафизическую точность, например, французского, выдают за лучшее свойство языка: ибо *главная его цель, чтобы нас понимали* Они хотят, чтоб трагик писал так, как геометр»[162].

Со - и противопоставление «поэта» и «геометра» было традиционным[163]. В стихах Акима Нахимова Математик говорит:

«Что слышу! - небо! он Поэт!
В нем вижу злого супостата –
От коего свирепых рифм
Трепещет робкий *логарифм*,
Он бич и куба и квадрата!»[164]

По словам Ламартина, романтизм явился протестом против засилья «геометров», явился ответом на «всемирный заговор

---

[161] Федор Семенович Стопановский (даты жизни неизвестны) - филолог-классик. Окончил Московский Университет кандидатом, после чего был в Университетском Благородном пансионе надзирателем и преподавал "российское, славянское и латинское чтение, основания российской грамматики и начала географии" (Сушков Н.В. Воспоминания. - Исторический Вестник, 1901, том 1). Статья в «Вестнике Европы» атрибутирована ему нами на том основании, что в 1815 г. она (под тем же криптонимом) была перепечатана в журнале пансиона "Каллиопа" (№ XXXI), из лиц же, связанных с пансионом, криптоним подходит только Стопановскому. Под очевидным влиянием Стопановского написана статья В.Чурикова "Разговор о том, что нужно для успехов русской словесности" (Каллиопа, 1815, № XXXI). Сведения о Стопановском - впрочем, очень скудные - нам удалось обнаружить только в Словаре ОЛРС, где сказано, что он был принят в сотрудники общества 13 ноября 1811 г. и "выбыл из этого звания" 26 ноября 1816 г. Вместе с Иваном Федоровичем Гудим-Левковичем (казанским поэтом, печатавшемся в «Вестнике Европы»; об этом человеке мы тоже почти ничего не знаем) предполагал издать "Избранные места из лучших латинских писателей, или Курс латинской словесности, с русским переводом, в 3-х частях", этот план, вероятно, осуществлен не был.

[162] С... Разговор о том, что преимущественно заниматься должно языком отечественным. – ВЕ, 1812, № 3, с.181.

[163] Свод материалов см.: Алексеев М.П. Пушкин и наука его времени (Разыскания и этюды) - Пушкин. Исследования и материалы. М.; Л., 1956, вып.1.

[164] Поэт и Математик. - Украинский Вестник, 1810, № 14.

математических наук против мысли и поэзии»[165]. Для Пушкина, литератора карамзинской традиции, напротив, возможно принципиальное сближение поэзии и геометрии. Вслед за Вольтером Пушкин утверждает: «Вдохновение есть расположение души к живейшему принятию впечатлений и соображению понятий, следственно и объяснению оных. Вдохновение нужно в геометрии, как и в поэзию»[166].

Часто сталкиваются не просто поэт и геометр, а именно геометр и автор трагедий. Трагедия с ее высоким «безумием» представлялась прямой противоположностью прозаической логике. Катенин с возмущением писал Н.И.Бахтину в 1825 г.. «В трагедии требуют пушкинских стихов»[167] (ср. с приведенными выше словами Стопановского). Батюшкову противопоставление поэзии и геометрии (науки, философии) кажется слишком грубым, и он приводит изящный парадокс: «Кондильяк говорит, что чтение стихотворцев образует лучше способность мыслить, нежели чтение философов. В трагедиях Расиновых более логики, нежели в Сенеке, и проч.» [168]

Спор о «геометре» и «трагике» в очередной раз обнаруживает одну из основных черт литературной позиции «Вестника» - ее промежуточность. Если в 1812 г. «Вестник» обвинял «бедняков» карамзинистов в излишнем рационализме, то чуть раньше, в 1810 г. - используя те же традиционные уподобления - в тех же грехах «педантов» обвиняли «староверы». Недовольный статьями Мерзлякова о Сумарокове, некий аноним в «Русском Вестнике» вспоминал известный анекдот: «Рассказывают, что один ученый французский математик, не быв никогда в театре, по сильному убеждению одного приятеля своего, решился посмотреть Ифигению Расинову. Во время всего представления математик сидел спокойно, а по окончании трагедии так же холодно спросил: что доказывает Расинова Ифигения?»[169]

Если для Карамзина, по свидетельству Вяземского, хорошие стихи «хороши, как проза»[170], то для критиков «Вестника» в стихах

---

[165] Цит. по: Обломиевский Д.Д. Французский романтизм. М.,1947, с.74.

[166] Вторая половина 1827 г.; ср. у Вольтера в ст. «Воображение» из «Философского словаря» (Вольтер Ж.М.А. Эстетика. М., 1974, с.285).

[167] Катенин П.А. Размышления и разборы. М., 1981, с.254.

[168] «Мысли», 1810.

[169] Русский Вестник, 1810, № 4, с.122.

[170] Вяземский П.Я., ПСС, т. УП, с.149. Здесь стоит, впрочем, учитывать, что Карамзин (вслед за Дюкло) говорил не только о необычной поэзии, но и о необычной прозе. У Карамзина, как и во французской литературе XV111 в.,

карамзинистов нет поэзии, они сухи, «прозаичны»: намекая на русскую литературную ситуацию, Каченовский уже в 1805 г., еще до ссоры с Дмитриевым, поместил в журнале заметку следующего содержания: «Когда Дюкло был секретарем Академии, в то время боялись хвалить Боало, потому что Дюкло не любил стихотворства и обыкновенно говаривал о хороших стихах: «они похожи на прозу», думая, что тем великую похвалу им приписывает. <...> Напротив того, новейшие критики полагают, что вне Боаловой школы нет спасения для поэзию»[171]. 20 февраля 1814 г. Жуковский писал Воейкову: «Очень любопытен знать суждения *братии* <члены Московского общества любителей российской словесности> о Певце <во стане русских воинов>. Отселе вижу <...> Мерзлякова <...> Каченовского <...> у этих господ муза моя не в кредите. Простота кажется им прозою»[172].

Позднее так будут оценивать поэзию Пушкина и поэтов его круга любомудры, Раич и Надеждин. См., например, у Надеждина: «И в отношении к наружной отделке его Полтава несравненно ниже всех прочих его произведений. Стихов прозаических и вялых такое множество...»[173] У Раича о седьмой главе «Евгения Онегина»: «многие стихи у него не стихи, но проза, заостренная рифмою»[174]. Тогда же Погодин писал о первых номерах «Литературной газеты»: «несколько порядочных еще только стихов, но прозаических»[175]

«Гладкость» и «легкость» поэтического языка, бывшие для карамзинистов достоинствами абсолютными, для «профессоров» были достоинствами относительными, не во всех жанрах уместными. «Самая гладкость и легкость суть качества относительные, а не существенные. Стихотворец так же может быть иногда и тяжелым, и шероховатым, как быстрым и легким, по собственному его

соотношение прозы и поэзии было, как известно, прямо противоположно традиционному: притом, что поэзия рассудочна или демонстративно «проста», проза лирична, изобилует тропами (см.: Алексеев М.П. Английская поэзия и русская литература - Английская поэзия в русских переводах. М., 1981, с.528-529; Лотман Ю.М. Поэзия Карамзина - Карамзин Н.М. Полное собрание стихотворений. М., Л., 1966, с.27).

[171] № 11, с.227-28.

[172] Русский Архив, 1900, кн. 3, № 9, с.26.

[173] «Полтава, поэма Александра Пушкина». – ВЕ, 1829, № 9, с.41.

[174] Галатея, 1830, № 14, с.133.

[175] Московский Вестник, № 6, с.130.

намерению, и это есть дело его искусства, а не погрешность»[176] «Холодная исправность, которая только что избегает недостатков, не есть изящность. Сия-то холодная исправность как отрицательное условие красоты составляет обыкновенный предмет низкой критики, которая начинает отысканием погрешностей. Красивость (élégance) <слово недвусмысленно отсылает к Карамзину. - *Г.З*> знаменовала высочайшую степень изящных искусств в Греции, красивость низвела их и во гроб. Красивое никогда не должно смешивать с прекрасным. <...> Сия погрешность сделалась любимою, особливо со времени владычества французского вкуса»[177] В своих рассуждениях «профессора» могли опираться на многие авторитеты - от Псевдолонгина до французских «древних» и Радищева. См., например, «Письмо о занятиях Французской академии» Фенелона: «Несмотря на некоторые небрежности, творения великих мастеров гораздо выше вылизанных картин посредственных художников. Бездарный критик не ценит возвышенного, оно не захватывает его, его куда больше занимает неуместное слово или неудачное выражение, он едва видит краску общего плана, господствующие повсюду порядок и силу. Ему бы лучше заниматься орфографией, вопросительными знаками и запятыми»[178]

В классицистической эстетике различались понятия «совершенного» и «высокого», источником «высокого» могут быть, как учил Буало, «темнота в представлениях» и «беспорядок» (развитие этих положений см., например, в работах В.М.Перевощикова[179] и Каченовского[180]). Если совершенное, безошибочное - плод труда таланта, то высокое - творение гения; талант ясен, исправен - и обыкновенен, гений иногда темен, не исправен - и оригинален: «Сравните творения великого гения и произведения таланта. Сей последний обладает искусством и дает образ, гений изобретает и дает существо, заслуга одного в тщательной разборчивости, другого - в

---

[176] Мерзляков А.Ф. О вернейшем способе разбирать и судить сочинения, особенно стихотворные, по их существенным достоинствам - ТОЛРС, ч. II, М., 1822; "Русские эстетические трактаты...", с.178.

[177] Георгиевский П.Е. Введение в эстетику (1813). – "Русские эстетические трактаты...», с.225.

[178] Спор о древних и новых. М., 1985, с.413.

[179] Опыт о средствах пленять воображение. - Опыты Василия Перевощикова. Дерпт, 1822 (см. также «Русские эстетические трактаты...»).

[180] О лирическом стихотворстве. – ВЕ, 1810, № 10.

вымыслах, один велик в подробностях, другой - в составе целого»[181] Знаменательно, насколько по-разному Карамзин и «профессора» оценивали «обыкновенное»: для «профессоров» «всё обыкновенное <...> незанимательно»[182], Карамзин же, по его собственным словам, стремится «находить в самых обыкновенных вещах пиитическую сторону»[183]. Эта особенность эстетики Карамзина была воспринята Пушкиным; см. в «Дубровском»: «Долго сидел он неподвижно на том же месте, взирая на тихое течение ручья, уносящего несколько поблеклых листьев и живо представляющего ему верное подобие жизни - подобие столь обыкновенное». Здесь «обыкновенное», по крайней мере, в каком-то смысле, оказывается тождественным «верному».

От совершенного отличается не только высокое, но и прелестное: «прелесть <...> привлекательна некоторою своею неправильностию»[184] В поэзии Дмитриева, слишком правильной, нет истинной прелести, но она есть в «простонародных» и «грубых» песнях Мерзлякова.

Забота о красивости, правильности сводилась, по мнению «профессоров», к мелочной отделке частей в ущерб целому[185] Мерзляков писал в 1817 г.. «Что за слава для поэта пленять меня

---

[181] Мерзляков А. О гении, об изучении поэта - ВЕ, 1812, № 21, 22; «Русские эстетические трактаты...», с.107.

[182] Перевощиков В. Опыт о средствах пленять воображение. - Русские эстетические трактаты..., с.276.

[183] Об этом см., например: Лотман Ю.М. Поэзия Карамзина. - Карамзин Н.М. Полное собрание стихотворений. М.; Л., 1966, с.28-33.

[184] Гевлич А.И. Об изящном. - Соревнователь просвещения и благотворения, 1810, №№ 7-8; см. также: Мерзляков А.Ф. Замечание об эстетике. – ВЕ, 1813, № 19, с.198-221.

[185] Противопоставление "плана" и "деталей" - в пользу деталей - принадлежит французской традиции и восходит к трактату Ж.-Б.Дюбо "Критические размышления о поэзии и живописи"· "Посредственный поэт в силу трудолюбия и прилежания может составить правильный план произведения и придать своим персонажам подобающее обличье, но лишь истинный гений способен оживить свои стихи беспрестанно меняющимися образами" (Дюбо Ж.-Б. Критические размышления о поэзии и живописи. М., 1976, с.168). Впоследствии этот тезис часто повторялся, например, Вольтером: "Отнимите это достоинство <слог> у божественной трагедии "Гофолия" - и от нее ничего не останется, отнимите это достоинство у четвертой книги "Энеиды" и у мольбы Приама к Ахиллу в поэме Гомера - и они станут бесцветными. Аббат Дюбо был глубоко прав: поэзия чарует только прекрасными деталями" (О хорошей французской трагедии. - Вольтер Ж.М. А. Эстетика. М., 1974, с.160; см. также с 73-74, 80, 91 и др.).

частно, не в целом творении, например, прекрасным слогом при дурном расположении?»[186] Здесь критика Мерзлякова направлена против современной ему литературной практики карамзинистов и младокарамзинистов[187]; так, о балладах Жуковского он пишет: «Бог знает что: ни вероятия в содержании, ни начала, ни конца, цели ни худой, ни доброй: веё достоинство в слоге. Слог хорош: но что останется у меня в голове или сердце?»[188]. См. также издевательское примечание Каченовского к пародии С.Т.Аксакова «Элегия в новом вкусе»: «Читавши в рукописи эту элегию, некоторые строгие критики, или, прямо скажем, зоилы, осмеливались утверждать, будто бы в ней не заключается никакого смысла. Пускай и так, зато какой слог! какой язык!»[189]

М.Н.Макаров в «Воспоминании о знакомстве моем с Дмитриевым» писал о литературной жизни 1801 г.. «партия против искусства писать правильно и приятно видимо возрастала, наездники из этой партии кричали: давай нам мысль, а не слог»[190] И.И.Дмитриев во «Взгляде на мою жизнь» (1825) воспроизвел может быть, с ироническим самоуничижением - мнение «профессоров» о его поэзии: «примечается, даже и самим мною, в стихах моих скудость в идеях, более живости, украшений, чем глубокомыслия и силы»[191]

Требование «мысли» в поэзии, столь усилившееся позднее, в 1820-е гг., могло означать различные вещи. В терминологии первой трети XIX в. слово «мысль» было, в частности, синонимом тропа или фигуры, вообще композиционного или стилистического приема. «Слог» или «язык» (что иногда значило одно и то же) в этом случае противопоставлялся «мыслям» как следование нормам языка, заранее заданным, внешним по отношению к тексту, и особенное, оригинальное построение именно этого текста. См. у Пушкина о Державине:

---

[186] О том, что называется действие драмы (басня, содержание) и об его главных свойствах. – ВЕ, 1817, № 10, 11, цит. по изд: «Русские эстетические трактаты...», с.132; см. также, например, его же статью «О вернейшем способе разбирать и судить произведения, особливо стихотворные, по их существенным достоинствам».

[187] По мнению З.М.Каменского, главный объект критики Мерзлякова здесь не современная Мерзлякову практика русского искусства, а кантианская эстетика («Русские эстетические трактаты...», с.61).

[188] Письмо из Сибири. - ТОЛРС, ч.XI, под заглавием «Нечто о гекзаметрах и балладах» напечатано также в ВЕ - 1818, № 20.

[189] ВЕ, 1821, № 9, с.15.

[190] Макаров М.Н. Воспоминание о знакомстве моем с Дмитриевым. - Галатея, 1839, ч.1, № 5, с.368.

[191] Дмитриев И.И. Сочинения. М., 1986, с.92.

«Он не имел понятия ни о слоге, ни о гармонии <...> Что ж в нем: мысли...» (1825), у А.А.Бестужева о В.Петрове[192]: «у него поэзия мыслей, а не стихов». Обвинение в отсутствии мыслей, таким образом, могло быть, во-первых, обвинением в неоригинальности построения, во-вторых, обвинением в сухости стиля: карамзинисты избегали повышенной метафоричности в поэзии.

Кроме того, обвинение в отсутствии мысли могло быть обвинением в нестройности плана, могло означать неприятие намеренной и демонстративной «бессвязности» современной поэзии - романтических «отрывков», байронической поэмы с ее «вершинной» композицией[193], пушкинской «Полтавы» с ее раздваивающимся сюжетом. Такое мы часто встречаем у Надеждина. См. в «Литературных опасениях за будущий год»: «Тленский: Я не спорю, что в поэтических произведениях наших времен ощутительно отсутствие связи, порядка и цели: но это-то, собственно, и составляет их высочайшее достоинство. Не такова ли точно природа в ее необъемлемой целости?.. Я: <...> И чем легче, чем свободнее душа наша проразумевает сие единство - единство мира, тем совершеннее произведение! Это-то называется на мистическом языке немецких эстетиков - идеализированием, или творением по идеалам!.. Идеал у них означает фантастическую целость идеи, воплощаемой художником в его творческом произведении <...> Льзя ли ожидать чего-нибудь дельного, связного и цельного от произведений, являющихся рапсодическими клочками, сшитыми кое-как на живую нитку и светящихся насквозь от множества - не то искусственных, не то естественных скважин и щелей, нисколько не затыкаемых бесчисленными тире и точками?»[194]. «Идея» здесь - синоним цельности.

Ю.Н.Тынянов описывал поэтику Пушкина, исходя из предположения, что мнение недовольных современников - «слог хорош, план дурен» - объективная констатация существенной особенности пушкинских поэм: «Обычный путь среднего писателя состоит в выправлении «недостатков механизма» и в честном выборе «пути наибольшего сопротивления», научиться тому, что не удается. В современной литературе это носит название «учебы». Эволюционный путь Пушкина не таков. Вместо того чтобы «увязывать» фабулу, он начинает строить эпос вне фабулы. Полный

---

[192] «Взгляд на старую и новую словесность в России» (1823).

[193] Обзор мнений критиков см.: Жирмунский В.М. Байрон и Пушкин. Л., 1978, с.342-57.

[194] ВЕ, 1828, № 24, с.52, 53.

отказ от conte, перерез пуповины с этой традицией влечет за собою отказ от сложной, развитой фабулы. В результате комбинированного жанра «Руслана и Людмилы» была нащупана эпическая пружина большой мощности»[195]

Фабула может показаться не только сбивчивой, но и слишком незначительной. Начав с осуждения карамзинистских «безделок», «Вестник» позднее в том же духе судил о поэмах Пушкина. О «Кавказском пленнике» М.А.Дмитриев писал: «Истинный литератор не решится издать в свет сочинения, из которого ничего больше не узнаете, кроме того, что некто был взят в плен; что какая-то молодая девушка влюбилась в пленника, которой не мог полюбить ее взаимно, утратив жизни сладострастье, и наконец что та же девушка освободила его и сама утопилась...»[196]. По наблюдению Каченовского, фабула пушкинских «Цыган» заимствована из очень несолидного источника - оперы Вебера «Прециоза»[197] «Граф Нулин» и «Домик в Коломне» - провокация для критиков, требовавших пользы, прежде всего для критиков «Вестника», и Надеждин немедленно на эту провокацию поддался.

И, наконец, обвинение в отсутствии «мысли» может означать, что критика раздражает идеологическая сторона произведения: рационалисту может быть чужд мистицизм Жуковского, для Надеждина, воспринявшего идеи немецкой философии, неприемлем байронизм с его бунтом личности, усомнившейся в гармоничности мира, и т.д.

Литературная жизнь первой трети XIX в. активно сопоставлялась современниками с легендарными спорами Ломоносова, Сумарокова и Тредьяковского; часто использовались их мифически определенные и однозначные репутации («гений» и «бездарности»). Ю.М.Лотман отмечал «постоянную апелляцию» «деятелей демократического лагеря» к творчеству Ломоносова[198] Ломоносов был одним из важнейших авторитетов и для «Вестника». По мнению Жуковского, главные особенности Каченовского-критика таковы: «цитует Ломоносова и судит с пренебрежением»[199] Иногда

---

[195] Тынянов Ю.Н. Пушкин. Тынянов Ю.Н. Пушкин и его современники. М., 1968, с.138.

[196] «Мысли и наблюдения», подп. «Юст Веридиков» - ВЕ, 1825, № 4, с.228.

[197] ВЕ, 1827, № 5, с.75-77.

[198] Лотман Ю.М. А.Ф.Мерзляков как поэт. Мерзляков А.Ф. Стихотворения. М.; Л.,1958, с.9.

[199] Письмо Воейкову от 20 февраля 1814 г. – Русский Архив, 1900, кн. 3, № 9, с.26.

Каченовский укорял современников-карамзинистов, авторов «безделок», примером великих предшественников, подвизавшихся в «высоких» жанрах: так, в критике на брошюру В.Л.Пушкина «О каруселях» Каченовский говорит о В.Петрове, развивавшем традиции од Ломоносова: «Не знаем или не хотим знать бессмертных стихов Петрова, чтобы дать простор модным своим басенькам и посланиям!»[200] Однако, насколько можно заметить, такие случаи единичны. Вслед за Ломоносовым Каченовский отстаивал права «цветущего», иррационального слога в высоких жанрах (такой слог хорошо описан в одной из статей Каченовского: «изображаются одни только тени без вещественных предметов»[201]), но пропаганды высоких жанров в ущерб жанрам средним и низким в «Вестнике», в сущности, нет. И недаром статья Каченовского о творчестве Ломоносова - это историко-литературная работа, посвященная отжившему жанру[202] В.М.Перевощиков позволяет себе даже критику Ломоносова: «большая часть его картин составлены без надлежащей чистоты и соответственности»[203]

Единомышленники и последователи Каченовского в своей критике «понятной» и «легкой» поэзии литераторов пушкинского круга, вспомнили, между прочим, о споре Ломоносова и Сумарокова. Как известно, «бездарный» Сумароков был противником ломоносовской «громкости» и «сопряжения далековатых идей», объявляя «достоинством поэтического слова <...> его «скупость», «краткость» и «точность»» (Тынянов). В «Галатее» Раича Сумарокова оценивали низко - как писателя для толпы и для своего времени: «Ломоносов и Сумароков писали в одно время, но современники Ломоносова не читали, потому что не понимали его, а может быть и потому, что не вникали в его творения; Сумарокова и старые и малые, и мужчины и дамы, и высший и низший класс - учили на память, потому что он был в свое время понятен, легок...»[204] Вероятно, в этом контексте следует воспринимать и известные выпады Пушкина против Ломоносова и его апологию Сумарокова: «Сумароков лучше знал русский язык, нежели Ломоносов, и его критики (в грамматическом отношении) основательны. Ломоносов не отвечал или отшучивался. Сумароков требовал уважения к стихотворству»[205].

---

[200] ВЕ, 1811, № 16, с.304.
[201] ВЕ, 1810, № 21, с.4.
[202] Рассуждение о похвальных словах Ломоносова. - ТОЛРС, ч. 3, кн. 5.
[203] М.В. Ломоносов. – ВЕ, 1822, № 18, с.102.
[204] 1830, № 10, с.198, б.п.(вероятнее всего редактор, С.Е.Раич).
[205] «Материалы к «Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям», 1827.

Между декларациями карамзинистов и свойствами их поэзии была значительная разница. Стихи того же Батюшкова (и Жуковского, и Вяземского) весьма часто нарушают «натуральную логику» - и это, видимо, не случайные ляпсусы, а существенное, хотя авторами, может быть, и не осознаваемое - по крайней мере, не признаваемое вслух - свойство поэтики[206]. На несовпадение теоретических высказываний Жуковского с его поэзией впервые обратил внимание, как известно, еще Шевырев, писавший в 1853 г.: «В те самые годы, как он открывал новую сферу для русской поэзии, - действуя как журналист, в критиках своих он обнаруживал основания теории французов и являлся учеником Лагарпа»[207]

Несмотря на фразы типа «хорошие стихи хороши, как проза», «новаторы» отдавали себе отчет в своеобразии поэтического мышления. Карамзин выбрал для перевода из Бутервека следующий отрывок: «Прекрасные мысли бывают не всегда пиитические; но всякая пиитическая мысль прекрасна, хотя мы и не можем разобрать ее философически, хотя и не можем показать всего, что составляет ее изящность!»[208] Жуковский в 1810 г. с сочувствием перевел слова Делиля: «Пусть он <прозаик> будет вернее стихотворца в выражении некоторых мыслей и в точном соблюдении порядка - и стихотворец уступает ему сии маловажные преимущества и сию мнимую верность, которая не может заменить истинной: ибо смелость, быстрота, гармония и фигуры составляют существенную принадлежность поэзию»[209] Батюшков может употреблять слово «прозаический», осуждая чьи-то стихи: см. в его письме к Гнедичу от августа 1811 г.. «Я нашел много излишней простоты, стихи твои слишком похожи на перевод, на прозу». В письмах, в высказываниях, не предназначенных для публики, карамзинисты могли критиковать друг друга за нзлишнюю «правильность»; Вяземский писал Александру Тургеневу о Жуковском: «Этот Жуковский - злодей; он как медведь: чтобы муху согнать со стиха, стих наповал убьет»[210].

В начале XIX в. литературные принципы редко формулировались внятно. Л.Я.Гинзбург писала об этом времени: «Использование материала критических высказываний с методологической точки

---

[206] См. наблюдения Г.А.Гуковского над поэзией Батюшкова и Жуковского: Гуковский Г.А. Пушкин и русские романтики. М.,1965.
[207] Москвитянин, 1853, т. 1, № 2, отд. 1, с.III.
[208] «Аполлон. Изъяенение древней аллегории" , 1791.
[209] «О переводах вообще и в особенности о переводах стихов».
[210] 20 ноября 1818 г. – Остафьевский архив, т.1, с.132.

зрения нуждается в сложном окружении. Поскольку мы имеем дело не с наукой, или хотя бы с наукообразной терминологией, постольку отдельное суждение ни в коем случае не может быть принято за основание к уразумению подлинной литературной позиции автора; оно всегда требует расшифровки, исторического комментария, который один может вскрыть его условный смысл. Отдельное высказывание прежде всего не должно приниматься на «веру» и пониматься буквально. Деятели очень близкие в своей писательской практике сплошь и рядом расходятся во взглядах. Представители враждующих течений часто говорят одним языком. Веселовский указал на существование, в фольклоре, особых оценочных эпитетов: «голубой», «золотой», «белый» и проч., которые применяются к самым неподходящим предметам. Все дело в том, что конкретный смысл слова стирается, а остается эмоционально-оценочная значимость. Нечто подобное может происходить и в критике; и когда, например, Шишков приводит карамзинскую прозу в качестве примера темноты и высокопарности, а отрывки из Ломоносова в качестве образцов «естественности, простоты» и «подобий обыкновенных и всякому вразумительных» («Рассуждение», с. 58), делается это в силу эмоциональной инерции; в силу оценочной значимости (положительной или отрицательной) этих определений»[211].

В том, что враждебно настроенные критики осознавали как закономерное, авторы и их поклонники подчас предпочитали видеть случайное. Так, Сомов в 1821 г., защищая «Руслана и Людмилу», и не пытался оправдывать оксюмороны, метафорические эпитеты и олицетворения, осуждаемые Воейковым; для Сомова, как и для Воейкова, все это были «ошибки»; подобные ошибки Сомов выискивал в стихах самого Воейкова[212]

Еще в 1832 г. Кюхельбекер, защищая Катенина от критики карамзинистов, не осознает принципиальности «небрежностей» Катенина, извиняет их как случайности, мерит баллады Жуковского и Катенина одной мерой: «Есть, конечно, в ней <«Наташе» Катенина> небольшие небрежности, но за каждую небрежность в «Наташе» готов я указать на такую или даже большую в хваленых наших балладах, не исключая и «Светланы»[213] Отсюда - частые упреки в

---

[211] Гинзбург Л. Вяземский-литератор. Русская проза Л., 1926, с.115-116.
[212] Письмо к Редакцию Вестника Европы.- ВЕ, 1821, № 4.
[213] Дневниковая запись от 7 ноября 1832 г. – Кюхельбекер В.К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979, с.255.

непринципиальности критики, якобы выискивающей ляпсусы в маранье эпигонов[214]

Одно из самых распространенных взаимных обвинений - обвинение в неумении видеть за отдельными словами движение речи, целостный текст. См., например, излюбленную характеристику сочинений «беседчиков» у карамзинистов: «без мыслей куча слов» (Батюшков). Авторы «Вестника», как описано выше, упрекали карамзинистов в чрезмерной заботе о правильности языка, а карамзинисты возвращали упреки: «профессора» «Вестника» - «уставщики кавык и строчных препинаний», способные лишь к мелочной «стилистической критике». (Ситуация отчасти объясняется тем, что в своих разборах критики «Вестника» позволяли себе публично указывать на конкретные логические и грамматические ошибки, что, в соответствии с обычаями эпохи, было оскорбительно для автора.) См., например, письмо Вяземского Воейкову: «...жаль, что иногда грешите Вы против грамматики, прибавил бы Каченовский, обтирая табак, который готов был черным пеплом капнуть на губу... и против синтаксиса! воскликнул бы Шишков, подклеивая крахмалом разодравшуюся в часовнике ижицу...»[215]

В 1820-е гг. - в этом сказалось влияние зарождавшейся философской критики - проповеданные ранее «Вестником» представления о преимущественной важности целого всё в большей степени начинают определять общий тон литературной критики. Между тем взаимные обвинения в эстетической безграмотности не прекращаются, Так, противники новой романтической школы утверждают, что всё её новаторство ограничивается новомодным словарем; романтики, разумеется, отвечали на это, что «классики» просто не могут разглядеть за словами сущности. См., например, у Вяземского: «Противники поэзии романтической у нас устремляют в особенности удары свои на поражение некоторых слов, будто модных, будто новых»[216]. Показательным представляется следующий елучай: в 1825 г. Грибоедов, не читав статьи М.А.Дмитриева о «Горе от ума»[217], так судил об их содержании в письме к В.Ф.Одоевскому: «Виноват, хотя

---

[214] См. замечания Жуковского на полях «Рассуждения...» Шишкова Канунова Ф.З., Янушкевич А.С.Жуковский читатель и критик Шишкова. - Русская Литература, 1975, № 4.

[215] 18 ноября 1816 г. - РГАЛИ, ф.195, оп.1, № 1602, л. 8об.

[216] О «Кавказском пленнике», повести. Соч. А.Пушкина, 1823. – Цит. по изд.. Вяземский П.А. Эстетика и литературная критика. М.,1984, с.43; см. также с.48, 129 и др.

[217] ВЕ, 1825, № 6.

ты за меня подвизаешься, а мне за тебя досадно. Охота же так ревностно препираться о нескольких стихах, о их гладкости, жесткости, плоскости; между тем тебе отвечать будут и самого вынудят за брань отвечать бранью. Борьба ребяческая, школьная. Какое торжество для тех, которые от души желают, чтобы отечество наше оставалось в вечном ребячестве!»[218] Между тем Дмитриев писал о сюжете и характерах.

Противопоставление «слов» и «мыслей» могло быть снято в понятии слога. См., например, у Батюшкова: «Слог есть расположение и действие, в которое мы приводим свои мысли <...> План <...> не есть еще слог, но есть его основа»[219]. Ср. эпитеты при слове «слог»: «Главные достоинства стихотворного слога суть: движение, сила, ясность»[220]. Пушкин писал о Жуковском: «Никто не имел и не будет иметь слога, равного в могуществе и разнообразии слогу его»[221]. О том же писал и В.М.Перевощиков, чья литературная позиция в целом была весьма далека от позиции Батюшкова: «Ломоносов смешал слог и слововыражение, два предмета совершенно различные. Сие смешение остается доныне в нашей словесности. Слог составляют количество и качество мыслей <т.е. образов? - *Г.З.*> и расположение оных; слововыражение состоит токмо в словах, есть, так сказать, одежда слога»[222].

Итак, последовательный «лингвоцентрист» практически не существовал в реальности. Это - конструируемый образ врага.

---

[218] 10 июня 1825 г.

[219] «Об искусстве писать», 1802-1807 гг.

[220] Батюшков, «Речь о влиянии легкой поэзии на язык», 1816.

[221] Письмо Вяземскому и Л.С.Пушкину от 25 мая 1825 г.

[222] Перевощиков В.М. М.В.Ломоносов. – ВЕ, 1822, № 17, с.19; имеется в виду работа Ломоносова «О пользе книг церковных в российском языке».

ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕФОРМА КАК НАУЧНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Составляя оппозицию карамзинизму с его «подражательностью», «рутиной» и «прозаичностью», ориентированному (в изводе Дмитриева и Воейкова) на французскую словесность, «педанты» обращались к опыту культур, древних и/или экзотичных для современного европейца, а также к фольклору; во второй половине 1810-х гг. в аналогичной функции для «Вестника» выступает немецкая литература. Здесь видели возможное средство обновления русской литературы. Как известно, попытки реформ в поэзии часто сопровождаются обращением к переводам - к чужой культуре как к свежему материалу.

В 1815 г в «Вестнике» печатается перевод статьи французского ориенталиста Журдена «О языке персидском и словесности», где прямо говорится о значении инокультурного материала для современной европейской словесности: «Почему бы нам не искать в словесности еще юной, еще незрелой некоторых новых мыслей, некоторых оборотов в выражениях, которые заслуживали бы быть принятыми? Мы живем в такое время, когда творения древности уже рассмотрены, переведены и когда мы пресыщены разнообразными подражаниями оным»[223].

Это мнение редакция «Вестника», кажется, разделяла почти полностью, но в том, что касается судьбы античной традиции в современной европейской литературе, русские «педанты» были вполне согласны с романтической критикой «ложноклассицизма». Уже Радищев жалел, что Гомера переводят александрийским стихом. В «Вестнике» античная культура может противопоставляться французской. Так, неодобрительно отзываются об авторитетном Лагарпе: «Лагарпов «Курс литературы», впрочем достойный особенного уважения, есть памятник упадка французской учености. В нем вообще о греческой литературе менее сказано, нежели об одном из французских писателей особенно»[224]

Эквиметрические переводы античных логаэдов, выполненные в 1800-х-1820-х гг., имели целью не только точно воспроизвести на русском языке памятники ушедшей эпохи: по всей вероятности, было и стремление освободиться от надоевших, превращающихся в штампы ритмико-синтаксических конструкций. Одним из первых

---

[223] № 8, с.38.
[224] 1806, № 9, с.57.

здесь был Востоков, и его новаторство не сразу оценили даже близкие к нему по взглядам литераторы: так, Каченовский в рецензии на «Опыты лирические и другие мелкие сочинения в стихах» подробнее остального разбирал вполне обычную оду[225] Публикация эквиметрических переводов в «Вестнике» открывается переводом оды Горация «К Гросфу на спасение»[226] И.М.Муравьева-Апостола.

Дело здесь было не только в том, чтобы добиться эффекта новизны самой по себе; осознаются различия типов мышления, отразишиеся в отличиях, в частности, «северных» языков от «восточных». «Восточные» языки, как считали еще французы ХУ111 в., представляли принципиально иные возможности, чем языки «северные», и прежде всего оказывались более «поэтичными».

Обсуждается, как соотносится со стилем словесности восточной в собственном смысле слова стиль классической древнегреческой традиции. Уже французские «новые» видели черты восточной пышности в стиле Гомера (за что, собственно, он им и не нравился). См., например, у Перро в «Параллели между древними и новыми в отношении поэзию»: «Вкус греков времен Гомера весьма отличался от нашего. <...> язык восточных народов полон фигур, уподоблений, метафор, парабол, сравнений <...> они почти никогда не изъясняются просто и <...> высказанным они дают понять также и невысказанное. Их пылкий дух не может довольствоваться речью, имеющей только один смысл, - этого мало для того, чтобы занять их живой ум и удовлетворить их жадное внимание. Они хотят видеть одновременно несколько живых образов. У нас совсем другой склад ума. Французы не хотят или не могут понимать более одной мысли сразу, и при этом она еще должна быть ясно и точно выражена; все изшппнее их коробит ияи стесняет»[227] Ср. у Вольтера, во многом воспринявшего эстетические взгляды «новых»: «Меня укрепляет во мнении, что Гомер происходил из греческой колонии, расположенной в Смнрне, изобилие метафор и описаний в восточном стиле»[228]

У авторов круга «Вестника» находим и более традиционное противопоставление якобы «строгих» греков и восточной «безвкусицы». Мерзляков писал: «В красноречии и поэзии азиаты любили роскошь излишества, роскошь украшений и все блестящее, даже напыщенное, между тем как греки удивлялись только скромным и простым

---

[225] 1806, № 1.
[226] 1809, № 20.
[227] Цит. по: Спор о древних и новых. М., 1985, с.163.
[228] Об «Илиаде». Вольтер Ж.М.А. Эстетика, М., 1974, с.230.

красотам и презирали азиатское надменное тщеславие»[229] По мнению Мерзлякова, «восточный слог» «не зависит ни от климатов, ни от стран света, но есть обыкновенный признак недавности языка и общежития тех народов, которыми употребляется»[230] См. также, например, характерный отзыв о скальдах, видимо, принадлежащий самому редактору: «Чего ждать от стихотворства, наполненного нелепыми гиперболами?»[231] Видимо, не случайно, что подобного рода суждения появляются в «Вестнике» практически в то же время, когда в журнале высмеивается усложненный стиль шишковцев; суждения Каченовского о явлениях иностранной словесности практически всегда явно аллюзионны.

Однако в 1810-х гг. в «Вестнике» печатаются переводы, выполненные первым русским востоковедом Алексеем Васильевичем Болдыревым[232] Переводы художественных текстов сопровождаются переводами научных работ[233]

В 1817-1818 гг. также регулярно печатаются материалы, посвященные древнееврейской словесности, которая в европейской традиции всегда рассматривалась именно как «восточная» – наряду с арабской[234]

Можно предположить, что публикация этих переводов

---

[229] «О вкусе и его изменениях", 1818, цит. по: «Русские эстетические трактаты...», с.105.

[230] О начале и успехах слова. - ВЕ, 1807, № 1, с.55.

[231] 1811, № 13, с.71, раздел «Разные известия и замечания».

[232] Повесть «Мечжнун и Леила (с персидского)», «Нравоучительные изречения (с арабского)» (1811, № 16), «Могаммедово путешествие на небо» (1815, №№ 5-6); см. также «Сатиру Фердусиеву на Махмута» (1815, № 10, переводчик не указан).

[233] См., например, отрывок из книги С.де Сисмонди «De la litterature du midi de l'Europe» «О литтературе арабов», ВЕ, 1818, № 23, подп. «М.» <Каченовский>.

[234] См.. Бобрищев-Пушкин Н., «О еврейской поэзии» (1817, № 1), «Анекдот из Талмуда (из Маймонидова сокращенного Талмуда Гилкот-Тефила, глава 1,2)» (1817, № 7), «Первые две главы из еврейских преданий, называемых Масехт-Авос» (подп. «М.. М.г.з.н.ръ», 1817, № 9), «Анекдот из Талмуда» (та же подпись с пометой – «С берегов Буга», 1817, №№ 23-24), «Нравоучительная повесть из Талмуда» (та же подпись с пометой – «Киев», 1818, № 4), «Об обязанностях израелита к государству и отечеству» (перевод с еврейского, та же подпись, 1818, № 7). Еврейские энциклопедии сообщают только о Марке Яковлевиче Магазинере (? – 1858), во время Отечественной войны участвовавшем в сражениях при Бородине, за Лейпциг и Париж; в 1830-1850-х гг. он публиковал брошюры по гигиене.

преследовала не только научно-просветительские цели: о восточной культуре судят и с чисто критических, а не только научных позиций, исходя из потребностей современной литературы. Так, в уже цитированном «Разговоре...» Ф.С.Стопановского о «восточных языках» упоминается в контексте полемики с карамзинистами: «Сии бедняки отдают преимущество северным языкам перед восточными»[235]. У Журдена читаем: «И должно ли удивляться, если в сих неправильных произведениях древней Поэзии встречаем красоты разительные, кои могут всякого привести в исступление? Какая разница между древними и новыми писателями! В наши времена пишут принужденно <...> Язык персидский, по всей справедливости, может быть назван йталиянским Азии <...> Стихотворство персидское впадает в напыщенность и многословие прелестное, как язык Петрарки, Тасса, Метастазия» (ср. интерес к итальянской поэзии в то же время у Батюшкова, позже у Шевырева).

В аналогичной роли для «Вестника» выступает фольклор. Фольклорные стилизации Мерзлякова воспринимаются как программные, определяющие для эстетики журнала. Показательно суждение И.И.Дмитриева – соперника Мезлякова и недоброжелателя Каченовского; в середине 1800-х гг. он писал А.И.Тургеневу о песнях Мерзлякова как о чем-то, во-первых, совершенно особенном (хотя для Дмитриева именно потому и неприемлемом) и, во-вторых, как о чем-то уместном именно в «Вестнике»: «Милостивый государь мой Александр Иванович. Вы дивитесь, что господин магистр Каченовский переменил ко мне свое высокоблаговоление. Чему дивиться? Он узнал меня короче, узнал более мои недостатки и уверился, наконец, что в русской литературе два только светила: он со стороны вкуса, а Мерзляков в поэзии. Но тонкий вкус его не уважает даже и в Мерзлякове лирического таланта <т.е.таланта одописца>, а восхищается от его элегических выражений: «горемышно, ретиво сердце», «кто размыкает мою тоску», «горючи слезы глаза выплакали», «преточили стену каменну», и проч.»[236]

В то же время, как известно, обращение к фольклору в творчестве младокарамзинистов неизменно вызывало резкую критику «Вестника». Знаменательно, что эта критика исходила от литераторов, которые сами работали с фольклором – и работали много; автор критики на «Руслана и Людмилу» со знаменитой фразой о «мужике в Благородном собрании» – фольклорист Глаголев, о «сказках старых

---

[235] 1812, № 12, с 181.

[236] От 18 мая 1806, цит. по изд.: Дмитриев И.И. Сочинения. М., 1986, с.383-384.

баб» в балладах Жуковского с негодованием писал Мерзляков. Этих людей трудно обвинить в презрении к народной культуре.

Видимый парадокс объясняется, кажется, двумя причинами.

Во-первых, «Руслан и Людмила» неслучайно подверглась нападкам именно фольклориста – тогда как Кюхельбекер, например, вполне всерьез воспринял поэму как самое «народное» произведение Пушкина, фольклорист ясно видел условность фольклора у Пушкина, фольклора, использованного в целях «легкой поэзии»; эту условность Глаголев и определил - довольно неуклюже – как неуместность «мужика в Благородном собрании»[237].

Во-вторых, для просветителей всегда существовали как бы два вида фольклора, несводимых в одно искусство: фольклор лирических песен и фольклор «сказок». К народному лиризму просветители могли относиться восторженно или по крайней мере снисходительно; сюжеты «сказок», напротив, представлялись проявлением варварства - и только. Позиция Мерзлякова автора «народных» песен, считавшего баллады Жуковского бессмысленным предательством достижений цивилизации, типологически подобна, например, позиции Белинского, хвалившего Кольцова и бранившего сказки Пушкина.

---

[237] См. об этом: Кошелев В.А. Первая книга Пушкина. Томск, 1997, с.132.

ОБ «АНТИРОМАНТИЧЕСКОЙ» РЕПУТАЦИИ «ВЕСТНИКА ЕВРОПЫ»: ЛИТЕРАТУРНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ КАК ПРОБЛЕМА.

К непопулярному в современной науке понятию литературного направления приходится обратиться прежде всего для того, чтобы разобраться в сущности репутации «Вестника» как антиромантического издания (конец 1810-х - 1820-е гг.). Сразу сталкиваешься с неоднородностью материала: существует очевидное противоречие между тем, как в «Вестнике» оценивали, с одной стороны, западноевропейскую романтическую литературу и, с другой стороны, романтизм «домашний».

Репутацию антиромантического издания «Вестник» получил из-за выступлений против «новой школы словесности». Противники Каченовского, следуя обычной логике борьбы, приписывали ему последовательно антиромантические принципы. Впоследствии такая характеристика «Вестника» становится общим местом.

Однако с резкой критикой «новой школы словесности» в «Вестнике» начала 1820-х гг. соседствуют прозаические (выполненные Каченовским) переводы Байрона, благожелательные отзывы о нем[238] и о Мицкевиче.

То, как «Вестник» воспринимал определяющие его эпоху романтические веяния - и насколько авторы «Вестника» были готовы к такому восприятию - можно показать на частном примере истории суждений о немецкой преромантической драматургии.

В начале 1810-х гг. современная немецкая «слезная драма» систематически преследуется в рецензиях Д.В.Дашкова, теоретических статьях Мерзлякова[239], в неподписанных заметках, принадлежавших, возможно, самому редактору. Основной объект нападок - А.Коцебу, реже - Шиллер, Вейсс, Эленшлегер. Осуждается присутствие в пьесах «ненужных лиц и ненужных сцен»[240], нарочитые

---

[238] См., например, переведенную с немецкого (источник нам неизвестен) статью «Мнения Француза о лорде Бейроне» – ВЕ, 1821, № 22.

[239] См., например, «Об изящном, или о выборе в подражании» - 1813, № 3.

[240] 1810, № 20, с.214. Именно «ненужные лица» и «ненужные сцены» - т.е. такие, присутствие которых не было очевидно, т.е. традиционно мотивировано логикой развития действия, часто признавались самой заметной особенностью постклассицистической драмы. См., например, в «Парадоксах» А.И.Писарева: «Главное различие между романтическою и классическою драмою не в

диссонансы - соединение трогательного и комического[241], гиперболизм, неправдоподобность характеров и положений (см., например, отзыв Каченовского о «Коварстве и любви»: «Как можно представить себе в уме, чтобы человек, любимый государем, живущий в большом свете, имеющий свои связи, сказал о себе вслух, что он бездельник и злодей?»[242]).

Однако постепенно ситуация изменяется. Именно в «Вестнике» впервые в России появляется сообщение о книге Ж. де Сталь «О Германии», а вскоре и выдержки из этой книги[243]. В 1818 г публикуется любопытная статья «Маленький спор»[244], где рупор идей автора, Н., доказывает невежде Ф., незнакомому с немецкой литературой, ее превосходство над литературой французской: «Расин заимствовал содержание своих трагедий от древних, Шиллер изобретал сам.<...> не все трагедии Расиновы стоят Федры, - между тем как Шиллер во всех своих пиесах одинаков: тот же пламень чувства, та же завязка в действии, те же поразительные сцены, то же быстрое течение слога!»[245] Как видим, в этих оценках проявляется типично романтическая позиция: выше любых конкретных достижений ценится цельность личности, неизменно равной самой себе («Шиллер во всех своих пиесах одинаков» - это подается у Стопановского как похвала). Если справедливо наше предположение,

---

соблюдении или нарушении единства места и времени, но в лицах второстепенных. Классическая драма совершенно подчиняет их главному лицу: зритель не может вообразить их самобытной жизни. Романтическая драма, напротив, подчиняя второстепенные лица не главному лицу, но общему ходу пьесы, не отнимает у них самобытности» (Московский Вестник, 1827, № 6; атрибутировалось В.Ф.Одоевскому и вошло в издание его статей «О литературе и искусстве» (М., 1982); переатрибутируется нами на основании письма Писарева Погодину (РО РГБ, Пог/2, карт.46, № 45). Такое восприятие нового принципа организации как хаотического нагромождения случайных деталей регулярно повторяется в истории восприятия искусства, и по преимуществу в истории драматургии: см. совершенно аналогичный случай с театром Чехова.

[241] 1811, № 15.

[242] 1810, № 21, с.75-76.

[243] Впоследствии переводы из де Сталь печатаются в «Вестнике» достаточно часто. См., например: «Последние дни Иоанны Грей. Из соч. г-жи Сталь», пер. «М.» (обычный криптоним Каченовского) – ВЕ, 1818, № 8; «Возвращение г-жи Сталь в Париж после ее изгнания (Из ее книги «Размышления об основных событиях Французской Революции») – 1818, № 18.

[244] № 7, подп. «С...кий».

[245] С.224, 225.

что статья принадлежит упоминавшемуся выше Ф.С.Стопановскому, то обнаруживается выразительная логика эволюции: от критики рационализма и «прозаичности» карамзинистов к защите романтической драмы.

Сейчас понятие направления часто признается непригодным для описания литературной реальности[246]. Но возникают сомнения в методологической обязательности выбора между направлением и, допустим, жанром (или какой-то другой единицей измерения, более «конкретной», чем «направление»). Это просто разные объекты изучения, еще не предполагающие сами по себе способа изучения. Направление не ограничено пределами словесного творчества и даже эстетическим в собственном смысле слова, включая в себя идеологические элементы в неопосредованном виде: см. определение «веяния» у Ап.Григорьева. И понятно, что уровень «направления» оказывается гораздо теснее, чем уровень жанра, связан с межкультурным общением: жанр более эндемичен, в большей степени «непереводим», чем, скажем, эстетические аспекты системы трансцендентального идеализма. Проблема литературных направлений в России - это прежде всего проблема рецепции западноевропейской культуры. В 1820-х-30-х гг в России чувствовали «переводной» характер направления, то, что романтизм с некоторым напряжением соизмеряется с русской литературой - отчего сам процесс соизмерения, однако, не исчезает. В случае с «Вестником» «рецептивный» характер литературного направления проявился наглядно.

---

[246] Понятие направления может заменяться, например, понятием жанра. Заметим кстати, что попытки представить различие между большими стилями как различия между жанрами предпринимались и в европейской эстетике изучаемой эпохи: вспоминается прежде всего набросок Пушкина «О поэзии классической и романтической» (1825); возможно, здесь Пушкин повторил чужое мнение: такие взгляды высказывались, например, в статье Э.Дешана, опубликованной в 1823 г. в журнале «Французская муза». О статье Дешана см.: Обломиевский Д.Д., Французский романтизм. М., 1947, с.82.

«ВЕСТНИК ЕВРОПЫ» И НАЦИОНАЛИЗМ

Как известно, романтики первыми обратили внимание на национальное своеобразие народов - своеобразие, которое просветители не замечали или видели в нем только зло. Развитие национального самосознания часто переходило в национализм (не чуждый в России не только членам «Беседы» или С.Глинке, но и декабристам). Шишков в своем национализме - человек романтической эпохи (так же, как и в своих симпатиях к преромантической поэзии Боброва и Ширинского-Шихматова[247]). Этот национализм был вполне чужд Каченовскому - человеку космополитической эпохи Просвещения.

Об историческом пути России с Шишковым яростнее всего, как известно, спорили карамзинисты. У них – по описанным выше причинам – не было своего печатного органа. Поэтому декларировать свою приверженность европейской культуре карамзинистам приходилось по преимуществу устно, в письмах и т.п. Таким образом, журнал Каченовского был практически единственным местом, где русский национализм критиковался публично, печатно. И к тому же ато, кажется, был первый в русской культуре случай публичной критики национализма.

О неприятии «архаизаторства» Каченовский заявил уже в программном «Письме к Издателю», открывавшем первый номер «Вестника», вышедший под его редакцией: «Упрямство непростительное - писать в век Августов слогом Энния и Пакувия»[248] В статье «О книжной цензуре в России» Каченовский писал, явно имея в виду некоторых соотечественников: «Нынешние законодатели французского Парнаса (аббат Жофроа, издатели Французского Меркурия и проч.), устрашенные плачевными следствиями легкомыслия своих соотечественников, принимают крайние меры, совершенно противоположные первым, то есть, выдравшись из одной пропасти, низвергаются в другую; они теперь выхваляют блаженное состояние невежества и скорыми шагами обратно отступают к четырнадцатому веку»[249]

Однако Каченовский во всем - не только в литературных вопросах - стремился занять промежуточную позицию между карамзинистами и Шишковым, и поэтому его журналу приходилось

---

[247] Лотман Ю.М. Архаисты-просветители. - Лотман Ю.М. Избранные статьи. Таллинн. 1993, т.3.
[248] 1805, № 1, с.7.
[249] 1805, № 3, с.201.

осуждать обе крайности: и «патриотизм, обратившийся в нетерпимость», и «бесхарактерный космополитизм»[250]. Подчеркивая свой объективизм, Каченовский в соседствующих номерах помещает материалы противоположной направленности. Так, в № 3 за 1816 г. опубликованы извлечения из книги «Изображение нынешних нравов и нынешнего воспитания» (М., 1816), где читаем: «Какая нужда, что китайцы по презрению к другим народам отстали от них в науках, но они существуют четыре тысячи лет! - Может быть, пройдет и ещё не одна тысяча, и китайцы всё будут существовать, тогда как имя некоторых народов останется в одной только истории!»[251] (ср. изречение Чацкого о китайском «премудром незнанье иноземцев»). А в № 9 было опубликовано «Сравнение эпох гражданского бытия народов с четырьмя возрастами человека» - отрывок из «Harmonies de la Nature» Бернардена Сен-Пьера; здесь о китаизме говорится как о бессильной старости.

Положение Каченовского осложнялось тем, что он был журналистом, следовательно, зависящим от общего мнения и иногда вынужденным ему подчиниться. Во времена наиболее напряженного противостояния России и Франции Каченовский публиковал материалы, в целом выдержанные в духе русской сатиры XVIII в. (о пагубности моды и проч.[252]) и воспринимаемые карамзинистами как проявление ксенофобии. Так, в 1807 г., после заключения оскорбительного для России Тильзитского мира, в обществе усиливаются антифранцузские настроения[253]; «Вестник» публикует «Мысли о России»[254], автор которых рассуждает о патриархальных доброде-

---

[250] Как сказано в ст. Ф.Стопановского «Разговор о том, что преимущественно заниматься должно языком отечественным» - ВЕ, 1812, № 3, с.174, 175.

[251] С.231-232.

[252] См., например, памфлет «О пансионе для модного воспитания девиц", подп. «Charles Vagabond, si-devant sans-culotte. Antoinette Vagabonde, sa femme. - 1807, № 22; «Приветствие великой нации от ее истинного почитателя» – 1815, № 9, подп. Галломанов.

[253] Киселева Л.Н. Идея национальной самобытности в русской литературе между Тильзитом и Отечественной войной (1807-1812). Канд. дисс.Тарту, 1982.

[254] №№ 1 и 2. Статья не подписана, оригинал – на французском языке. В редакционной преамбуле к публикации сообщается, что текст принадлежит ныне покойному автору, что "это писано перед сим лет за пятнадцать" "в чужих краях" - в Австрии, где автор пребывал по долгу службы. В самом тексте автор называет "своим наставником" "нынешнего архиепископа Рижского и Псковского Иннокентия" Позволим себе привести фрагмент текста: "До Петра I, а особливо при жизни родителя его, российский народ

телях, свойственных русским допетровского времени, и «Письмо города N.N. в столицу», подписанное «Лука Говоров»[255], которое до сих пор оценивается только как выступление в поддержку Шишкова. Так, в начале 1811 г. Батюшков писал Гнедичу: «Каченовский ныне ударился в славянщину: - не любит галломанов и меня считает за галла (???!!!!!!), меня!»[256].

Во время Отечественной войны позиция «Вестника» была трафаретно антифранцузской и в этом не отличалась от позиции других изданий. Либерально настроенные младокарамзинисты видели в этом попытку добиться дешевой популярности. Так, Вяземский писал Дашкову по поводу «Писем из Москвы в Нижний Новгород» И.М.Муравьева-Апостола, публиковавшихся в 1813-15 гг. в «Сыне Отечества»: «Надобно зажать бы рот всем этим постыдным крикунам, воюющим с пером в руках против французов, тогда как другие с мечом в руках жертвуют за них жизнию <...> Как жаль, что теперь нет ни одного журнала, где бы нам честным людям можно было высказывать свои мысли»[257]

Однако каково бы ни было соотношение общекультурных позиций Шишкова и Каченовского, между ними всегда было очень существенное и непреодолимое различие: один был идеологом, подчинявшим науку идеологии, другой - ученым, сопротивлявшимся такому подчинению. Разделяя мысли Шишкова о вреде бессознательного подражания, автор статьи в то же время оспаривает его лингвистические концепции[258] - в том числе и в пресловутом «Письме города N.N.

был единообразен в своих обычаях, тверд в правилах, благоразумен, прозорлив и осмотрителен в своих действиях, наслаждения русских состояли в простых произведениях здравого смысла. Незнакомы были им исступления и мечты распаленного воображения, равно как и его очарования" (№ 1, с.6).

[255] № 2. Высказывалось предположение, что автор этой статьи - сам Каченовский; нам это кажется вероятным. Каченовский намеренно придал персонажу черты своего собственного литературного образа («педант», цитирующий - и нередко в подлиннике Аристотеля и Цицерона) и даже некоторые свои анкетные данные («асессор» - наблюдение К.Ю.Рогова).

[256] Февраль-март. Цит. по изд.: Батюшков К.Н. Собр. соч.: В 2 тт. М., 1989, т.2, с.156.

[257] РО РНБ, ф. 167, № 24, л. 6.

[258] Так относился к Шишкову не один Каченовский; ср., например, позднейший отзыв М.А Дмитриева: «Ныне пишут о Шишкове, как об учредителе школы, *противодействовавшей* Карамзину, как будто Шишков имел в нашей литературе какую-нибудь силу и произвел на нее какое-нибудь влияние! Ничего этого не было! <...> вмесго дельного возражения укорял своих противников, что сроду не бывали ни у заутрени, ни у обедни <...> Но со

в столицу». Церковнославянский язык вовсе не так самобытен, как думает Шишков: «Вопреки мнению г-на сочинителя о слоге <...> славенский язык точно образован по свойству языка греческого <...> переводчики не мысли, но слова переводили»[259]. В этом, однако, нет ничего позорного, языковые заимствования неизбежны: «Асессор крепко на том стоит, что *развиваются способности, распускаются дарования* употреблять он не перестанет <...> приличные метафоры украшают слово <...> Кого винить, что все народы изъясняют мысли свои словами заимствованными, когда нет собственных!»[260] Каченовский утверждает, что в речевой практике должно руководствоваться критерием узуса, употребления, и ссылается при этом на авторитеты Горация и Ломоносова. «Письмо...» кончается цитатой из "Ars poetica" Горация: "Mortaha facta peribunt.../Nedum fermonum stet honos et gratia vivax;/ Multa renascentur, quae, jam cecidere, cadentque/ Quae nunc sunt in honore vocabula, si volet usus,/ Quem penes arbitrium est et jus et norma loquendi"[261].

В 1810 г., в разгромной рецензии на стихи С.А.Шихматова – любимца Шишкова, Каченовский писал: «Доживем ли до того времени, когда ни одного иностранного слова не останется в русском языке! Какое для нас будет торжество, когда, управившись с *горизонтом,* наконец вытесним из русских словарей *шапку, колпак, кровать, чубук, видеть* (videre, videt), *есть (едим* edimus, *едите* editis) и все слова, в которых заметно что-нибудь иностранное! Тогда-то почием на лаврах, оставшись при своих родных междуметиях!»[262] В статье 1818 г. Каченовский объясняет необходимость заимствований незрелостью русской культуры: «Знай наперед, что ты найдешь тут бездну чужеязычия, несносного почтенным словесникам нашим, охотникам восклицать: *это не по-русски!* Но тебе очень известно, что мы еще не сочинили своих систем для просвещенной Европы на коренном русском языке, и что еще не кончился курс нашего учебного образования. Итак, пожалуй, не подивись, ежели окажется, что

стороны нравственных требований от слова человеческого, которое, особенно в руках писателя, может сделаться и благотворным и вредным орудием, Шишков, несмотря на свои крайности, был прав» («Мелочи из запаса моей памяти», 1854. - Цит. по: Дмитриев М.А. 1985, с.188, 190, 192).

[259] 1807, № 2, с.302.

[260] С.305.

[261] Строки 69-72; перевод М.Л.Гаспарова: «Нет, возродятся слова, которые нынче забыты, И позабудутся те, что в чести, коль захочет обычай, Тот, что диктует и меру, и вкус, и закон нашей речи".

[262] «Возвращение в отечество любезного моего брата». - 1810, № 19, с.224.

некоторых слов нет не только в нашем русском языке, но даже в оном коренном славенском, на котором древле бессмертные, ныне же никому не известные творцы сладостно воспевали и звучно гремели...»[263].

Ломоносов, по мнению автора «Письма...», отделил явно «обветшалые» славянизмы от славянизмов, вошедших в русский литературный язык; Шишкову, напротив, представлялось, что Ломоносов пропагандировал славянизмы как таковые. С Каченовским был согласен, например, Мерзляков, который писал в 1812 г.: «...Часто погрешают и некоторые страстные любители языка славянского. Что встречаем в их сочинениях? Слова обветшалые славянские вместе с простыми и общенародными и притом в образах чужестранных или сряду старый язык славянский, от которого мы уже отвыкли. Возьмите оды и похвальные слова Ломоносова и сравните их с некоторыми нынешними стихотворными славянороссийскими сочинениями. - Читая первого, я не могу остановиться ни на одном слове: все мои, все родные, все кстати, все прекрасны; читая других, останавливаюсь на каждом слове, как на чужом... Поздно уже заставлять нас писать языком славянским, осталось искусно им пользоваться. Вот особливое достоинство Ломоносова»[264]

Близкую смысловую структуру имеет и подписанная рецензия Каченовского на «Разговоры о словесности» Шишкова[265]. Здесь, однако, почтительные фразы об общественных заслугах Шишкова имеют этикетный характер, цель же статьи - противопоставить «патриотическим догадкам» «беспристрастное исследование»[266]

Каченовский считал, что Шишков переоценил степень цивилизованности Древней Руси: «наши предки грамоте не знали»[267] Здесь же Каченовский впервые заявил, что русский язык происходит не от старославянского; впоследствии он предположил, что «нынешний церковный наш язык есть старинное сербское наречие», а «древний

---

[263] От любителя изящных искусств к другу. - 1818, № 22, с.128.

[264] Мерзляков А.Ф. Рассуждения о российской словесности в нынешнем ее состоянии. - ТОЛРС, М., 1812, ч. 1, с.72; о различном понимании языковой программы Ломоносова в начале XIX в. см.: Альтшуллер М. Предтечи славянофильства в русской литературе (Общество "Беседа любителей русского слова"). Ann Arbor, 1984.

[265] 1811, №№ 12, 13.

[266] № 13, с.48.

[267] Развитие этих соображений см в статье «Взгляд на успехи российского витийства в первой половине истекшего столетия» (ВЕ, 1811, № 19), где Каченовский весьма невысоко оценивает культуру Древней Руси.

коренной славянский язык нам неизвестен»[268] Вскоре А.Х.Востоков, не отвергая основного положения Каченовского, внес уточнения в его теорию: старославянский - древнеболгарский, а не древнесербский язык.

Выступление Каченовского было воспринято как принципиальное: см. отзыв Батюшкова: «он режет истину <...> Он разбудит славенофилов»[269]. Мнение Каченовского о различной природе русского и церковнославянского языков немедленно использовал Д.В.Дашков[270] Одним из последствий рецензии Каченовского на «Разговоры...» возможно, было сотрудничество Дашкова в «Вестнике» во второй половине 1811 - в 1812 гг., вероятно, Дашков надеялся приобрести в лице Каченовского влиятельного союзника.

Критика Каченовского,- несмотря на всю сдержанность её тона, возмутила Шишкова; 4 мая 1811 г. Каченовский писал Грамматину: «Сказывают у нас, что А.С.Шишков очень сердит на автора критики на его книгу. Я тому очень верю. У нас таков обычай: или думай про себя, или пиши похвалы авторам, присвоившим себе верховную диктатуру в словесности»[271] В.Л.Пушкин сообщал Вяземскому: «Шишков написал ругательную критику на Каченовского и отдал её в печать, но, испугавшись московского Жофроа, тиснение прекратил». Все же в ответном «Прибавлении к Разговорам о словесности» Шишков называл Каченовского безбожником и космополитом. На неуместность таких приёмов в литературной полемике Каченовский не замедлил указать[272] Все это свидетельствует, что разногласия между Каченовским и Шишковым были весьма принципиальными.

Если сам Шишков заслуживал сдержанной отповеди, то, говоря о его единомышленниках, Каченовский не стеснялся в выражениях; см., например, его издевательскую рецензию на «Рассуждение о русском языке» Е.И.Станевича (СПб., 1808), где Каченовский увидел «велеречивое невежество»[273]

Как нам кажется, спор о «банном строении», знаменитый своей «мелочностью» и продолжительностью, вовсе не был таким пустым и сводился к несовместимости идеологической (И.Ф.Мартос) и ис-

---

[268] О славянском языке вообще и в особенности о церковном. – ВЕ, 1816, № 19/20, с.257; ТОЛРС, 1817, ч. 9, кн. 13.
[269] Письмо Н.И.Гнедичу от 28-29 окт. 1816 г.
[270] О легчайшем способе возражать на критики. СПб., 1811.
[271] Библиографические записки, 1859, № 8, с.227.
[272] ВЕ, 1812, №№ 6, 8.
[273] ВЕ, 1809, № 1, с.37.

следовательской (Каченовский) позиции[274] В концепции Мартоса отразились взгляды «архаистов», утверждавших исключительность роли в культуре «просторечия, или наречия народного»; этимология Мартоса опирается на лексику диалектов[275]. Критика Каченовского для Мартоса была уничтожающей (см. в письме Милонова Грамматину от 14 янв. 1813 г.: «Мартос <...> теперь в горе: Каченовский опять напал на него и срезал с ног»[276]).

Подобным образом Каченовский отрецензировал откровенно дилетантское и тенденциозное «Изыскание о гипербореянах и о коренном руском <так!> стихотворению» В.Капниста, опубликованное в 17 чтении Общества любителей российской словесности[277].

Защищая своего учителя Шлецера, ученый полемизирует с «Русским Вестником» С.Н.Глинки. Глинку возмущала научная критика летописи Нестора; к летописи, по словам Каченовского, Глинка требовал относиться как к «правилам веры»[278] Ср. в письме Каченовского к Жуковскому от 12 сентября 1811 г.: «Глинка бесится. Написал против Шлецера ещё статью на его Нестора. - Боже мой! какое ужасное невежество! какое безумие!»[279] Отвечая Глинке, Каченовский, по словам С.М.Соловьева, «показал всё неприличие подобных нападок, всю неблагонамеренность подобного смешения вопросов чисто учёных с вопросами нравственными»[280]

Между тем подобные «неблагонамеренные нападки» были постоянными. Интерес к западной культуре и истории, который Каченовский проявляет как ученый и издатель, регулярно навлекает на него обвинения в отсутствии патриотизма. П.М.Строев писал в рецензии на работу Каченовского "О судебных поединках»[281]· «читателю <...> будет приятнее знать обыкновения отечественные, нежели обычаи Дании, о коих г. сочинитель столько разглагольствовал»[282].

В 1811 г. в «Вестнике» печатается «Письмо к приятелю (О

---

[274] ВЕ, 1810, №№ 1, 23 (статьи Каченовского), 1810, № 16 (Мартос), 1811, № 22 (Мартос).

[275] См. особенно 1812, № 1.

[276] Библиографические записки, 1859, № 10, стлб.302.

[277] По словам Каченовского, авторы, подобные Капнисту, «полагаются на первую попавшуюся к ним в руки книгу или на мечты своего воображения" (1815, №2, с.104).

[278] ВЕ, 1811, № 19, с.214; см. также: Русский Вестник, 1810, № 3.

[279] РО ПД, 28075.СС16115, л. 55об.

[280] Соловьев С.М. М.Т.Каченовский. - Биографический словарь профессоров Московского университета. М., 1855, с.392.

[281] Впервые опубликованную в ВЕ 1811, № 10.

[282] Сын Отечества, 1816, № 6, с.255.

третьем чтении Беседы любителей русского слова. В С. Петербурге)», где читаем: «Лучше подражать и писать хорошо, нежели выдавать свое собственное и дурное»[283] (сказано по поводу творчества Княжнина, презираемого в «Беседе» за свою известную «переимчивость»).

Вредное для научной истины «патриотическое пристрастие» Каченовский находит не только у Глинки и Шишкова, но и у Карамзина. 15 декабря 1810 г. Каченовский писал Жуковскому: «Кстати о Шлецере. Третьего дня в обществе Истории и древностей российских я завел речь о сем почтенном любителе и знатоке наших древностей - и, признаюсь, не без намерения. Вот что я услышал от Карамзина. «Шлецер шарлатан, он иностранец; история русская была для него дело совсем стороннее; он ничего по этой части не знает и только что несет пустое, он пускает пыль в глаза для незнающих!!!» Я этому не могу верить, и думаю, что труды Шлецера не бесполезны даже для самого историографа»[284] В 1818 г. Каченовский, навлекая на себя всеобщее неудовольствие, критикует Карамзина за риторику и искажение фактов и помещает в своем журнале и чужие материалы на эту же тему[285]

Демонстрируя образцы исследования строго научного типа, в 1820-х гг. Каченовский публикует ряд своих итоговых научных работ, положивших начало «скептической школе» в историографии.

Среди новых противников Каченовского были славянофилы в собственном смысле слова – люди нового поколения, прежде всего Ю.Венелин. В № 1 за 1830 г Каченовский напечатал свою очень резкую рецензию на книгу Венелина «Древние и нынешние болгаре в их отношении к россиянам», где назвал его гипотезы «патриотическими выходками». По словам С.М.Соловьева, «сильно оскорбляла <...> старика венелинская школа - стремление веё ославянить, сделать славян древнейшим и славнейшим народом мира»[286] Венелина поддерживали, как известно, не только будущие славянофилы (Погодин), но и «Литературная Газета», издаваемая поклонниками Карамзина.

Не случайно, что в 1836 г. «Философическое письмо» Чаадаева

---

[283] № 15, с.216.

[284] Ежегодник РО ПД, 1979. Л., 1981, с.104-105.

[285] См., например, статью «О беспристрастии историка и о том, в чем именно состоит занимательность русской истории для иноземных, читателей" (об «Истории государства Российского» из "Journal des débats") - 1821, № 1.

[286] Соловьев С.М. Мои записки для детей моих , а если можно, и для других. – В его кн.. Избранные труды. Записки. М., 1983, с.275.

печатает в своем журнале не кто иной, как Н.И.Надеждин, разделявший исторические воззрения Каченовского. Современники видели связь между идеями Чаадаева и скептицизмом в историографии. Характерна запись Пушкина: «Мнение Шлецера о русской истории. NB Статья Чаадаева» («Заметки при чтении «Нестора» Шлецера»). П.А.Вяземский нашел здесь возможность отомстить старому литературному врагу. Если в годы борьбы с Шишковым Каченовский, не пожелавший примкнуть ни к одной из враждующих группировок, был для Вяземского «раскольником», защитником невежества и проч., то в изменившейся обстановке, после шумной полемики по поводу «Истории государства Российского», Вяземский обвиняет Каченовского в прямо противоположном грехе. «Самый факт борьбы в значительной степени отодвигает на второй план её исходные принципы и конкретное содержание»[287] Свои нынешние претензии к Каченовскому Вяземский доводит до сведения властей, в докладной С.С.Уварову он пишет: «Исторический скептицизм <...> неминуемо довел до появления в печати известного письма Чаадаева»[288]. Ср. позднейшее мнение Вяземского о «Войне и мире» Толстого: «...всё это не ново. Эта школа имеет своих преподавателей и, к сожалению, довольно много слушателей. Это уже не скептицизм, а чисто нравственно-литературный материализм <...> Не знаю, ради чего или кого действуют исторические прекращатели; но не мешало бы и этому толку приевоить еебе название: нетовщина»[289].

Справедливости ради заметим, что первым начал обвинять своих литературных противников в нигилизме Н.И.Надеждин - см. его статью «Сонмище нигилистов (сцена из литературного балагана)»[290], содержащую намеки на Пушкина, Вяземского, Полевого и др.

Ещё до публикации «Философического письма» Каченовский сообщал М.А.Максимовичу о политических доносах, объектом которых была его научная деятельность: «посильный труд мой или умышленно не замечается некоторыми, или считается за бесполезный другими, или, наконец, даже выставляется ещё иными в превратном виде, как предприятие вредное и опасное»[291]

По свидетельству С.М.Соловьева, «говорили, что император Николай, при выборе инспектора классов к наследнику, обратил

---

[287] Лотман, Успенский. «Споры о языке...», с.220.

[288] Вяземский П.А. ПСС, т.2, с.220; апологию Вяземского см.: Вацуро В.Э., Гиллельсон М.И. Сквозь умственные плотины. М. , 1986, с.182.

[289] «Воспоминание о 1812 годе», 1868.

[290] ВЕ, 1829, №№ 1 и 2.

[291] 18 янв. 1836 г. - ЦГАЛИ, ф.2567, оп.2, №303, лл.1-1об.

внимание на Каченовского <...> но карамзинисты помешали Каченовскому, выставивши на вид его вредное направление, скептицизм, чем, разумеется, напугали охранительнейшего императора»[292].

Только советское литературоведение определяло идеологию "Вестника Европы" как "национально-охранительную". В XIX веке думали иначе. Так, по мнению Пыпина, Каченовский – предтеча западников в своем недоверии к националистической историографии[293]. По словам В.Иконникова, Каченовский "является перед нами защитником космополитизма в науке и проповедником европейской образованности в полном смысле этого слова"[294]. Не случайно о Каченовском и его журнале с симпатией отзывались западники – кроме Пыпина назовем Белинского и С.М.Соловьева; люди иных убеждений, напротив, относились к "Вестнику Европы" враждебно; см., например, у Барсукова: "критики <Надеждина на Пушкина> не могут не возмущать души патриота»[295].

---

[292] Соловьев, "Мои записки...", с.256.

[293] Пыпин А.Н. Характеристика литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов. Исторические очерки. СПб., 1906, с.204 и ниже.

[294] Иконников В.С.Скептическая школа в русской историографии и ее противники. Киев, 1871, с.15.

[295] Барсуков Н. Жизнь и труды М.П.Погодина. Пб., т.2, с.343.

«ВЕСТНИК ЕВРОПЫ» И РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ ЭПОХИ

Философские взгляды «педантов» «Вестника» и их суждения о религии были столь же архаичны и при этом столь же политически небезопасны, как и их суждения о патриотизме.

Как известно, в 1800-х - 20-х гг. русское общество переживало разочарование в идеях Просвещения. Это разочарование проявилось по-разному: и в мистицизме, и в интересе к новой немецкой идеалистической философии, и в церковности, нередко весьма агрессивной. Известно также, что некоторые из этих общественных умонастроений до середины 1820-х гг. пользовались поддержкой власти и что вопросы духовной жизни были связаны с вопросами политическими хотя бы потому, что одной из главных причин разочарования в просветительстве были события Великой французской революции.

Философско-религиозные взгляды Каченовского не совпадали с общим мнением эпохи. Явно намекая на ситуацию в современной России, Каченовский в 1812 г. публикует перевод отрывка из «Духа всеобщей историю» Томсона «Нравы в десятом и одиннадцатом столетиях»: «И в сии-то времена изуверства и величайшего развращения в Европе царствовала величайшая набожность»[296]

Каченовский демонстративно порицал «нечестие» французских просветителей[297], тем не менее в «Вестнике» 1810-х гг. пропагандируется сенсуализм и постоянно подвергается нападкам новая немецкая идеалистическая философия, "непонятный вздор Шеллинга и Фихте"[298]

Это было не только архаичным, но и небезопасным. В 1819 г. на перепечатанную в «Вестнике» статью И.А.Снядецкого, опровергавшего Канта с позиций Локка, последовал ответ в "Казанских ведомостях"[299], близкий по тону к доносу [300] В 1800-1810-е гг. в

---

[296] № 9, с.56- 57.

[297] См., например, ст. «О учености Вольтера», подп. «К.»[аченовский] - 1811, № 17.

[298] 1811, № 12, с.321.

[299] 1819, №№ 99, 101.

[300] Ответ Каченовского см.: ВЕ, 1820, № 1, "Примечания на статью о философии"

журнале систематически преследовался модный мистицизм[301]; публикации журнала воспринимались читателями как проявление весьма определенной позиции. Так, в 1819 г. Евгений Болховитинов писал Анастасевичу: «Заметил и я в 7 номере Вестника Европы пулю на мистиков... Итак надобно Каченовскому бояться Лабзина»[302]; годом позже Болховитинов замечал: «А Вестник Европы действительно иногда смел не по нынешнему времени»[303] Такая политика журнала навлекала на Каченовского неудовольствие влиятельных лиц. Так, 11 июля 1817 г. Каченовский писал В.М.Перевощикову: «На светлой неделе новый наш попечитель[304] пригласил меня к себе обедать. За обедом князь завел речь о «Тоске по отчизне»[305] и спросил меня, какого я мнения об этой книге. – «Я таких книг почти не читаю.» - Почему же? – «Потому что в них для меня многое непонятно.» - Однакож. – «Ваше сиятельство! Главное чтение профессора составляют авторы, принадлежащие к его науке; все же прочее мы читаем разве только для отдыха; а «Тоска по отчизне» не такая книга.» - Я бы советовал вам соображаться с духом нынешнего времени и не только читать подобные книги, но даже *писать то же самое*. «Тогда я взялся бы не за свое дело, и ученые богословы стали бы смеяться надо мной, как над невеждой" и проч. и проч. После стола при прощанье князь отвел меня в дальний кабинет свой и завел разговор особого рода. - Я читаю журнал ваш, и, признаюсь, не нахожу в нем ничего противного религии; но... вы имеете неприятелей! Три особы указывали мне на Разговор Сен-Ламберта как на статью опасную[306] – «Ваше сиятельство!» - Знаю, знаю; и я не нахожу в нем ничего противного; но Сен-Ламберт известной вольнодумец! ...- «Мне это не известно; что же касается до Разговора, то ... - Об Разговоре я ни слова, но автор... Бога ради берегитесь! теперь такое время... у вас есть

---

[301] См., например, выпады против масонов (1805, № 13), "сказку" А.Е. Измайлова о ханже, который "Библию да Штиллинга читал" ("Исправление" - ВЕ, 1816, №№ 17-18) и проч.

[302] От 13 мая 1819 г. Русский Архив, 1889, кн.2, № 5.

[303] Письмо Анастасевичу от 2 марта 1820 – Русский Архив, 1889, кн.2, № 6, с.334.

[304] П.И.Голенищев-Кутузов, литератор, близкий к Шишкову.

[305] Теософский роман И.Г.Юнга-Штиллинга, на русском языке вышедший в переводе Ф.П.Лубяновского в 1817-18 гг. (М.). В "Вестнике" было помещено ехидное замечание о журнале Штиллинга "Der graue Mann" - 1812, №2, с.159-60.

[306] По всей вероятности, имеется в виду публикация в № 4 за 1817 г.. «Из Сен-Ламберта. Разговор первый (Начальные основания нравоучения у всех народов)» (пер. Петра Ильинского).

неприятели...»[307] В начале 1820-х гг. изменение философской ориентации журнала не повлекло за собой изменения его репутации: «Вестник» по-прежнему уличают в атеизме, теперь уже за распространение «богопротивного учения Шеллинга»; Магницкий пишет донос на И.И.Давыдова[308] 18 декабря 1822 г. Каченовский сообщает В.М.Перевощикову: «По письмам почтенного Дмитрия Матвеевича <Перевощикова> вы уже конечно знаете, что в некоторых пиесах ваших найдены богопротивные мысли. С нами это случается нередко...»[309]

В 1822 г. в «Вестнике» появляются публикации, вполне чуждые духу журнала и свидетельствующие о внешнем давлении[310]

Репутацию «безбожника» Каченовский приобрел не только своими высказываниями о философии или церкви. По мнению некоторых деятелей «Беседы», Каченовский проявлял свое безбожие, когда критиковал архаистов за неумеренное употребление славянизмов. В рецензии на «Послание к Привете» А.Палицына Каченовский обратил внимание на неуместность «обветшалых» слов в послании, которое, согласно классицистическим нормам, должно было быть выдержано в «среднем штиле». Заступаясь за Палицына, Е.Станевич призывал власти пресечь вредную для общества деятельность критика: «Г.критик, желая пошутить над творцом «Послания к Привете», шуточным образом <...> употребил слова *одесную, ошую, стадо овец, козлища*; но спросим г-на критика, какое понятие хотел он возбудить в своих читателях таковым смехом при написании тех изречений? Я спрашиваю у него, откуда почерпнул он слова сии? Конечно не найдет он их в другом месте, кроме Св. Евангелия у Матфея, гл. 25, ст. 31. <...> Один на посмеяние употребляет из священной книги слово; другой, видя, что сие

---

[307] ЦГАЛИ, ф.4б, оп.4, № б, л. 7об.-8.

[308] Русское Богатство, 1894, № 8, с.118. Впрочем, Давыдов публиковался в «Вестнике Европы» с 1815 г., и до 1822 г. его философские взгляды были близки взглядам редактора журнала; лишь напуганный, по мнению П.Н.Сакулина, "пиэтистической реакцией, наш философ решил порвать с опытной философией и, хотя тоже с оглядкой, уйти под сень немецкого идеализма" (Сакулин П.Н. Из истории русского идеализма Ч.1. М., 1913, с.38). Об эклектизме системы Давыдова, пытавшегося соединить локковский эмпиризм и шеллингианство, см.. Филиппов М.М. Судьбы русской философии. - Русское Богатство, 1894, № 9, с.113.

[309] ЦГАЛИ, ф.4б, оп 4, № б, л.16.

[310] Например, речь М.Протопопова «О происхождении Библейских обществ в государствах, как торжественном знамении возрождения общественной жизни человеков» - 1822, № 24.

нравится, попытается простерть свое дерзновение и далее; а наконец, ежели попустить сему, то вскоре, в угождение умов развращенных, сердец испорченных, все священное ниспровергнется, падет нравственность, законы потрясутся в их основании, и Мараты и Робеспиеры возникнут на гибель народов и человечества. От таковых-то шуток во Франции ниспроверглась Вера»[311]. Станевичу отвечал Воейков[312]; ироническая реплика самого Каченовского была построена по модели известной французской эпиграммы[313]

Вера самого Каченовского им публично не обсуждалась,поэтому у исследователя нет ни особых оснований, ни права судить о характере религиозности Каченовского. Но некоторые любопытные обмолвки показывают, что «беседчики» были правы, подозревая в Каченовском нечто неправославное. Уже приводились слова Каченовского: «Есть у нас старообрядцы в языке и в народных обычаях, есть отступники от старшы и в том и в другом, есть, наконец, когда можно их так назвать в этом отношении, *деисты*...». Непосредственного отношения к религии эта фраза, конечно, не имеет, но любопытно само словоупотребление: слово «деизм» для Каченовского оказывается синонимом «православия», между тем в России в эпоху Каченовского деизм оценивался как нечто столь же крамольное, как и атеизм.

В своих философских взглядах, как и в литературе, Каченовский принадлежал предшествующей эпохе. Его позиция выглядела анахроничной; по словам Белинского, «это была умирающая мысль, отстаивающая себя в отчаянной схватке против враждебной новизны»[314]

---

[311] Станевич Е. Способ рассматривать книги и судить о них. СПб., 1808, с.80, 81-82.
[312] ВЕ, 1809, №18.
[313] 1810, № 9, с.81.
[314] Белинский В.Г ПСС.Т. V, с.498.

«ВЕСТНИК ЕВРОПЫ» КАК МОСКОВСКИЙ ЖУРНАЛ

После того как в конце 1810-х гг. петербургский «Сын Отечества» начинает собирать лучшие литературные силы, «Вестник» оказывается вынужденным вновь самоопределиться. И он самоопределяется как московский журнал.

Сложившееся в русской культуре противопоставление Петербурга и Москвы описывалось неоднократно, однако при этом рассматривалось преимущественно восприятие городов, выражавшееся в их описаниях и проч., в меньшей степени осознано то, как сложившийся образ города моделировал поведение литератора или тип издания; наименее изучено в этом отношении время, предшествовавшее разделению мыслящего общества на славянофилов и западников. По утверждению Погодина[315], «литературная война Москвы с Петербургом» началась в 1824 г. в «Мнемозине» Одоевского и Кюхельбекера; между тем любопытный материал для наблюдений дает особенный облик московского журнала в условиях литературной борьбы более ранней эпохи.

Для Каченовского, представлявшего себе ситуацию в современной русской культуре как борьбу равно заблуждающихся «беседчиков» и карамзинистов с носителями здравого смысла, была одновременно значима и другая модель современной русской культуры – не троичная, а двоичная: культура делилась для Каченовского на московскую и петербургскую. «Беседчиков» он воспринимает именно как петербуржцев. В письме к Жуковскому Каченовский так отрецензировал «Петра Великого» Ширинского-Шихматова: «Здесь <т.е. в Санкт-Петербурге> ахают от удивления и восторгов, читая лирическую песнь князя Шихматова: «Петр Великий». Один остряк, из москвичей, весьма справедливо называет ее *послужным списком Петра Великого*"[316].

---

[315] Погодин, который в начале 20-х гг., как и Одоевский, сотрудничал в «Вестнике», 45 лет спустя писал: «В Мнемозине началась литературная война Москвы с Петербургом, которую после нее продолжал Московский Вестник, и грозные послания Одоевского к Булгарину и Гречу составляли новое явление в нашей журналистике» (Погодин М.П. Воспоминание о князе Владимире Федоровиче Одоевском. М., 1869, с.51).Погодин, таким образом, или вовсе забыл о разгоревшейся за четыре года до появления «Мнемозины» шумной войне «Вестника» и «Сына Отечества» или считал, что эта война была всего лишь проявлением конкуренции.

[316] 15 апреля 1810 г. - РО ПД, 28075/ СС16115, л. 19.

И для литераторов из окружения Шишкова в середине 1800-х гг. существовало понятие «московские поэты», к которым они относились равно неприязненно, будь то Мерзляков или люди, близкие к Карамзину. Жихарев записывает в дневнике (24 марта 1807 г.): «Отчего во всех здешних <СПб. - *Г.З.*> литераторах заметно какое-то обидное равнодушие к московским поэтам, хотя бы, например, к Мерзлякову, Жуковскому, Пушкину <В.Л.> и др. И.С.Захаров, толкующий беспрестанно о грамматике, говорит о них как об учениках и никак не хочет согласиться, чтоб они имели дарование»[317]

При этом карамзинисты, напротив, постоянно подчеркивают, что между литературными Москвой и Петербургом нет никакой существенной разницы: Московское общество любителей российской словесности для них – «московская Беседа» (у Батюшкова: «Вчера читал московскую Беседу <«Труды Общества любителей российской словесности»> и был в питерской»[318]); см. также «Сравнение Петербурга с Москвой» Вяземского (1811).

Когда любомудры – будущие славянофилы (печатающиеся именно в «Вестнике Европы») осознают себя как «московскую школу», противостоящую Петербургу, они тем самым продолжат традиции именно «Вестника». (Выражение «московская школа» было употреблено Вяземским в 1827 г. в рецензии на «Северную лиру»[319].) - Вот образец несколько более позднего (1829 г.) впечатления литератора-москвича (Шевырева), попавшего в Петербург: "... провели <...> вечер у Дельвига. Я видел кой-какую литературную сволочь петербургскую. Сколько уродства! Как глуп Сомов! <...> Об Моек. Вести. ни с кем я не говорил. Да, ещё у Дельвига познакомился с Илличевским. О «Черной Немочи» твоей никто не сказал мне своего мнения. - Да, равнодушие ко всему здесь ужасно»[320].

---

[317] Жихарев С.П. Записки современника. Л., 1989, т. 2, с.209.

[318] Письмо Вяземскому от 5 мая 1812 г., см. также письмо Гнедичу от 28-29 окт. 1816 г.

[319] «Северная Лира» может, кажется, быть признана за представительницу московских муз. Имена писателей, в ней участвующих, принадлежат, по большей части, московскому Парнасу; не знаю, можно ли сказать: Московской школе, хотя точно найдутся признаки отличительные в новом здешнем поколении литературном. Вообще вся наша литература мало имеет в себе положительного, ясного, есть что-то неосязательное, облачное в её атмосфере. В климате московском есть что-то и туманное. Пары зыбкого идеологизма носятся в океане беспредельности. Впрочем, из этих гуманов может еще проглянуть ясное утро и от них останутся одни яркие блестки на свежей зелени цветов» (Московский Телеграф, 1827, № 3, с.239).

[320] Письмо Погодину от 25 февраля 1829 г. - ЛН 16-18, с.698.

«Вестнику» всегда была свойственна ориентация на провинцию. С одной стороны, это было обязанностью журнала, решавшего преимущественно просветительские задачи. «Вестник» предоставлял свои страницы для опытов и молодежи из Благородного пансиона, и провинциалам. Когда листаешь журнал, пестрящий подписями: «Казань», «Вологда» и пр., создается впечатление, что в первой трети Х1Х в. печально известное, ненормально резкое разделение России на столицу и провинцию как бы и не существовало, во всяком случае, видно, что журнал пытался преодолеть этот разрыв.

С другой стороны, провинция была для «Вестника» и определенной идеологемой. «Оппозиция «столица - провинция» становится не только географической, экономической категорией, но и категорией духовной жизни»[321] Популярный еще в ХУ111 в. образ «провинциального мудреца» - «Стародума», воплощающего неиспорченность естественного человека, активно использовался в «Вестнике» 1800-х-10-х гг. (см. многочисленные «письма», якобы обращенные к редактору, а на самом деле написанные им самим; Мерзляков называет свою разгромную речь о балладах Жуковского - «Письмо из Сибири» (1818)).

В конце 1810-х - в 1820-х гг. ориентация на провинцию приобретает качественно иной характер: в ней появляется полемическая демонстративность.

Сама Москва начинает осознаваться провинцией по сравнению с Петербургом; и тогда из «Вестника» пропадают образы провинциальных мудрецов, но зато появляется их функциональный аналог - Лужницкий старец, житель московской окраины; ему передаются традиционные свойства мудреца-провинциала.

Раздел «Изящная словесность. Стихи» заполняется почти исключительно записями фольклорных текстов (нередко даже на украинском языке) или стилизациями; с ними корреспондируют статьи на этнографические темы. Записи, сделанные во глубине России, противопоставляются столичным, «модным» стихам.

Малороссии и русской провинции аналогична Польша - часть Российской империи, европейская провинция. В «Вестнике» постоянно публиковались материалы, переведенные с польского - и научные труды, и беллетристика, и журнальные заметки. В программной статье, открывавшей первый номер журнала, вышедший в 1805 г впервые под редакцией Каченовского, читаем: «Помещайте в Вашем «Вестнике» сочинения польские, в переводе, достойные быть

---

[321] Журавлева А.И. Островский-комедиограф. М., 1981, с.42.

известными российской публике»[322] Все это было, видимо, не только проявлением славистических научных интересов Каченовского, но и значимым жестом.

По понятным причинам политического характера исследователи не имели возможности в полной мере объективно разрабатывать тему русско-польских культурных отношений, эти отношения представлялись более идилличными, чем были на самом деле. Результатом известной скованности исследователей были странные утверждения типа: «Журнал Анастасевича «Улей» пользовался всеобщим уважением», «Вяземский продолжал дело Анастасевича» и т.п.[323]

Не менее важной, чем провинциальность географическая, представляется провинциальность временная, архаичность интереса к Польше. Для людей дворянской галлоцентристской традиции позиция Каченовского или Анастасевича должна была отдавать привкусом Славяно-Греко-Латинской Академии. Когда в 1811 г. Анастасевич попытался пропагандировать польскую культуру в своем журнале «Улей», «галломаны» немедленно это осудили; см. у Батюшкова: «И с польской Музою своей /Холуй Анастасевич!»[324] (Кстати, с 1818 г. Анастасевич печатается в «Вестнике».) У Пушкина в заметке 1829 г. «Несколько московских литераторов...» о «Вестнике»: «Переводы Байрона с польского» (на самом деле и вправду не с английского, но и не с польского, конечно, а с французского). Некоторые причины для такого высказывания у Пушкина были: см., например, заглавие одного из материалов: «По Кювье. Из Ден. Вил.» < «Виленского дневника»>[325].

Итак, образ московского журнала оказывается связанным с представлениями о Москве как о столице разнообразных, пестрых славянских земель, как о столице провинций. Соперничество Москвы и Петербурга предполагает неизбежность выбора, оценки, и характер выбора традиционно связан с определенной идеологической системой: московское и петербургское противопоставляются обычно как западническое и славянофильское (или же лево- и праворадикальное). Важнейшей же особенностью западничества часто признают централизаторство (см. об этом, например, у Ап.Григорьева[326]). Между

---

[322] «Письмо к редактору «Вестника Европы», подп. «Н.Щ.».
[323] Русско-польские литературные связи. М., 1970.
[324] «Певец, или Певцы в Беседе славено-россов».
[325] ВЕ, 1816, № 1.
[326] «Белинский и отрицательный взгляд в литературе» (1861; переиздано в кн: Григорьев Аполлон. Эстетика и критика..М., 1980).

тем, как известно, общественная позиция «москвича» Каченовского решительно отличалась от позиции «москвичей» 1830-х-1840-х тт.: отношение Каченовского к формирующемуся славянофильству было отрицательным. Деятельность Каченовского, таким образом, оказывается поучительной: она обнаруживает принципиальную необязательность связи между «московской», федералистской позицией и националистической идеологией.

ПЕРСОНИФИКАЦИЯ ЖУРНАЛА И ПАРОДИЙНАЯ МАСКА

В конце 1810-х гг. - в особенности после того, как Каченовский выступил против Карамзина - из «Вестника» начинают уходить авторы, заявившие о себе в 1800-х - 1810-х гг. «Особенно ощутительна была убыль 1817 г., когда прекратилось сотрудничество Батюшкова, Вяземского, А.Измайлова, В.Пушкина, Милонова, Мерзлякова (как критика). В 1818 г. напечатаны были последние вещи Жуковского и Остолопова. В апреле 1820 г. в последний раз печатается Воейков.»[327]

Главный конкурент «Вестника» в то время - петербургский «Сын Отечества». С середины 1820 г. в «Сыне Отечества» соредактором Греча становится Воейков, взявший на себя отдел критики, и вскоре журнал открывает регулярные военные действия против «Вестника»[328]. Наиболее активными они были в 1821 г., когда почти каждый номер «Вестника» содержал выпады против «Сына Отечества»; в 10 номере было прямо заявлено, что «с нового года, или лучше сказать, с перемены голубой обложки «Сына Отечества» на желтую... миролюбивый «Вестник» сделался журналом полемическим»[329]

Сложившаяся в 1820-х гг. ситуация жесткой журнальной конкуренции нередко мешала журналам выдерживать принципиальную

---

[327] Гиппиус В.В. «Вестник Европы». - Очерки по истории русской журналистики и критики. Л., 1950, т.1, с.189.

[328] В 1818-1819 гг конкурирующие журналы позволяют себе лишь мелкие взаимные уколы, неизменно сопровождающиеся этикетными поклонами. В 1815-16 гг. в «Сыне Отечества» сотрудничает тот самый П.М.Строев, который в своем журнале «Современный наблюдатель российской словесности» называл «Вестник» «сухим» и слишком «ученым» (1815, № 1, с.40, № 2, с.88). В «Сыне Отечества» под псевдонимами «Кси» (1815, № 52) и «Неизвестный грек» (1816, № 6) Строев бранит работу Каченовского «О судебных поединках» за непатриотический – и слишком академический – интерес к западноевропейской истории. Каченовский в письме Жуковскому оценивал позицию редактора «Сына Отечества» так: «Греч печатает всякую всячину шалуна Строева и вместе с тем превозносит К.Калайдовича!!! И никто из вас не остережет собрата Греча от такого соблазна! Над ним делают порядочную мистификацию, а он знай свое твердит: напечатаю критику даже и на отца родного! Критику – я согласен: но шалости мальчишки разве критика?» (РО ПД, 28075 СС16115, л.80). Греч, впрочем, в редакционных примечаниях дистанцировался от Строева (СО, 1816, № 6, с.256).

[329] 1821, № 10, с.124, статья «К Редактору Вестника Европы», подписанная «Богатырев».

позицию в полемике, ставя литераторов в отрицательную зависимость от поведения соперников. Значительная часть журнальных публикаций 1820-х гг. - это реплики, вызванные не столько желанием высказать свое мнение, сколько желанием возразить сопернику, о чем бы, что бы тот ни говорил. Поэтому становится возможным утверждать сегодня обратное тому, что говорил вчера, заключать союз со вчерашним врагом, чтобы вместе нападать на третьего, и проч.

В этом смысле характерная фигура эпохи – главный противник Каченовского Воейков. Еще в 1817 г. Воейков печатался в «Вестнике», а «Сын Отечества» помещал критики на Воейкова (видимо, именно как на автора конкурирующего издания)[330]. Еще в 1818 г. Воейков печатал в «Вестнике» стихи, направленные против «петербургских поэтов», органом которых считался «Сын Отечества»: «Учен и сведущ ты, я очень в том согласен. /В стихах твоих заметен дар; /Но у поэтов есть теперь свой модный жар - /И между них блеснуть твой будет труд напрасен./Теперь уже не Феб, не вкус, /А Бахус покровитель муз...»[331]. Получив возможность распоряжаться в "Сыне", Воейков сразу же меняет взгляды.

Такая зависимость от конкуренции определяет и литературную политику "Вестника" Например, осуждая «новую школу словесности», авторы «Вестника» не забывают упомянуть, что модные поэты печатаются преимущественно «в некотором голубом журнале последних годов» (т.е. в «Сыне Отечества»)[332] Еще более выразительный пример - обсуждение «Руслана и Людмилы». Каждая из публикаций «Вестника», где упоминается поэма Пушкина, является ответом на публикацию в «Сыне Отечества». «Сын Отечества» печатает отрывки из «Руслана и Людмилы» - и «Вестник» помещает резкую критику Глаголева[333]; «Сын Отечества» меняет курс и печатает критику Воейкова на «Руслана и Людмилу» - и «Вестник» помещает статью Семена Осетрова (Ореста Сомова) против Воейкова и в защиту Пушкина[334]

---

[330] См., например, рецензию И.М.Муравьева-Апостола на воейковский перевод отрывков из «Энеиды» и «Георгию», печатавшихся в «Вестнике» (СО, № 22).

[331] К NN. - 1818, №№ 15-16.

[332] Н.Полевой, «Письмо к Лужницкому старцу» - ВЕ, 1821, № 6, с.114.

[333] 1820, №№ 11 и 16.

[334] 1821, № 4. Достаточная изученность темы «Пушкин и «Вестник Европы»» позволяет не обращаться к ней специально; ограничимся некоторыми соображениями об авторстве статьи, опубликованной в «Вестнике» в № 1 за 1824 г. в рубрике «Московские записки» за подписью «Н.Д.». В этой статье,

Помимо всего прочего, литературную полемику в более очевидной, чем когда- либо, степени определяют личные отношения спорящих. «Война» «Вестника» и «Сына Отечества» в значительной степени была обусловлена личной враждой Каченовского и Воейкова. Когда в 1822 г. Воейков уходит из «Сына», занявшись собственной газетой – «Русским Инвалидом», полемические статьи в «Вестнике» появляются реже, а тон их смягчается[335]

В этих условиях, когда принципиальность позиции оказывается размытой, почти утраченной, она компенсируется иной определенностью облика журнала – определенностью стиля; не случайно русский журнал персонифицируется именно в 1820-е гг.

Центральный персонаж «Вестника», «Лужницкий старец» - старый холостяк, склонный поучать, восходит к классическим английским журналам XVIII в. Весьма показательно, что хотя русская журналистика XVI11 – нач. XIX вв. чрезвычайно активно обращалась к материалам английских журналов, прежде всего журналов Аддисона

определявшей отношение журнала к первому современному поэту, традиционное для «Вестника» противопоставление «внешней красоты» стихов и «духа возвышеннейшего» применено к пушкинской «Черной шали», и стихи признаны «безделкой». Современники приписывали статью Каченовскому, позднейшие исследователи склонялись к мнению, что ее написал М.А.Дмитриев (историю вопроса см: Пушкин в прижизненной критике. 1820-1827. СПб., 1996, с.388-389). В недавно опубликованных К.Ю. Роговым отрывках из дневника Погодина есть запись, имеющая отношение к статьям под криптонимом «Н.Д.» (в одной из которых нападали на В.Ф.Одоевского, приняв его за автора полемических заметок в «Сыне Отечества», направленных против статей в «Московских записках»): «К Каченовскому – долго дожидался его - Говорил ему, что он жестоко наказал Одоевского. - Ведь не он писал в Сыне Отечества, сказал Каченовский, мне жаль; ну да он ругнет, и дело в шляпе» (Лотмановский сборник-2. М., 1997, с.565). Цитируемые слова Погодина о том, чго Каченовский «наказал» Одоевского, кажется, можно понимать как признание авторства Каченовского; если бы Погодин думал, что статья принадлежит Дмитриеву (хорошо знавший Дмитриева Погодин упоминает в своем дневнике об анонимных публикациях Дмитриева в «Вестнике»), естественно было бы обсудить ошибку с ним.

[335] См., например, миролюбивый отзыв Каченовского о «Сыне» и Грече в примечании к статье А.Р «Нечто об «Опыте истории российской словесности» г. Греча» - ВЕ, 1822, №№ 11-12. В 1824 г. в письме к Булгарину Каченовский уже утверждает, что его эпизодические стычки с «Сыном» непринципиальны: «Война моя с знаменитыми друзьями идет своим чередом; печатаемые же в «С.О.» статьи к ней ни мало не принадлежат: это подшучивают надо мною знакомые люди и даже весьма короткие приятели» (Русская Старина, 1903, № 12, с.609).

и Стиля, при этом вплоть до 1810-х в нашей журналистике не воспроизводилась заметнейшая особенность композиции английских журналов – фигура скрепляющего журнал в единое целое персонажа, eidolon, обрисованного с определенной степенью подробности. «Живописец» Новикова, например, – это, в отличие от английских персонажей, только имя (и правильная нравственная позиция, разумеется), но не лицо.

Центральная фигура журнала у Каченовского (как и у англичан) гротескна. В.Н.Турбин писал: «К эпиграмме вряд ли приложимы критерии справедливости или диффамации, клеветы. Опровергнуть её невозможно. Единственно мыслимый ответ на неё - поддакивание, акцентирование тех свойств характера, в которые она метит. Обличают в невежестве - нарядись в маску и вовсе последнего простофили. Обличают в педантизме - прояви такой педантизм, что сам Сальери в сравнении с тобою должен предстать сентиментальным мечтателем»[336] Каченовского постоянно уподобляли «педанту» Тредиаковскому (см. хотя бы эпиграмму Пушкина «Литературное известие») - и вот, утрируя «педантизм» и «староверие», в 1827 г. Каченовский начинает использовать в «Вестнике» «v» и «i», нарочно напоминая о Тредьяковском, который некогда навлекал на свою голову насмешки и прозвище педанта за эксперименты с русской графикой и орфографией. Точно так же, позируя, выстраивая свой литературный образ, Каченовский злоупотребляет в «Вестнике» греческим и латынью, оставляя тексты на этих языках без перевода; у Никодима Надоумки такая игра с мертвыми языками становится предельно явной.

Обыгрывая данное противниками прозвище литературного старовера, Каченовский намеренно архаизировал формы критического раздела «Вестника». Архаизм был уже в самом обращении к старой английской журналистике, обращении очевидно запоздалом. «Критика XVIII века ещё недостаточно отпочковалась от литературы, публицистики, литературоведения и существовала в качестве своеобразной вставки, инкрустации внутри публицистической статьи, историко-литературного трактата, художественного очерка, рассказа»[337] Эссе Лужницкого старца, а затем и Никодима Надоумко представляли собой именно такой гибрид нравоописательного очерка и критической статьи и тем самым противостояли «библиографиям» и «обзорам» «Сына Отечества», «Московского Телеграфа», «Полярной

---

[336] Турбин В.Н. Пушкин, Лермонтов, Гоголь. М.,1978, с.99.

[337] Егоров Б.Ф. О мастерстве литературной критики. Жанры. Композиция. Стиль. Л., 1980, с.43.

Звезды», а позже – «Московского Вестника», ориентированным на современные европейские формы, прежде всего - reviews.

Еще в 1820 г. Пушкин, сторонник новых форм литературной критики, писал: «Должно ли сперва поговорить о себе, если захочешь поговорить о других? Нужна ли старая маска Лужнического пустынника для безымянного критика «Истории» Карамзина?»[338] Еще большее возмущение вызывали у него позже статьи Надеждина: « критика в наших журналах <...>превращается в домашнюю переписку издателя с сотрудниками, с корректорами и проч. «Очистите место для новой статьи моей», - пишет сотрудник. «С удовольствием», - отвечает издатель. И все это напечатано»[339] В 1830 г. Погодин недоумевал: «Но зачем не перестает шутить г. Каченовский до сих пор? это не его орудие. И, признаюсь, как отвратительно было читать насмешки Телеграфа над куньими мордками г. Каченовского, как прискорбно читать отрывок из Литературных Летописей Пушкина, в которых автору показались достаточными для его жгута даже скудельные слова г. Полевого: так досадно читать иронический отзыв г. Каченовского об опыте г. Венелина»[340] Здесь очень ясно обнаружилось историческое различие не только идеологии «Вестника Европы» и «Московского Вестника», но и самих типов издания: «шутливость» «Вестника Европы», такая неприятная и непонятная для Погодина, неуместна в своей архаичности; русская литература Х1Х в. напряженно серьезна, и «шутливость» воспринимается как пережиток XV111 в.: «Старик, по-старому шутивший...». Этот серьезный Х1Х в. начинается в 1820-х гг.: бурлескная война «Беседы» с «Арзамасом» принадлежит еще другой традиции.

Опыт Каченовского, обратившегося к, казалось бы, безнадежно устаревшей форме, тем не менее пригодился русской юмористике позже – в середине Х1Х в. (назовем, например, фигуру «Ивана Ивановича» в наиболее скандальных статьях Ап.Григорьева или «юношу» в добролюбовском «Свистке»).

Игра, которую заводил Каченовский со своими литературными противниками, могла быть развита и обращена против него самого. Современники поддерживали разговор, который сам Каченовский первый «перевел на личности». См., например, колоритную характеристику «Вестника», данную Розеном в одной антикритике: «Скажем словечко... о клефтах. Эти воинственные греки, на

---

[338] «Мои замечания о русском театре».

[339] «О журнальной критике», 1830; имеется в виду примечание Каченовского к статье Надеждина «Литературные опасения за будущий год» (1828, № 24).

[340] Московский Вестник, 1830, № 3, с.318-319.

недоступных утесах сохраняя свою независимость, беспрестанными набегами тревожили неверных. Одного из журналистов можно назвать *литературным клефтом*: он также живет на страшных скалах - на скалах эгоизма и гордыни, независимый от общего мнения, верный древнему поверью своих отцов, также с удивительною отвагою кидается на *неверных*, т.е. на тех, кои не признают его черствого классицизма»[341]

Так же построен один памфлет В.Ф.Одоевского. Насколько нам известно, этот текст никогда не публиковался, не цитировался и не упоминался, поэтому мы позволим себе привести его полностью.

«Медицинская консультация о состоянии здоровья одного Литературного Журнала.

Субъект, подвергнутый нашему осмотру, имеет более 25 лет от роду, телосложения слабого, темперамента холерическо-флегматического, цвет лица смуглый, подходящий близко к фиолетовому. Из прежних консультаций оказывается, что хотя сей субъект вначале и не был подвержен нынешним болезненным припадкам, уже с давнего времени страдает особенным худосочием и неправильным отделением желчи; сии припадки возобновлялись довольно часто, несмотря на всё пособие искусных и знаменитых медиков; к сим припадкам вскоре присоединились чрезмерная сонливость больного, до такой степени заразившая всех, имевших с ним сношения, что все прежние друзья пациента принуждены были от него отказаться; медики истощили без пользы свои советы и наставления: больной радел несносно о своем поправлении, но, наскучив советами благонамеренных людей, прибегнул к пособию самоучек и журналоучек, по совету которых больной был заключен в Архив с комнатами, обращенными на север; этот странный род лечения очевидно не мог принести никакой пользы; вредные испарения Архива проникли весь организм несчастного и произвели в нем, во-первых, хрисоманию (златолюбие - род помешательства) в высшей степени, а во-вторых, совершенное истощение, соединенное с неизбежной сухоткою и чахоткой. Видя приближающуюся кончину, больной прибегнул к средству героическому: полевому болиголову и чернобыльнику; неумеренное употребление сих горьких зелий имело на больного влияние весьма замечательное; больной начал видимо толстеть, но скоро сделалось ясным, что эта толщина была ложная и только служит знаком последнего усилия жизненности; словом, чахотка превратилась в

[341] Ответ «Вестнику Европы». - ЛГ, 1829, № 56, с.164.

неизлечимую водяную; отделение желчи усилилось, больной сделался раздражительным до степени помешательства: гипнократический вид; полное онемение в важнейших частях состава; бессвязность в речах; вкус неприятный и горький <...>

В сем положении мы застали больного, и должны признать, что не находим средства для его излечения. Паллиативами же могут быть почтены: во 1-х, добрые горячие припарки, приготовленные знающими и благонамеренными людьми; 2-е - воздержание от изнурительных страстей, каковы: зависть, лицемерие, досада...»[342]

Нам неизвестно, был ли памфлет завершен и был ли знаком публике, но статья, завершающая последний номер «Вестника» (жанр последней статьи тоже восходит к английским изданиям) звучит как ответ Одоевскому (так что можно предположить, что памфлет Одоевского написан незадолго до того): «В изнеможении от долготы дней при конце бытия своего, но ещё вполне владея способностями рассудка и памяти, завещеваю современникам последние слова старческой опытности.

Умираю смертию обыкновенною, по чину естества неизбежною для всех органических созданий»[343].

Пародия, розыгрыш были основной формой довольно странных, двусмысленных и не всегда понятных для современников отношений, в которые вступил с «Вестником» петербургский журнал А.Е.Измайлова - «Благонамеренный».

Изначальная расстановка литературных сил заставляет предполагать в Измайлове врага Каченовского. Поклонник Карамзина, Измайлов не мог оставить без внимания критики Каченовского на своего кумира[344]. И в самом деле - уже в одном из первых номеров «Благонамеренного» появляется фигура «старичка» Ильи Остоженского - реплика на Лужницкого старца. Илья Остоженской упоминает об известной статье Каченовского, в которой резко критиковалась «Записка о достопамятностях Москвы» Карамзина[345]: «В пятой и последней комнате клуба никого не было - (может быть оттого, что там лежал 13 № Вестника Европы)» и обвиняет Каченовского в ретроградстве и отсутствии вкуса: «Иной любит

---

[342] РО ИРЛИ, ф. 392, № 10.

[343] ВЕ, 1830, №№ 21-24, с.237.

[344] О карамзинизме Измайлова см.. Проскурин О.А. А.Е.Измайлов и литературная жизнь первой трети XIX в. М., 1989. Канд.дисс.

[345] К господам издателям «Украинского Вестника». - ВЕ, 1818, № 13.

читать Карамзина и Опыты Батюшкова; другой Рассуждение о старом слоге и опыты Аспазина»[346]. Не менее важная причина разногласий «Вестника» и «Благонамеренного» - это разница типов издания. «Вестник» - журнал «сухой», «педантический»; «Благонамеренный» - откровенно развлекательный, «забавный для своего круга», как ехидно заметил А.А. Бестужев (имея в виду средний чиновничий круг), журнал, наполненный всякого рода «пиитическими игрушками»[347] Эти типы издания осознавались не просто как различные, но и как противостоящие, недаром постоянным объектом критики для «Благонамеренного» был «ученейший профессор» И.И. Давыдов, сотрудник «Вестника»[348] Измайлов писал И.И. Дмитриеву: «Пусть ученейший профессор г. Давыдов пишет трактат о ничтожности басенного рода в литературе; посмотрим, что он напишет: может быть, даст кому-нибудь сюжет к новой забавной басне»[349]

Сотрудник «Благонамеренного» П.Л.Яковлев печататься начал в

---

[346] Благонамеренный, 1818, № 8, с.219, 221. Журнал «Кабинет Аспазии» (1815) издаваемый Б.Федоровым (впоследствии активным сотрудником самого «Благонамеренного»), Лузановым и В.Бахаревым, считался образцом дурного вкуса

[347] См. об этом: Пенская Е.Н. Генезис пародийной маски Козьмы Пруткова в русской литературе XV111 веков. Канд. дисс.М., 1989.

[348] См., например, «Письмо к Издателю» Ираклиева (1819, № 15), где утверждается, что статья Давыдова «Секта пифагорейцев» (ВЕ, 1819, № 9) якобы является плагиатом из Бартелеми; издевательский отзыв о книге Давыдова «Опыт руководства к истории философии" (М., 1820): «Два года страдал я мучительною бессонницею; принимал по предписанию искуснейших врачей сонные капли и другие лекарства; читал по совету их оды N и притчи NN - ничто не помогло. Наконец случайно попалась мне рукопись (без начала и без конца) о трансцендентальной философии, где говорится о платонизме, скептицизме, эмпиризме, синтетизме, догматизме, формализме, критицизме, паралогизме и, кажется, о материализме, также об абсолютных и аподиктических идеях. Едва прочел я две страницы сего сочинения, как и почувствовал благотворное действие сна ..» (1823, № 1, с.69-70, подп. Фаддей Бессонов; ответ см.: ВЕ, 1823, № 1, с.75-76). Нападки «Благонамеренного» на трансценденгальный идеализм продиктованы соображениями конкуренции: чрезвычайно характерен для журнальной борьбы тот факт, что двумя годами раньше, когда проблемы философии трактовались в «Вестнике» с позиций эмпиризма (см., например, статьи Снядецкого), «Благонамеренный» осуждал «Вестник» за то, что для него «успехи философии остановились на Канте. О Фихте, Шеллинге, Гегеле и других, сделавших в наши времена столько преобразования в философии, нет ни слова» (1821, №№ 7 и 8, с.17-18; ответ см.. ВЕ, 1821, № 10, с.121-133, подп. «Богатырев»).

[349] 7 марта 1824 – Русский Архив, 1871, стлб. 982-83.

«Вестнике»[350] и в 1819 г. опубликовал там первые главы «Рассказов о Лужницком старце и моих воспоминаний о нем»[351], вскоре эти главы вместе с продолжением появились в «Благонамеренном»[352] Как заметила И.Медведева, Яковлев был склонен к «повторной <...> пародийности»[353] (имеется в виду пародия Яковлева на «Разговор с книгопродавцем» из «Евгения Вельского», в котором, в свою очередь, пародировался пушкинский «Разговор книгопродавца с поэтом»). Каченовский в «Записках Лужнникого старца» высмеивал выражение Карамзина «палевые сливки»[354], Яковлев пародирует пародию, предельно утрирует: «Палевые сливки! Палевые сливки! Точно! Палевые! Жонкилевые!»[355]

Исследователи считают, что «Рассказы Лужницкого старца» Яковлева направлены против Каченовского[356]. Любопытно, однако, что современники в пародиях Яковлева не опознали пародий и восприняли их всерьез[357]. И.И.Дмитриев писал А.И.Тургеневу 8 марта 1820 г.: «Читали ли Вы IV номер «Благонамеренного» Измайлова? Мне кажется, в первой пьесе, под заглавием «Рассказов Лужницкого старца», присланной - из Москвы, мечено на Николая Михайловича; какие скареды! В бессилии своем начали опять перерывать московский журнал и вытаскивать оттуда фразы и речения, примешивая, может быть, и фразы Шаликова и Макарова, Измайлова, и веё это, конечно, в угодность Каченовскому!»[358]. Вяземский отвечал Дмитриеву 24 апреля: «О «Лужницком старце» «Благонаме-

---

[350] Характерные люди. – ВЕ, 1816, №№ 19-20; Письмо молодого мужа о старой жене своей. 1818, № 18.

[351] ВЕ, №№ 20 и 22.

[352] Благонамеренный, 1820, №№ IV-VI, VIII-X; отд. изд. - М., 1828.

[353] Медведева И. Павел Лукьянович Яковлев и его альбом. - Звенья. М.; Л., 1936, т.6., с.112.

[354] ВЕ, 1818, № 20, с.311.

[355] Благонамеренный, 1820, № IV, с.228.

[356] Левкович Я.Л. Литературная и общественная жизнь пушкинской поры в письмах А.Е.Измайлова к П.Л.Яковлеву. Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1978, т.8, с.190; ср. суждение В.Э.Вацуро о яковлевском «Чувствительном путешествии по Невскому проспекту»: Вацуро В.Э. С.Д.П.: Из истории литературного быта пушкинской поры. М.,1989, с.60.

[357] О пародиях 1820-х гг., вообще часто почти неотличимых от пародируемого объекта, см.: Фризман Л.Г Эволюция русской романтической элегии: Жуковский, Батюшков, Баратынский. - К истории русского романтизма. М., 1973, с.343-353.

[358] Дмитриев И.И. Сочинения. М, 1986, с.396; имеются в виду «палевые сливки».

ренного» и говорить нечего. Чего он хочет? Над кем смеется? Разве над читателем? Ибо даже и замашки нет остроты во всех его рассказах. Тупое пустословие и только». Н.Д.Иванчин-Писарев - Жуковскому: «Вижу в так называемом Благонамеренном журнале, что в Петербурге московские Лужники, и кучеру моему не известные, принимаются за Chaussee d'Antin»,[359]. Причина путаницы, видимо, в том, что «Вестник» и «Благонамеренный» одинаково неприязненно относились к «новой школе словесности». Некоторые материалы из «Благонамеренного» перепечатывались в «Вестнике» (например, «Союз поэтов» Б.Федорова, в котором высмеивались Дельвиг, Кюхельбекер и Баратынский[360], «Прозаическая галиматья: подражание новейшим элегическим поэмам», где, по мнению Анастасевича, пародщювался Плетнев[361]). «Благонамеренный» доводил мнения «Вестника» до крайности, а иногда - намеренно - до абсурда; поэтому ниотивникам «Вестника» было выгодно отождествлять позиции этих журналов.

В «Вестнике» 1820-х гг. достигла предела и одновременно - своего завершения наметившаяся еще в 1810-х тенденция отождествлять журнал не столько с какой-нибудь группой, кружком, сколько с отдельным лицом, личностью с ее биографией, привычками и пороками. И хотя редакторы лишь в 1800-е гг. заполняли журнал по преимуществу собственными сочинениями (например, Каченовский был основным автором «Вестника» только в 1805-1086 гг.), а в 1810-20-х в журналах уже печатались очень многие, в том числе и значительные литераторы, - все равно для современников «Вестник» - это Каченовский, как «Московский Телеграф» - Полевой, «Благонамерешный» - А.Измайлов, «Галатея» - Раич и т.д.

На рубеже 1820-х - 1830-х гг. ситуация меняется. Уже «Московский Вестник» (1827 г.) - это не Погодин, а группа единомышленников-«любомудров» (при том, что Погодин был личностью ничуть не менее яркой, чем кто-либо из редакторов предшествующего периода, да и редактором был весьма властным). Журнал становится

---

[359] Цит. по И.Медведевой, с.110.

[360] Благонамеренный, 1822, № 39; ВЕ, № 18.

[361] В № 37 «Благонамеренного» за 1823 г., потом - в «Вестнике Европы» (1822, № 18).

органом кружка, партии и таким, кажется, остается на протяжении XIX и XX вв. Возможно, изменение ситуации связано с более отчетливым, по сравнению с 1820-ми, размежеванием сил в 1830-х гг. Появляются литературно-общественные партии - гораздо менее аморфные, чем литературные группы 1800-х - 1820-х гг.

ПОКОЛЕНИЕ ЛЮБОМУДРОВ

Во второй половине 1810-х - начале 1820-х гг. в «Вестнике» появляется новое поколение авторов – В.Одоевский, Шевырев, Погодин, Ознобишин, Рожалин, Андросов, М.Дмитриев, воспитанники Московского Университетского Благородного Пансиона, ученики И.И.Давыдова, члены кружка Раича; некоторое время в журнале сотрудничал Полевой.

Как вспоминал Погодин, «Вестник» был тогда «единственным прибежищем для молодых новобранцев словесности»[362].

Достаточно благосклонное отношение молодых литераторов к литературной позиции Каченовского отразилось, в частности, в системе псевдонимов, которые они использовали. Кроме центрального персонажа - Лужницкого старца в «Вестнике» начала 1820-х гг. появляется, например, «Юноша Белого города», единомышленник «старца» (так подписывали свои «Письма к Лужницкому старцу» Квитка-Основьяненко и Полевой).

И.И.Дмитриев с тревогой писал А.И.Тургеневу: «До чего дойдет наша литература, если вся наша молодежь, ещё зыбкая в своих понятиях, обольстится внушением зоила, которого она уже и так признает своим оракулом»[363]

Молодое поколение с живым сочувствием восприняло и скептицизм Каченовского – литературный и научный – и его уважение к теоретической мысли[364] «Вестник» имел репутацию журнала, оппозиционного по отношению к господствующему направлению в литературе, и в первой половине 1820-х гг - до появления «Московского Вестника», «Атенея», «Галатеи» - был практически единственным местом, где печатались авторы, образовавшие «московскую школу».

Влияние Каченовского иногда продолжало сказываться в литературном поведении бывших авторов «Вестника» и тогда, когда они уже печатались в новых – собственных – изданиях. Так, у Одоевского-издателя «Мнемозины» самый способ выражать свои претензии к «знаменитым друзьям» напоминает о «Вестнике»: известный памфлет Одоевского «Листки, вырванные из парнасских

---

[362] Погодин М.П. Воспоминание о князе Владимире Федоровиче Одоевском. М., 1869, с.48.

[363] Дмитриев И.И. Сочинения. М., 1989, с.398, письмо от 8 марта 1820 г.

[364] Свод материалов - в частности, о симпатиях к Каченовскому Белинского - см.: Нечаева В.С.В.Г.Белинский: Учение в Университете и работа в «Телескопе» и «Молве». 1829-1836. Л. 1954 (ук.).

ведомостей»[365], опубликованный в «Мнемозине», не только посвящен традиционной теме «Вестника» - угрозе «единодержавия в словесности», но и построен, кажется, на развитии сатирического образа, промелькнувшего у Лужницкого старца. В «гениальном скопище» «поэтов-баловней», по Одоевскому, есть «гении», «подгении», «гениальные писари» и «гениальные рассыльщики», а Лужницкий старец ещё в 1818 г. рассказывал, как поклонники Карамзина уговаривали его не критиковать «Историю государства Российского», обращаясь «с уверениями, что я не только могу получить прощение, но и быть ещё произведен в авторы-трубачи - сан, по их мнению, чрезмерно лестный»[366].

Молодые сотрудники «Вестника Европы», разделяющие антипатию Каченовского к «подражателям»-младокарамзинистам и вместе с тем испытывающие романтическое презрение к шаблонному, публикуют в журнале пародии и памфлеты, где высмеивают клише, выработанные «новой школой словесности» несмотря на ее стремление к оригинальности. См., например, в «Письме к Лужницкому старцу» Полевого: «Не столько сержусь я на баллады, сколько на рабское подражание, господствующее между нашими стихотворцами. Читая новые стихотворения, подумаешь, что сокровищницы природы совсем истощились!»[367]

Пользуясь языком шеллингианской эстетики, любомудры по-своему формулируют мысли, которые в определенном отношении являются следствием уроков Мерзлякова. «Следование образцам» для любомудров - это рутинерство, в то время как подчинение системе правил, напротив, не противоречит творческой оригинальности. Одоевский, в 1821-23 гг. активно сотрудничавший в «Вестнике», тогда же записывает: «Теория изящного одна, но формы ее бесчисленны, хотя все ей подчинены, как точки периферии - центру <...> философ - центр, поэт - точка на периферии, центр - один, - периферические точки бесчисленны». Поэтому «в философии нельзя быть

---

[365] Мнемозина, IV.

[366] ВЕ, 1818, № 20, с.312.

[367] ВЕ, 1821, № 5, с.114. Это "Письмо к Лужницкому старцу» атрибутировалось А.Г.Глаголеву (см., например,Русские писатели. 1800-1917. М, 1992, ст. О.А.Проскурина о Глаголеве). Между тем в воспоминаниях М.А.Максимовича говорится: «В день помянутого обеда у Мецената, так звал он <Полевой> Филимонова, читал он свою статейку «Овсяный кисель» - пасквиль на Жуковского» (Русский Архив, 1883, № 5, с.84). Об авторстве Полевого свидетельствует и М.А.Дмитриев (Дмитриев М.А. Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869, с.195).

оригинальным, в поэзии - должно», отсюда следует «невозможность подражателей» или «всегдашние их неудачи»[368].

Это противопоставление «правил» и «подражания» - очень распространенный ход в рассуждениях любомудров, критикующих «пушкинский канон». Так, Веневитинов оценивал современную словесность следующим образом: «Освобождение России от условных оков ложного классицизма было бы торжеством ее, если бы оно было делом свободного рассудка, но, к сожалению, оно не произвело значительной пользы, ибо причина нашей слабости не столько в образе мыслей, сколько в бездействии мысли. Мы отбросили французские правила не оттого, чтобы могли их опровергнуть какою-нибудь положительною системою, но потому только, что не могли применять их к некоторым произведениям новейших писателей, которыми невольно наслаждаемся. Таким образом, правила неверные заменились у нас отсутствием всяких правил. Одним из пагубных последствий сего недостатка нравственной деятельности была всеобщая страсть выражаться в стихах <...> истинные поэты всех народов, всех веков были глубокими мыслителями <...>. У нас язык поэзии превращается в механизм»[369]

У любомудров получило новое обоснование сближение (и отождествление) искусства и науки. Каченовский, которому были явно чужды философские увлечения нового поколения, допустил в своем журнале выступления шеллингианцев, возможно, именно потому, что увидел в них защитников «высокой словесности». Для И.И.Давыдова, например, задача искусства - «возбудить мыслящую способность к умственному созерцанию», а «достигнуть сего можно не чтением однодневных стихотворений»[370] (Последняя фраза сопровождается сочувственной репликой редактора: «Легко сказать! Чем же мы будем наполнять свои журналы?»). Хваля статьи Давыдова, Одоевский противопоставляет философию и современную поэзию: «Но утомилась рука, метавшая бисер - и теперь наши журналы по-прежнему наполняются стишками о *гадости* и *младости* - нелепыми толкованиями о бесполезности философии, и т.п.»[371]. У Андросова: «Обыкновенно говорят, что *мы* еще не созрели для наук умственных:

---

[368] «Гномы», цит. по: Сакулин П.Н. Из истории русского идеализма. Князь В.Ф.Одоевский. М., 1913, с.162.

[369] «О состоянии просвещения в России», цит. по: Русские эстетические трактаты. М., 1974, т.2, с.202-203.

[370] Мемнон [И.И.Давыдов]. Разбор сочинения Сольгера: Эрвин, или Четыре разговора об изящном и искусствах. – ВЕ, 1822, №№ 13-14, с.4, 5.

[371] От читателя журналов. – ВЕ, 1823, № 5, с.69.

разумеется, это голос некоторых, и слово *мы* принимается в тесном смысле, но если судить только по журналам, из которых мы учимся, то мы и не начинаем еще *готовиться*. Большая часть оных наполняется статьями историческими неновыми, повестями нелюбопытными, переведенными, легкими частными замечаниями о словесности, но истинного умственного, общего мы еще не видим. Только в В.Е. с некоторого времени помещаются статьи, которые могут быть отнесены к сему роду. <...> Образованность языка и нравов не составляет еще просвещения <...>. Поэзия прелестна, но она мечта. Ум отдыхает только в вымыслах, но это не есть его назначение и занятие. Имея поэтов, или, другими словами, мечтателей, мы не имеем, или мало авторов по части Любомудрия, перевес во всяком случае вреден, особливо если он не на стороне пользы и истины»[372] М.А.Дмитриев бранил пушкинского «Кавказского пленника» так: «Истинный литератор обязан знать и читать лучшие книги по всем частям учености: для него не чужды ни анатомия, ни теория римского права»[373]. В письме В.П.Титова Шевыреву: «Бери в пример Гумбольта, помни, что в нашем веке литератору не позволено ограничить себя, как Дельвиг, одною словесностию» (1830).

Именно поколение любомудров передприняло наиболее последовательные и шумные попытки реформировать литературу, опираясь на предварительное филологическое исследование. Филологические эксперименты Востокова и Мерзлякова имели явно частный характер; видимо, поэтому они и были благосклонно приняты многими. Попытка Шевырева была гораздо более радикальной: во-первых, Шевырев претендовал на реформу русской поэзий в целом; во-вторых, структура его эксперимента была предельно отчетлива: статья-исследование сопровождалась стихами-примерами, иллюстрациями, не имеющими – согласно заявлениям автора - самостоятельной ценности[374] Больше всего это напоминало "Письмо о правилах российского стихотворства" Ломоносова (не случайно Шевырев и Погодин так ценили Ломоносова) и имело вид вызывающе и намеренно архаический (уподобляясь в этом отношении реформе орфографии, произведенной Каченовским).

Эксперимент Шевырева парадоксален: поэт стремится к максимальной естественности разговорной речи («Да нет ничего

---

[372] Замечания на прибавление к статье о философии. – ВЕ, 1823, № 6, с.173-74, 171, 172.

[373] «Мысли и наблюдения», подп. «Юст Веридиков» - ВЕ, 1625, № 4, с.226.

[374] «О возможности ввести италиянскую октаву в русское стихосложение» и переводы из «Освобожденного Иерусалима» (Телескоп, 1831, № 11).

естественнее речитатива в голосе человеческом»; «я говорю о живом предмете, об языке, а книги мертвы...» и пр.), между тем его опыты производят впечатление прямо обратное: искусственности, нарочитого изыска. В сущности, Шевырев противоречит себе, когда одновременно называет среди главных свойств хороших стихов естественность и очевидное «усилие» поэта: «Усилие должно быть резко - даже до грубости, а без усилия не возможно ничто новое...»[375]

Склонность Шевырева теоретически мотивировать свои стихи вызвала, как известно, раздражение у литераторов иной традиции; по словам Вяземского, «Шевырев швыряет в нас Тассовыми октавами, в которых нет ни ладу, ни складу. Оно и не по-русски, и не по-итальянски, а разве по-тредиаковски-мерзляковски»[376]

Вяземский достаточно точно определил генезис литературного предприятия Шевырева. В 1820-х-30-х гг. отношение самых разных литераторов к творчеству Мерзлякова было сложным: в Мерзлякове видели предшественника, оружие для борьбы с врагами – и в то же время соперника и «бедного родственника», связь с которым может компрометировать. Переводя Тассо, Шевырев работал на том же материале, что и Мерзляков, здесь сопоставление оказывалось неизбежным, и отношение Шевырева к Мерзлякову было не случайно весьма нервным[377].

Почти одновременно с Шевыревым предпринимает «попытки ввести в русский ямб ритмические вариации, характерные для

---

[375] Московский Наблюдатель, 1835, № 9, с.7.

[376] Остафьевский архив, т.111, СПб., 1899, с.286, А.И.Тургеневу.

[377] Шевырев, как бы вовсе забывая о мерзляковских песнях, говорил о Мерзлякове только как о носителе устаревших одических традиций: "Как заметно в Тассе Мерзлякова влияние лиризма, под которым он зрел. Его воображение никогда не знает границ и всегда силится видеть больше, нежели сколько видит. Таково вообще воображение Севера; это, вероятно, влияние климата и комнатной жизни. <Кстати, заметим здесь иную - по сравнению со Стопановским, например - оценку «воображения Севера»: здесь «Север» уже отождествляется, видимо, не столько с Францией, сколько с Оссианом; однако и старинный лиризм понимается скорее как нечто барочное, нежели «ложноклассическое». – *Г.З.*> У него, например, в эпизоде Клоринды *огнь взревел* и проч. Ему ничего не стоит залететь из ада в небо. - Лучшее доказательство того, что Мерзляков не способен был передать нежность чувств Тассовых, есть несносной перевод 69 октавы в 12 песни. Мерзлякова горло было так образовано, что не могло производить нежных звуков. Зато у него есть стихи лучше Тассовых:
И ветвия огней срослись в один пожар" (дневниковая запись от 17 ноября 1830 г. - РО РНБ, ф. 850, номер 17, л.32).

романской силлабики»[378], Тютчев в своем «Silentium!». Знаменательно, что сходные опыты имели разные результаты: успех у Тютчева, провал - у Шевырева. Причина, видимо, в том, что Шевырев перевел достаточно много строф из «Освобожденного Иерусалима», и их количество еще могло быть умножено. Перебои метра здесь запоминались читателю более как принцип, нежели как конкретные удачные строки. Для Тютчева же строчки дольника среди силлаботоники - то, что Шевырев пытался ввести как новое правило стихосложения - были свойством конкретного текста, который бессмысленно тиражировать.

Современники рано почувствовали, что склонность Шевырева к теоретизированию оборачивается стремлением подчинить искусство теории. Если в 1820-х Шевырев вместе с другими любомудрами в «Московском Вестнике» вполне в духе Шеллинга отстаивал свободу искусства, то в начале 1830-х его позиция меняется. Требования «мысли» в поэзии становятся все более резкими. Вот характерная запись из дневника Шевырева 19 марта 1830 г.. «Пушкину надо учиться или умереть»[379] Восприняв представления А.Шлегеля о новых европейских литературах как литературах «неестественных» (в отличие от «естественной» греческой), Шевырев строит теорию «неестественного» развития новых литератур, где критика должна предшествовать искусству, а не обобщать его опыт. В цитированной дневниковой записи говорится также: «Критик, как Моисей, говорит: не делай этого; не делай этого. Поэт, как Христос, скажет - что делать». Здесь критика хронологически предваряет искусство, расчищая ему дорогу. В статье 1835 г. «О критике вообще и у нас в России» поэт уже не мессия, но некто, чью «безрассудную волю» и «буйные порывы» необходимо сдерживать [380].

Из всего, связанного с журналом Каченовского, наиболее бесспорным для литераторов 1820-х гг. была поэзия Мерзлякова. В 1830 г., в некрологе Мерзлякова, Раич писал, что Мерзляков «сотворил большую часть стихотворцев нового поколения». (Причем Раич воспринимает Мерзлякова как автора «Вестника Европы», как сотрудника Каченовского, и говорит о них обоих: «Оценили ли того и другого по достоинству? Воздали ли им должное?»[381])

В литературоведении высказывалось мнение, что столь завышенная оценка Мерзлякова якобы является выражением

---

[378] Гаспаров М.Л. Очерк истории русского стиха. М., 1984, с.142.
[379] РО РНБ, ф.850, № 16.
[380] Московский Наблюдатель, 1835, № 3, с.507.
[381] Галатея, 1830, № 31, с.76.

классицистической тенденции в «Галатее»[382]. Но тогда так отзывался о Мерзлякове не один Раич, но и те молодые писатели, которых принято считать романтиками. Гиперболизм похвал отчасти объяснялся тем, что поэзия Мерзлякова воспринималась как противовес «легкой» поэзии «пушкинского круга». Не случайно принципиальный характер песен Мерзлякова стал ясен не в 1803-06 гг., когда они появились, а в 1820-х, и в особенности после выхода в свет в 1830 г. сборника Мерзлякова «Песни и романсы». В 1805 г. Каченовский еще мог печатать песни Мерзлякова рядом со стихами Дмитриева и Шаликова. Позднее противостояние стало определенней. В 1820-х гг. чувствовали неизбежность выбора между песнями Мерзлякова и песнями Дельвига, и любомудры выбрали Мерзлякова В рецензии на «Стихотворения барона Дельвига» (СПб., 1830) критик, подписавшийся «В.», заявлял: «Вообще отдают преимущество песням б.Дельвига: я другого мнения! Я никак не могу сравнить его простонародных песен с песнями г-на Мерзлякова! у этого везде чувство и везде народность, у барона Дельвига более легкости, но чувства мало, а простоаародность состоит только в форме и размере стихов!»[383] См. также в рецензии «Галатеи» на «Денницу», где были опубликованы «Соловушко» и «Не липочка кудрявая»: «две его русские песни есть торжество народности, публика давно не читала подобных»[384]

Почти любое упоминание о Мерзлякове влечет за собою рассуждения о несправедливости и невежестве «петербургских» литераторов. У Погодина: «В предисловии к переводу Илиады, которым подарил русскую словесность г. Гнедич, говорится об опытах гекзаметрами Жуковского и Дельвига, - и ни слова о гекзаметрах Мерзлякова, который *прежде* в*сех* в наше время ввел эту меру. Не понимаем, что значит такое опущение, и в следующем нумере предложим *документ*ы в подтверждение истины наших слов, в пособие будущему историку русской словесности»[385]. Вскоре после смерти Мерзлякова Погодин писал Шевыреву: «В стихах много прекрасного, чего в голову никогда не приходило нашим нищим - молным поэтам»[386] См. также в «Вестнике»: "Истинио драгоценными перлами, за сбережение коих мы не можем довольно возблагодарить

---

[382] См.: Морозов В.Д. Из истории журнальной критики 20-30-х годов X1X века (Журнал С.Е. Раича «Галатея»).- Художественное творчество и литературный процесс.Томск, 1982, вып.2.
[383] Московский Вестник, 1829, № 6, с.11.
[384] Галатея, 1830, № 6, с.337.
[385] Московский Вестник, 1830, № 3, с.321.
[386] 3 августа 1830 - Русский Архив, 1883, кн. 3, № 6 , с.156.

«Деннице», должно почесть две русские народные песни *А.Ф.Мерзлякова*. Бог судья неблагодарным, забывающим великие заслуги сего достойного мужа для нашей Поэзии: сии две песни суть углие горящее, брошенное на преступную главу их... Здесь не наброшено на *классические формы душегрейки новейшего уныния*, что проказники приписывают барону Дельвигу»[387]. В «Галатее» Раича: «Мерзляков, ознакомивший нас с древними образцами поэтическими, особенно с Виргилиевыми Буколиками, про которые мы, неблагодарные, теперь почти вовсе забыли!»[388]

Фразы о «неблагодарных» объясняются условиями борьбы, начавшейся после смерти Мерзлякова вокруг имени талантливого поэта. Если исходить из обстоятельств последних лет жизни Мерзлякова, то «неблагодарными» придется назвать многих, но в первую очередь, конечно, именно «москвичей», а не литераторов пушкинского круга, в большинстве своем не связанных с Мерзляковым биографически. Учитель, воспитавший многих из литературного поколения 1820-х гг., Мерзляков, как известно, был человеком тяжелым, пьющим, его литературные взгляды - и, соответственно, публичные выступления - выглядели иногда неприлично архаическими. Бывшие ученики Мерзлякова, авторы «Московского Вестника», нередко считали присутствие публикаций учителя в своем журнале чем-то компрометирующим.

Говоря о «неблагодарных», москвичи желали прежде всего подчеркнуть принадлежность Мерзлякова московской школе, в целом несправедливо оттесненной петербуржцами.

К 1825 г. складывается новая расстановка литературных сил, и «любомудры» наконец уходят из «Вестника» в новые, собственные издания («Мнемозина» - первое из них). Потребность в таких изданиях появляется рано: по словам Погодина, уже в 1822 г. «мы <т.е. члены кружка Раича> затевали журнал»[389] В 1824-25 гг. вышли 4 номера «Мнемозины», с конца 1826 г. начал выходить «Московский вестник», в 1827 г. - альманах «Северная Лира», с 1829 г - «Атеней» и «Галатея». По свидетельству Н.Ф.Павлова, в 1827 г. собирались издавать свой журнал А.И.Писарев и М.А.Дмитриев[390]

Если в 1811 г для Батюшкова Мерзляков - самый значительный

---

[387] Московский Вестник, 1830, № 2, с.167-68.

[388] Галатея, 1830, № 7, с.8-9.

[389] Погодин М.П. Воспоминания о князе Владимире Федоровиче Одоевском. М., 1869, с.49.

[390] Письмо В.Ф.Одоевскому от 2 сентября 1827 г. - Русская Старина, 1904, №1V с.194.

авторитет «Вестника» в эстетических вопросах - теоретичен излишне («система новая, глупая»), то в 1824 г. для Одоевского Мерзляков теоретичен недостаточно[391].

Одоевский следует здесь за своим учителем - И.И.Давыдовым, который на страницах «Вестника» критиковал классицистическую эстетику с шеллингианских позиций: «Читающим одного Батте, Эшенбурга, Лагарпа никогда и не приходило на мысль, что еловесность как наука должна иметь свои начала, чтобы составить систему»[392]

«Вестник» же со своей стороны продолжает обвинять современную русскую поэзию в однообразии, но теперь это однообразие уже представляется следствием шеллингианекой теории о всеобщем идеале изящного[393]

Литераторы, печатавшие в «Вестнике» свои ранние - и достаточно принципиальные - вещи, потом отказывались видеть в этом журнале предшественника их собственных изданий. Так, В.Ф. Одоевский в 1824 г. писал в «Мнемозине», что ни один русский журнал до сего времени не уделял внимания философии. При этом Одоевский с благодарностью вспоминал о статьях И.И.Давыдова в «Вестнике», но самый факт их публикации считал, видимо, почти случайным[394] М.А.Дмитриев, в 1816-25 гг. постоянно печатавшийся у Каченовского, в 1855 г. вспоминал о нем неприязненно - не то имея на то собственные причины, не то не желая противоречить общему мнению: «В те дни, как жил Василий Львович, Когда Антонской-Прокопович Ещё словесников сбирал; Когда Кокошкин возглашал Торжественно и важно оды, Так что дрожали залы своды И автор с радости дрожал; Когда для публики московской С старинной злостью Каченовской И с новой скукой – выдавал Уединенно свой журнал...»[393]

Отношения «Вестника Европы» с «Московским Вестником»,

---

[391] Примечание к статье Кюхельбекера «Письмо X1X. Дрезден 14/2 ноября 1820 (Отрывок из путешествия). – Мнемозина, ч.1, 1824.

[392] Разбор сочинения Сольгера: Эрвин, или четыре разговора об изящном и искусствах. – ВЕ, 1822, №№ 13-14, с.4.

[393] См., например: А.П. <Писарев?> Мои замечания (На статейку, выдернутую из Московского Телеграфа). – ВЕ, 1827, № 8.

[394] Заметим, что за год до того Одоевский судил несколько иначе: «с некоторого времени все статьи, наполняющие наши периодические издания, становятся от часу дельнее <...> ученые разыскания в «Северном Архиве", в «Вестнике Европы» и наконец в сем последнем статьи совершенно новые и отменно важные по части любомудрия» (ВЕ, 1823, №5, с.69).

[395] С.Т.Аксакову (30 генв. 1855 г.). - Дмитриев М.А. Мелочи из запаса моей памяти. М.,1865, с.225.

куда перешла большая часть молодых авторов, были весьма непростыми. Погодин не симпатизировал Каченовскому как человеку и не принимал его скептических оценок культуры Древней Руси. Ещё студентом второго курса Погодину не удалось защитить работу по археологии, потому что он не слушал лекций Каченовского; позже Погодин вспоминал об этом эпизоде: «Это было первое мое столкновение с Каченовским, с которым началась тотчас по окончании курса война тридцатилетняя»[396] (Ситуация описана Погодиным неточно: из его дневника 1823-24 гг[397] видно, что тогда сотрудничество с Каченовским молодой Погодин ценил, во всяком случае, относился к своему редактору без враждебности.)

«Московский Вестник» во многом продолжал традиции «Вестника Европы» (будучи притом его удачливым соперником, что и сказывалось во взаимных выпадах, которые, однако, были редки и непринципиальны[398]). О взаимно лояльном отношении «Московского Вестника» и Каченовского свидетельствует тот уникальный факт, что в 1828 г Каченовский опубликовал у Погодина свою статью[399]; издавая «Вестник», Каченовский никогда не печатался в других периодических изданиях, кроме изданий Общества истории древностей российских и Трудов общества любителей российской словесности.

Из «философической» молодежи наиболее прочно оказался связан с «Вестником» Надеждин, появившийся там позже других – в конце 1820-х – и бывший в последние годы журнала его ведущим литературным критиком. Творчество Надеждина обычно рассматривается вне контекста журнала. Утверждалось, что статьи Надеждина в «Вестнике» диктовались исключительно стремлением угодить университетскому начальству. Так, Кс.Полевой утверждал: «Каченовский обладал всеми качествами для покровительствования

---

[396] Цит. по: Барсуков Н. Жизнь и труды М.П.Погодина. Пб., кн.1, с.62; также с.146. Подобные же отзывы о Каченовском содержатся и в письмах Погодина к Шевыреву.

[397] Публикация К.Ю.Рогова. – Лотмановский сборник, 2, М., 1997.

[398] См., например, отрицательный отзыв в «Московском вестнике» на книгу постоянного сотрудника ВЕ Д.Глебова «Элегии и другие стихотворения» и возражение в «Вестнике Европы» (1827, № 14).

[399] Несколько слов на замечания г. Арцыбашева. - Московский Вестник, 1828, №№ 23-24.

покорного ему клиента. Распознав это, Надеждин уцепился за Каченовского и прикинулся жарким его поборником»[400].

В «Литературных опасениях на будущий год» Надеждин выражает практически те же требования ощутимого единства, «цельности» литературного произведения и значительности содержания, которые некогда выдвигал Мерзляков. С точки зрения истории эстетики разница между Надеждиным и Мерзляковым может быть значительной, но их позиции как литературных критиков, на наш взгляд, похожи и здесь разница сводится к разнице языков – Надеждин формулирует традиционную для «Вестника» позицию на языке современной немецкой эстетики. Расстановка сил остается прежней – Мерзляков некогда спорил с младокарамзинистом и романтиком Жуковским, Надеждин спорит с Пушкиным, принадлежавшим в глазах современников к той же школе, что и Жуковский.

Продолжая борьбу «Вестника Европы» с «петербургской школой», притязающей на монополию в литературе, Надеждин заявляет, что Пушкин - «высокомощный повелитель нашей словесности» - и его окружение утверждают "Faustrecht"; провозглашаемая романтиками свобода от правил (внеличных, ни от кого не зависящих) оборачивается, по мнению Надеждина, деспотизмом отдельных личностей, «романтической диктатурой» («Сонмище нигилистов»). Обвиняя Пушкина в отсутствии оригинальности – «отличительной черты гения»[401], Надеждин опять-таки развивает традиционную для критиков «Вестника Европы» мысль о том, что власть авторитетов губительна для творчества.

Современная литература, лишенная значительности содержания и самобытности, оценивалась Надеждиным в конце 1820-х очень невысоко, и в своем тотальном критицизме Надеждин напоминает «зоила» Каченовского. И, как и в случае с Каченовским, противники Надеждина были склонны объяснять этот критицизм завистью и злобой человека низкого происхождения. Отрицая современную литературу в целом, Надеждин, как известно, ожидал появления нового, еще небывалого стиля. И здесь утопист Надеждин, отвергающий реальность ради теоретического конструкта, представляется прямым наследником «педантов», предпочитавших «систему», «правила» «образцам», текстам.

---

[400] Николай Полевой. Материалы по истории русской литературы и журналистики 30-х годов. Л., 1934, с.263; см. также: Григорьев Ал. Воспоминания. М., 1988, с.61, Соболев П.В. Очерки русской эстетики первой половины X1X века Л., 1975, ч.11, с.46.

[401] Полтава, поэма Александра Пушкина. – ВЕ, 1829, № 8, с.299.

Погодин, сознавая, что Пушкин - главная литературная сила эпохи, всячески пытался удержать его в «Московском Вестнике», но втайне сочувствовал и статьям Надеждина; см. в его письмах Шевыреву: «Надеждин ратует в Вест. Евр. и решительно говорю, что это литератор истинный, хоть и кричат на него разные прихожане, хоть и недостает ему теперь вкуса»; «Надеждин вооружается против Пушкина и говорит много дела между прочим, хотя и семинарским тоном»[402]. Надеждину же такое поведение Погодина казалось двуличным: «Московский Вестник»! Этот должен быть вам верно по сердцу! Не очень резв и не очень смирен! Не совсем упрям и не совсем сговорчив! Точь в точь середка на половину! <...> Нет ничего отвратительнее подобной *обуморенности*. От ней тошнит, как от теплого!»[403] Но когда в 1830 г. надежды на сотрудничество Пушкина почти не осталось, Погодин публично высказался в поддержку Каченовского[404].

---

[402] 18 декабря 1829. - Русский Архив, 1882, № 5, с.П2; 28 апреля. - Там же, с.79.

[403] Всем сестрам по серьгам. - ВЕ, 1829, № 22, с.111-112.

[404] «....Исследования о древних русских монетах, о Русской Правде, несколько косвенных важных замечаний на И.Г.Р., несколько намеков о древней Истории в исследованиях о Черниговской гривне и об Иоанне Эксархе <...>дают г. Каченовскому право на почетное место между нашими писателями. К сожалению, наши недобросовестные литераторы умалчивают с умыслу о сих последних <....>»

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Историческое положение «Вестника Европы» парадоксально.

С одной стороны, позиция «Вестника» – явный анахронизм, и эта анахроничность – прежде всего в неуместности претензий профессиональной критики в эпоху критики писательской.

Но, выпадая из своего времени, «Вестник Европы» при этом оказывается связан с существенными тенденциями русской культуры не только предшествующей эпохи, но и эпохи последующей.

Знаменательно и не случайно, что в 1830-х – 1850-х гг. о «Вестнике Европы», имевшем определенно одиозную репутацию, с неожиданным уважением вспоминают литераторы демократического лагеря.

Белинский писал в «Литературных мечтаниях»: «Помните ли вы, чего стоили Мерзлякову его замечания на «Историю государства Российского», эти замечания старца, в коих было высказано почти всё, что говорили потом об истории Карамзина юноши? Да - много, слишком много нужно у нас бескорыстной любви к истине и силы характера, чтобы посягнуть даже на какой-нибудь авторитетик, не только что авторитет: разве приятно вам будет, когда вас во всеуслышание ославят ненавистником отечества, завистником таланта, бездушным зоилом, *желтяком?»*[405] Позволим себе привести известное место из воспоминаний П.В.Анненкова, где рассказывается о реакции Каченовского на «Литературные мечтания» Белинского: «Старик Каченовский, - вероятно, обольщенный свободными отношениями критика к авторитетам и частыми отступлениямн его в область философии, старый профессор, призвал тогда к себе Белинского, этого студента, ещё не так давно исключенного из унинерситета за малые способности, как говорилось в определении совета, жал ему горячо руку и говорил: «Мы не так думали, мы не так писали в наше время!»[406] Здесь важно не только то, что подобная встреча состоялась, но и то, что для близкого к Белинскому Анненкова Каченовский запомнился как своего рода единомышленник Белинского.

Чернышевский в «Очерках гоголевского периода русской литературы» не только назвал Надеждина «самым дельным» писателем его поколения, но и, совсем уж противореча общему мнению, утверждал, что «в «Вестнике Европы» Надеждин поместил

---

[405] Белинский В.Г ПСС: В 13 тт. М., 1953, т.1, с.55

[406] «Замечательное десятилетие», цит. по изд.. Анненков П.В. Литературные воспоминания. М., 1983, с.121.

значительных статей гораздо больше, чем потом в собственном журнале»[407]

О первой трети XIX в. иногда говорят как об эпохе в некотором смысле синкретичной, когда многое, впоследствии закрепленное за разными и противостоящими друг другу партиями, могло сосуществовать, совмещаться в пределах одного издания, литературной группы, в поведении одного литератора. К «Вестнику Европы» восходят традиции не только магистра Чернышевского, но и славянофилов: в журнале начинает формироваться важная для последующих десятилетий позиция «москвича», определяющими чертами которой были «ученость», оппозиционность доминирующим тенденциям в культуре и принципиальная «провинциальность». Все эти особенности журнала самым непосредственным образом связаны с тем, что «Вестник» был изданием Московского университета.

Пожалуй, захоти автор этой книги до конца выдержать тон абсолютного беспристрастия, автор бы все же слукавил. Книга вышла тенденциозной, и тенденцию эту можно понять как желание восстановить справедливость в нашем отношении к фигуре Каченовского. Пусть у пушкинских эпиграмм свой резон и даже своя мудрость, - но если эпиграмму можно оспорить по существу, то возразить эпиграмме – резон не меньше, если не сказать – обязанность. Такую обязанность и берет на себя эта книга.

Философия рационализма и просвещения, которой, согласно своему ее пониманию, оставался верен профессор Московского университета Каченовский (что в России, кстати, могло отнюдь не способствовать карьерному преуспеянию) основана, как известно, не в последнюю очередь на открытиях Ньютона и Лапласа – открытии, по-нашему выражаясь, *системы сдержек и противовесов* как основы всей космогонии...

«Вестник Европы» и осуществлял нечто наподобие как раз такой, в России традиционно дефицитной, системы, представляя некоторый противовес самой литературе, ее экспансии, русскому литературоцентризму, и противовес складывавшемуся внутри литературы «пушкиноцентризму», даже «пушкинобесию» – явлению, знакомому любому филологу, да и не только филологу. Наверное, памятней и продуктивней всего, если говорить о филологической науке, тенденция оппонирования пушкинской традиции реализовалась в знаменитом понятии «пушкинского канона» формалистов, но, как видим, само оппонирование это имеет продолжительную историю –

---

[407] Статья четвертая.

оппонирование сознательное, последовательное, хотя творческий и просто организационный аспекты противостояния в те времена не всегда могли достаточно разграничиваться.

Считать ли, что Каченовский отстал от новой эпохи, или что Каченовский отчасти предпочел остаться в своей, имея на то и чисто рабочие, конкретные причины? Может быть, подозревая, что и новой-то эпохе он скорей пригодится как раз в таком своем старом качестве?

ПРИЛОЖЕНИЕ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РЕДАКТИРОВАНИЯ «ВЕСТНИКА ЕВРОПЫ»

Из-за болезни и служебных обязанностей Каченовский бывал вынужден на время оставить журнал.

В 1808 г. официальным редактором «Вестника Европы» стал Жуковский, реально редактировавший журнал, судя по некоторым данным, с конца 1807 г Разговоры о переходе журнала в новые руки шли уже с лета: в начале июля Жуковский писал А.И.Тургеневу: «Хочу выдавать на будущий год «Вестника Европы». Каченовский отказывается...»[408]

15 номер «Вестника» (август) содержит материалы, которые, вероятнее всего, вошли в журнал без ведома Каченовского, - например, неподписанную рецензию на книгу И.Круга «Zur Münzkunde Russlands», где читаем: «Знаменитый исследователь истории наконец сам уверился, что «Песнь Игорева» не есть подложное сочинение<...> Шлецер называет баснею Олегово сухопутное путешествие на судах под Константинополь. Случай сей в самом деле походит на басню; однакож г.Круг старается отдать обратно достовершюсть сему историческому сказанию, на которое много уже раз нападали критики.<...> По исследованиям г-на сочинителя видно, что у руссов было много золота и серебра еще в 9 и 10 столетиях, и что в 8 веке они были совсем не в таком состоянии, как вообще думают»[409] Каченовский мог опубликовать статью коллеги, чьи научные взгляды не совпадали с его собственными, но в таких случаях обычно возражал в подстрочных примечаниях. И.Круг присылал свой труд в подарок Карамзину, и рецензия могла быть написана человеком из карамзинского окружения, а значит, попала в журнал, скорее всего, через Жуковского. В том же № 15, в переведенной с немецкого статье, находим описание Наполеона, в котором достаточно ясно сказывается романтическое любование сильной личностью[410]; такое тоже не могло появиться при

---

[408] Письма Жуковского к Тургеневым. М., 1895, с.34.

[409] С.198-199, 196, 199-200.

[410] «Выписка из берлинских писем», с.233-234. Позволим себе привести это описание: «Народ с крайним любопытством смотрел на Наполеона.<...> Оливковой цвет и сухие на лице мышцы дают ему какую-то мрачную наружность. Нельзя назвать огненными черноватые глаза его: однакож взоры его быстры и проницательны. Нет в них приятности; но есть сила, и если кто

Каченовском, который, говоря о Наполеоне, всегда старался выдерживать насмешливый и пренебрежительный тон. Между тем для Жуковского образ Наполеона принадлежал к сфере высокого, хотя действия Наполеона и могли подлежать этическому осуждению (см., например, «Агасфера» и особенно «Ночной смотр»). Такое отношение к Наполеону было воспринято, вероятно, от Карамзина.

В 1809-1810 гг. Жуковский и Каченовский были соредакторами, в 1813-14 гг журнал редактировал В.В.Измайлов. Принято считать, что «Вестник» перешел в руки Измайлова только в 1814 г., но на самом деле - как и в случае с Жуковским - в 1814 г. было лишь юридически оформлено то, что в действительности произошло годом раньше: уже в 1813 г. Каченовский почти не занимался журналом, о чем свидетельствует заметка «От издателя»: «Мучительная болезнь, почти весь нынешний год продолжавшаяся, препятствовала мне заниматься прилежно сочинением «Вестника Европы». Нахожусь принужденным отказаться от сего издания...»[411]. См. также в письме Каченовского И.И.Мяртынову от 15 декабря 1813 г.: "Почти весь нынешний год я страдал от мучительной болезни. Теперь выздоравливаю; несмотря на то, я не мог и не хотел долее оставаться журналистом: есть важнейшие по моей должности упражнения, которыми надобно мне заняться с особенным прилежанием. Сбираюсь издать в свет систематические

не испугается при первом взгляде Наполеоновом, то такого человека можно назвать неустрашимым. Лице его довольно складно и важно; глаза беспрестанно движутся, и показывают всегдашнюю деятельность духа. Очень редко на лице его появляется улыбка, и сия улыбка такого рода, что никто видя ее не осмелится сделать то же; она походит на молнию, коей стрелы не возбуждают веселия. Я видел сию улыбку на лице Наполеона, когда при въезде его в город восклицания солдат (Vive l'Empereur!) смешались с кликами немногих берлинских жителей – сказывают, молодых людей."

[411] ВЕ, 1813, № 24, с.319.

правила для наук, преподаваемы мною в Университете»[412] О «смене власти» говорит и содержание журнала: в 1813 г. журнал заполняют материалы Измайлова, а материалы Каченовского редки; печатается гораздо больше стихов, и проч.

[412] РО ПД, ф.93, оп.3, № 592.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

А Р., 91
Август, Октавиан, 70
Аддисон Дж., 39, 91
Аделунг И.-К., 43
Аксаков С.Т., 18, 54, 108
Алексеев М.П., 49, 51
Альтшуллер М., 44, 74
Анастасевич В.Г., 8, 14, 26, 28, 36, 39, 81, 87, 98
Андросов В.П., 100, 102, 103
Анненков П.В., 112
Антонский-Прокопович А.А., 18, 42, 108
Арапов П.Н., 13
Аристотель, 43, 72
Арцыбашев Н.С., 109
Аст Ф., 32

Б

Байрон Д.-Г., 36, 40, 45, 55, 56, 67, 87
Баратынский Б.А., 97, 98
Барков И.С., 4
Барсуков Н.П., 79, 109
Баргелеми Ж.-Ж.., 48, 96
Батте Ш., 108
Батюшков К.Н., 9, 10, 18, 19, 23, 41, 46, 50, 58, 60, 61, 65, 72, 75, 85, 87, 89, 96, 97, 107
Бахарев В., 96
Бахмутский В.Я., 47
Бахтин Н.И., 50
Бейль А. (Стендаль), 36
Белинский В.Г., 4, 5, 15, 66, 79, 83, 87, 100, 112
Беллок, 36
Березина В.Г., 14, 15
Бернарден де Сен-Пьер Ж.-А., 71
Бернарди А -Ф., 34
Бестужев А.А., 38, 55, 96
Бишинг А.-Ф., 28
Блер Х., 43

Бобрищев-Пушкин Н.С., 64
Бобров С.С., 8, 70
Богатырев, 89, 96
Бок. Брдбрг, 42
Болдырев А.В., 64
Болховитинов Е.А., 14, 81
Буало Н., 21, 41, 43, 47, 48, 51, 52
Булгарин Ф.В., 84, 91
Бутервек Ф., 58

В

В., 106
В.Ч. (Чуриков?), 30
Вашуро В.Э., 10, 15, 78, 97
Вебер К.-М., 56
Вейссе К.-Ф., 67
Веневитинов Д.В., 102
Венелин Ю., 77, 93
Вергилий, 90, 107
Веселовский А.Н., 59
Воейков А.Ф., 23, 35, 36, 37, 44, 51, 56, 59, 60, 62, 83, 89, 90, 91
Войцехович И.Л., 27
Волков А.А., 12
Вольтер Ж.-М.-А., 10, 21, 22, 23, 26, 43, 46, 47, 50, 53, 63, 80
Воскресенский М.И., 97
Востоков А Х., 63, 75, 103
Вяземский П.А., 14, 19, 20, 22, 23, 24, 36, 37, 38, 42, 50, 58, 59, 60, 61, 72, 75, 78, 85, 87, 89, 97, 98, 104

Г

Галинковский Я.А , 10
Галломанов, 71
Гаспаров М.Л., 73, 105
Гевлич А.И., 53
Гегель Г.-В.-Ф., 96
Геерен А -Г.-Л., 32
Гейне Г., 15, 16
Георгиевский П.Е., 52
Гердер И.-Г., 32
Геснер С., 21
Гете И.-В., 22, 23
Гиллельсон М.И., 42

Гинзбург Л.Я., 14, 15, 23, 24, 58, 59
Гиппиус В.В., 89
Глаголев А.Г., 42, 65, 66, 90, 101
Глебов Д.П., 109
Глинка С.Н., 70, 76, 77
Гнедич Н.И., 18, 41, 58, 72, 75, 106
Гоголь Н.В., 92
Голенищев-Кутузов П.И., 18, 81
Гомер, 29, 53, 62, 63
Гончаров И.А., 5
Гораций, 15, 43, 63, 73
Горчаков Д.П., 13
Грамматин Н.Ф., 10, 22, 75, 76
Греч Н.И., 84, 89, 91
Грибоедов А.С., 5, 60, 61, 71
Григорьев А.А., 5, 69, 87, 93, 110
Гудим-Левкович И.Ф., 49
Гудков Л., 26
Гуковский Г.А., 58
Гумбольдт А.-Ф.-Г., 103

Д

Давыдов И.И., 24, 82, 96, 100, 102, 108
Дашков Д.В., 10, 21, 42, 67, 72, 75
Декарт Р., 47
Делиль Ж., 22, 58
Дельвиг А А , 37, 85, 98, 103, 106, 107
Державин Г.Р., 54
Десницкий В.А ,7, 11
Дешан Э., 69
Дионисий, 43
Дмитриев И.И., 10, 15, 20, 21, 22, 23, 35, 37, 46, 51, 53, 54, 62, 65, 96, 97, 100, 106
Дмитриев М.А., 41, 42, 56, 60, 61, 72, 73, 91, 100, 101, 103, 107, 108
Добролюбов Н.А., 93
Достоевский Ф.М., 5, 16
Дубин Б, 26
Дюбо Ж.-Б., 53
Дюкло Ш., 50, 51

Е

Еврипид, 21
Егоров Б.Ф., 92

Ж

Жанлис С.-Ф., де, 31, 39, 40
Живов В.М., 48
Жирмунский В.М., 55
Жихарев С.П., 85
Жофроа Ж.-Л., 70, 75
Жуи В.-Э., 98
Жуковский В.А., 5, 12, 13, 14, 23, 24, 35, 38, 39, 40, 41, 42, 45, 51, 54, 56, 58, 59, 60, 61, 66, 77, 84, 85, 86, 89, 97, 98, 106, 110, 115, 116
Журавлева А.И., 2, 86
Журден, 62, 65

З

Загорский Ф., 21
Загоскин М.Н., 31
Захаров И.С., 85
Зольгер К.-В.-Ф.(см. Сольгер)
Зубчанинов, 43

И

Иванчин-Писарев Н.Д., 32, 98
Ивинский Д.П., 2
Измайлов А.Е., 81, 89, 95, 96, 97, 98
Измайлов В.В., 14, 28, 42, 45, 97, 116, 117
Иконников В.С., 6, 79
Илличевский А.Д., 85
Ильинский П., 81
Илья Остоженской, 95
Иннокентий, архиепископ Рижский и Псковский, 71
Иммерман К.-Л., 15

К

К. (см. Каченовский), 24 , 80
Кайсаров А.С., 8

Калайдович К.Ф., 89
Каменский З.М., 20, 54
Кант И., 80, 96
Канунова Ф.З., 60
Капнист В.В., 76
Карамзин Н.М., 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 18, 19, 20, 23, 25, 29, 32, 33, 35, 38, 41, 50, 51, 52, 53, 58, 59, 72, 77, 78 , 85, 89, 93, 95, 96, 97, 101, 112, 115, 116
Катенин П.А., 50, 59
Каченовский В.М., 42
Каченовский М.Т., 6, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 18, 20, 21, 22, 23, 24, 26, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 48, 51, 52, 54, 56, 57, 60, 64, 65, 67, 68, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 95, 97, 98, 100, 101, 102, 103, 105, 106, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 117
Квитка-Основьяненко Г.Ф., 100
Киселева Л.Н., 71
Княжнин Я.Б., 77
Козмин Н.К , 11
Козьма Прутков, 96
Кокошкин Ф.Ф., 108
Кольцов А.В., 66
Колюпанов Н.П., 14, 15
Комаров А.Л., 11
Кондильяк Э.-Б., 48, 50
Кони Ф.А., 5
Корнель П., 21
Котикова П.Б., 5
Коттен М., 39
Коцебу А.-Ф., 21, 39, 67
Кошелев А.И., 14
Кошелев В.А., 66
Круг И., 115
Крылов И.А., 29
Кудрявцев И.А., 6
Кювье Ж., 87
Кюхельбекер В.К., 41, 45, 59, 66, 84, 98, 108

Л

Лабзин А.Ф., 81
Лагарп Ж.-Ф., 46, 47, 58, 62, 108
Ламартин А., 49
Лаплас П.-С., 113
Лафонтен Ж., 15

Левкович Я.Л., 97
Леонар, 39
Лермонтов М.Ю., 5, 92
Лесков Н.С., 5
Лессинг Г.-Э., 31
Ливий, Тит, 31, 32, 34, 35
Локк Дж., 80
Ломоносов М.В., 8, 25, 44, 48, 56, 57, 59, 61, 73, 74, 103
Лонгин, 45
Лотман Ю.М., 3, 7, 8, 18, 23, 33, 51, 53, 56, 70, 78
Лубяновский Ф.П., 81
Лузанов, 96
Лука Говоров, 72

М

М. (см. М.Т.Каченовский), 24, 34, 45, 64, 68
М.М.г.з.н.р (Магазинер М.Я.?), 64
Магницкий М.Л., 82
Маймонид, 64
Макаров М.Н., 12, 21, 39, 42, 54, 97
Макиавелли Н., 32
Максимович М.А., 78, 101
Мартос И.Ф., 75, 76
Мартынов В.А., 11
Мартынов И.И., 116
Масальский К.П., 20
Медведева И., 97, 98
Мемнон (см. И.И.Давыдов), 24, 102
Мерзляков А.Ф., 3, 7, 8, 11, 12, 18, 21, 22, 23, 24, 25, 27, 29, 31, 42, 50, 51, 52, 53, 54, 56, 63, 64, 65, 66, 67, 74, 85, 86, 89, 101, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 110, 112
Метастазио П.-А.-Д.-Б., 65
Милонов М.В., 12, 76, 89
Мильтон Д., 21, 24
Митюк Л.В., 7
Мицкевич А., 67
Мольер, Ж.-Б., 35, 40,
Мопассан Г., де, 28
Мордовченко Н.И., 11
Морозов В.Д., 11, 106
Мотеюнайте И.В., 5
Муравьев-Апостол И.М., 63, 72, 90

Н

Н.Д., 90
Надеждин Н.И., 11, 12, 36, 37, 51, 55, 56, 78, 79, 92, 93, 109, 110, 111, 112, 113
Наполеон, 115, 116
Нахимов А.Н., 49
Нестор, 76
Нечаева В.С., 100
Николай I, 78, 79
Новиков Н.И., 92
Ньютон И., 113

О

Обломиевский Д.Д., 50, 69
Одоевский В.Ф., 4, 17, 25, 60, 68, 84, 91, 94, 95, 100, 101, 102, 107, 108
Озеров В.А., 21, 22, 31
Ознобишин Д.П., 100
Оленин А.Н., 27
Орлов А.А., 16
Остолопов Н.Ф., 89

П

Павлов Н.Ф., 107
Пакувий, 70
Палицын А.А., 23, 44, 82
Паллас П.-С., 28
Пенская Е.Н., 96
Перевощиков В.М., 8, 14, 27, 29, 36, 43, 52, 53, 57, 61, 81, 82
Перевощиков Д.М., 82
Перень, 24
Перро Ш., 47, 63
Петрарка Ф., 65
Петров В.П., 55, 57
Песков А.М., 11, 41, 47
Петр I, 43, 71, 84
Писарев А.И., 41, 67, 107, 108
Писарев Д.И., 5
Плетнев П.А., 35, 98
Погодин М.П., 8, 32, 33, 37, 41, 51, 68, 77, 79, 84, 85, 91, 93, 98, 100, 103, 106, 107, 109, 111
Подражаев (см. С.Т.Аксаков), 18
Полевой Н.А., 5, 9, 15, 36, 78, 90, 98, 100, 101

Полевой Кс.А., 109
Поплавская И.А. 11
Проскурин О.А., 95, 101
Протопопов М., 82
Пушкин А.С., 3, 5, 8, 16, 19, 20, 23, 32, 33, 34, 36, 37, 39, 40, 46, 49, 50, 51, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 65, 66, 69, 78, 79, 87, 90, 91, 92, 93, 97, 103, 105, 110, 111, 113
Пушкин В.Л., 38, 39, 42, 57, 75, 85, 89, 108
Пушкин Л.С., 61
Пыпин А.Н., 6, 79

Р

Радищев А.Н., 52, 62
Раич С.Е., 51, 57, 98, 100, 105, 106, 107
Расин Ж., 21, 50, 68
Рейтблат А.И., 13
Рогов К.Ю., 12, 39, 42, 72, 91, 109
Рожалин Н.М., 100
Розен Е.Ф., 93
Роллен Ш., 43
Рубинштейн Н.Л., 6, 31
Руссо Ж.-Ж., 21, 47

С

С..., С...кий (см. Стопановский)
Сакулин П.Н., 82, 102
Сапонова Н.О., 47
Сарразен А.-А., 39, 40
Свиньин П.П., 9
Сенека, 50
Сенковский О.И., 16
Сен-Ламберт Ж.-Ф., 81
Сисмонди, С., де, 64
Скабичевский А.М., 25
Скотт В., 31, 40
Снядецкий И.А., 80, 96
Соболев П.В., 110
Соловьев С.М., 6, 33, 76, 77, 78, 79
Сольгер (Зольгер) К.-В.-Ф., 24, 108
Сомов О.М., 59, 85, 90
Спасский Г.И., 29
Сперанский М.М., 35

Сталь Ж., де, 3, 68
Станевич Е.И., 44, 75, 82, 83
Стендаль, см. Бейль
Стиль Р., 39, 92
Стопановский Ф.С., 43, 49, 50, 65, 68, 69, 71, 104
Строев П.М., 12, 14, 30, 76, 89
Стр-вич, 13
Сумароков А.С., 20, 21, 22, 31, 47, 50, 56, 57
Сумароков П.П., 38
Сушков Н.В., 49

Т

Т. (см. Каченовский), 24
Тассо Т., 65, 104
Тацит, 34
Титов В.П., 103
Тодд У.М., 15, 16, 17
Толстой Л.Н., 5, 78
Толстой Я.Н., 21
Томашевский Б.В., 33
Тредьяковский В.К., 56, 92, 104
Турбин В.Н., 92
Тургенев А.И., 9, 20, 36, 39, 58, 65, 97, 100, 104, 115
Тынянов Ю.Н., 6, 23, 32, 33, 46, 55, 56, 57
Тютчев Ф.И., 105

У

Уваров С.С., 12, 78
Успенский Б.А., 7, 8, 18, 23, 35, 78

Ф

Федоров Б.М., 96, 98
Фенелон Ф., 52
Филимонов В.С., 101
Филиппов М.М., 82
Фирдуси, 64
Фихте И.-Г., 80, 96
Фризман Л.Г., 97
Фукидид, 31, 34

Х

Хвостов Д.С., 41
Херасков М.М., 21, 22

Ц

Цицерон М.Т., 43, 72

Ч

Чаадаев П.Я., 77, 78
Чернышевский Н.Г., 112, 113
Чудаков А.П., 32
Чуриков В., 30, 49

Ш

Ш.Щ., 31
Шаликов П.И., 97, 106
Шатобриан Ф.Р., де, 45
Шаховской А.А., 13
Шевырев С.П., 11, 32, 58, 65, 85, 100, 103, 104, 105, 106, 109, 111
Шеллинг Ф.-В.-И., 45, 80, 82, 96, 105, 108
Шиллер Ф., 67, 68
Ширинский-Шихматов С.А., 44, 45, 70, 73, 84
Ширяев А.С., 39
Шишков А.С., 8, 11, 18, 22, 41, 42, 44, 45, 59, 60, 70, 72, 73, 74, 75, 77, 78, 81, 85
Шкловский В.Б., 15, 16,
Шлегель А., 105
Шлецер А.Л., 32, 76, 77, 78, 115

Э

Эберхард И.-А., 28
Эвклид, 48
Эйхенбаум Б.М., 45
Эксарх, Иоанн, 111
Эленшлегер А.-Г., 67
Энний, 70
Эшенбург И.-И., 108

Ю

Юм Д., 32
Юноша Белого города (см. Квитка-Основьяненко, Н.Полевой) , 100
Юнг-Штиллинг И.-Г., 81
Юст Веридиков (см. М.А.Дмитриев)

Я

Яковлев П.Л., 96, 97
Янушкевич А.С., 2, 60

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3

«ПРАВИЛА», «ОБРАЗЦЫ», «АВТОРИТЕТ» 18

ПРОБЛЕМА ГРАНИЦ И ЦЕННОСТНОЙ СТРУКТУРЫ СЛОВЕСНОСТИ 26

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЛИТЕРАТУРНОГО СПОРА 35

КАРАМЗИНИСТЫ, «АРХАИСТЫ» И «ВЕСТНИК ЕВРОПЫ» КАК «ТРЕТЬЯ СИЛА» В ЛИТЕРАТУРНОЙ БОРЬБЕ ЭПОХИ 41

ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕФОРМА КАК НАУЧНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ 62

ОБ «АНТИРОМАНТИЧЕСКОЙ» РЕПУТАЦИИ «ВЕСТНИКА ЕВРОПЫ»: ЛИТЕРАТУРНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ КАК ПРОБЛЕМА 67

"ВЕСТНИК ЕВРОПЫ» И НАЦИОНАЛИЗМ 70

«ВЕСТНИК ЕВРОПЫ» И РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ ЭПОХИ 80

«ВЕСТНИК ЕВРОПЫ» КАК МОСКОВСКИЙ ЖУРНАЛ 84

ПЕРСОНИФИКАЦИЯ ЖУРНАЛА И ПАРОДИЙНАЯ МАСКА 89

ПОКОЛЕНИЕ ЛЮБОМУДРОВ 100

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 112

ПРИЛОЖЕНИЕ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РЕДАКТИРОВАНИЯ «ВЕСТНИКА ЕВРОПЫ» 115

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ 118

Издательство АО "Диалог-МГУ".
ЛР № 063999 от 04.04.95 г.
Подписано к печати 17.08.98 г.
Усл.печ.л. 8,25. Тираж 200 экз. Заказ 830.
Тел. 939-3890, 928-2227, 928-1042. Факс 939-3891.
119899, Москва, Воробьевы горы, МГУ.